

Федеральное агентство по образованию
Белгородский государственный университет

С. П. ГРИНЕВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ БЕЛГОРОДЧИНА
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Учебное пособие

Белгород 2006

ББК 63.3 (2)
Г 85

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Белгородского государственного университета

Рецензенты:

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы
и методики преподавания БелГУ *Л.К. Казимилова*;

кандидат педагогических наук,
директор Белгородской земской школы № 20 *В.А. Маслова*

Гринева, С.П.

Литературная Белгородчина в контексте истории русской литературы :
Г 85 учеб. пособие. 2-е изд. / С.П. Гринева– Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. –
188 с.

В данном пособии представлена жизненная и творческая судьба литераторов-белгородцев прошлого и настоящего в контексте развития русской литературы. Предложены варианты использования литературно-краеведческого материала при изучении школьной программы по литературе на уроках, факультативных занятиях, во внеклассной работе.

В приложениях даны фрагменты из литературно-художественного творчества писателей, эпистолярного наследия, фотографии, литература.

Пособие предназначено в помощь студентам и учителям словесности. Оно может быть интересно и широкому кругу читателей, неравнодушных к культуре родного края.

Данное пособие – второе издание, дополненное и исправленное.

ББК 63.3 (2) Г 85

© Гринева С.П., 2006

© Белгородский государственный
университет, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
В.Г. Рубан – журналист и просветитель.....	6
В.Ф. Раевский – поэт и общественный деятель	12
Н.В. Станкевич и его современники.....	30
И.Н. Шидловский и Ф.М. Достоевский	52
А.В. Никитенко – русский критик и литературовед	70
Н.Н. Страхов – литературный критик и публицист	83
С.Т. Славутинский – писатель-просветитель	132
В.Я. Ерошенко – писатель и переводчик	141
В.И. Федоров – певец Белогорья	148
Антология современной Белгородчины	168
Приложение. По волнам моей памяти	178
Вместо заключения	184

Предисловие

Литературное краеведение составляет важное звено в образовании и воспитании человека. Оно входит в систему литературоведческих исследований как неотъемлемая часть сложного процесса, с одной стороны, и с другой стороны является важным фактором формирования духовности, любви к родной земле, уважения к тем, кто множил и развивал культуру Отечества. Оно также дает возможность увидеть и понять закономерности развития литературы в целом как процесса, и как деятельности писателей «больших» и «малых», возвращенных не только столицей, но и периферией. Переплетения судеб столь сложны, что выбросить что-либо, умолчать о чем-то или о ком-то — значит дать необъективное представление об истории литературы. Ю. Тынянов был прав, утверждая, что для развития литературы важна деятельность каждого: и корифеев, и «рядовых солдат писательского фронта». Нередко эти «рядовые» оказывали существенное влияние на творчество корифеев: увидев первыми важные тенденции времени, они давали толчок последним, которые, подхватив идею, развивали ее в силу своей гениальности. Например, В.Г. Белинский, И.С.Тургенев и другие литераторы прошлого столетия отмечали огромное воздействие на их мировоззрение, эстетические поиски нашего земляка Н.В. Станкевича. Ф.М. Достоевский свидетельствовал, что Н.Н. Страхов (уроженец Белгорода) — известный критик, философ и литературовед — был одним «из людей, наисильнейше отразившихся» в его жизни. Велико влияние поэта, философа, публициста и «первого декабриста» из белгородского края Владимира Раевского на формирование вольнолюбивых идеалов А.С. Пушкина и его интереса к истории России. Немалый след в журналистике XVIII века оставил белгородец — писатель, журналист и знаток русской истории — В.Г. Рубан, благодаря которому впервые россияне познакомились с произведениями Г. Державина. И.Н. Шидловский, друг Ф.М. Достоевского, уроженец Бирюча, оказал, по утверждению самого писателя, огромное развивающее воздействие в ранний романтический период

жизни Федора Михайловича. С.Т. Славутинский – тоже наш земляк – занимал достаточно важное место в «Современнике» в самое трудное, критическое для журнала время (ухода из него Л. Толстого, И. Гончарова, И. Тургенева и др. уже известных России писателей). Возглавив в нем два отдела, он не разделял крайне нигилистических взглядов руководителей журнала и сохранил «свое лицо», призывая писателей к всестороннему объективному освещению действительности.

В истории развития современной литературы, от начала нашего века до сегодняшнего дня, тоже весьма заметен «белгородский след».

В данном пособии сделана попытка представить жизнь и творчество белгородских писателей и деятелей литературы в контексте общих тенденций развития русской литературы, а также определить место этого материала в органической ткани литературного образования.

Книга предназначена как пособие для студентов и учителей словесности.

Автор

В.Г. РУБАН – ЖУРНАЛИСТ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Василий Григорьевич Рубан – русский писатель, журналист, издатель, историк. Его имя было широко известно в России второй половины XVIII века. Современник Г.Р. Державина, Д.И. Фонвизина, И.Ф. Богдановича, М.Д. Чулкова М.М. Хераскова, Н.И. Новикова и др.

В.Г. Рубан родился 14(25) марта 1742 года в Белгороде. О раннем периоде его жизни до нас дошло немного сведений. Известно, лишь что он получил неплохое домашнее образование и что по происхождению он был из казаков. Два года он обучался в Киевской духовной академии. В середине XVIII века это учебное заведение было достаточно престижным. До появления Московского университета Академия славилась высоким уровнем преподавания. В ней стремились обучаться не только дети разночинцев, но и дворяне. По этому поводу Модзалевский – один из немногих исследователей наследия Рубана – пишет: «Как прошло его детство и кто были его первые наставники и учителя – неизвестно, знаем, что первоначальные уроки он получил в доме отца, который потом поместил его в Киевскую духовную академию, бывшую рассадником просвещения...». Рубан закончил курс философии и переехал в Москву. И здесь в описании дальнейшего этапа жизни его есть разные версии. По утверждению О.И. Борисова – автора статьи «Поэт, журналист, издатель» (5) – Рубан обучался в гимназии при университете, который открылся к этому времени, вначале – в гимназии для разночинцев (а была еще гимназия для дворян), а затем, через четыре года, он стал студентом университета. В «Краткой литературной энциклопедии» в информационной статье Н.Д. Кочетковой утверждается, что он после Киевской академии обучался в Московской духовной академии (Краткая литературная энциклопедия, в 9-ти томах, Т.6.М., 1971, с.410).

Следует отметить, что В.Г. Рубан получил глубокое и широкое образование: владел несколькими иностранными европейскими языками, кроме того – латинским, греческим, турецким; имел обширные познания в области ес-

тественных, исторических наук, философии и искусства. Многого он достиг самообразованием. В девятнадцать лет он напечатал свое первое литературное произведение «Папирия римского отрока, остроумные вымыслы и молчание», которое являлось художественным переводом с латинского.

Есть сведения, что после учебы Рубан поступил на государственную службу. Имеется документ, подтверждающий один из его служебных эпизодов – это аттестат, выданный из «Коша войска ея императорского величества запорожско-низового», датированный 10 августа 1763 годом. Он указывает на то, что наш талантливый земляк служил в Запорожье переводчиком с турецкого языка, «пребывая у Никитина перевоза, на Днепре, для выдачи русским подданным, ездившим по торговым делам в Крым» (5, с.48).

Однообразная жизнь провинции, лишенная разносторонности занятий, тяготит Рубана. Он предпринимает все возможные меры, чтобы вернуться в центр. Ему это удается. В 1764 году он переводится в Петербург. Истосковавшийся по интеллектуальной жизни, Рубан активно включается во многие сферы деятельности. В этот период в России достаточно интенсивно развивается журналистика, и он отдается этому увлечению. Он сотрудничает в самых популярных журналах того времени. В 60-80-х годах это – «Доброе намерение», «Санкт-Петербургский вестник», «Растущий виноград». Особо следует отметить сотрудничество в журналах знаменитого просветителя XVIII века Н.И.Новикова «Трутень» и «Живописец», в которых он помещал переводы с французского, немецкого, древнегреческого и здесь же печатались его собственные произведения (преимущественно, стихи). Сотрудничество в столь авторитетных российских журналах свидетельствует о незаурядных способностях Рубана, творчество которого открывало двери во все, практически, издания.

Энергия и жажда творчества не ограничивалась активным сотрудничеством в названных изданиях. Рубан решает организовать свой журнал. Им издаются собственные журналы: в 1769 году – «Ни то, ни се»; в 1771 – «Трудолюбивый муравей»; в 1772 – 73 годах – «Старина и новизна». Эти журналы

были довольно умеренными в политическом плане, многоплановыми и многотемными по содержанию.

Критики единодушно выделяют журнал «Старина и новизна», называя его наиболее интересным. В нем печатались исторические материалы. К сотрудничеству были приглашены достаточно известные деятели того времени, такие как М.М. Херасков, учитель Рубана из Киева известный педагог Г. Конисский, Г.Р. Державин. О Г.Р.Державине следует сказать в этой связи особо.

Г.Р. Державин первыми своими публикациями обязан В.Г. Рубану. Гаврила Романович служил в Преображенском полку. Ему было около тридцати лет, он получил офицерский чин и серьезно не помышлял о поэтическом поприще. Стихи и переводы писал для себя и читал их в узком кругу друзей. О его увлечении мало кто знал. Без особой надежды он послал стихи в журнал В.Г. Рубана, и два из них были напечатаны – ода «На бракосочетание великого князя Павла Петровича» и перевод с немецкого – «Ироида, или Письма Вавлиды в Канву». Они появились в журнале «Старина и новизна» В.Г. Рубана, который первый открыл читателю будущего корифея русского классицизма и который позднее стал наставником, проводником и учителем для последующих поколений российских поэтов, среди них был и юный А.С. Пушкин.

Особо отметим, что В.Г. Рубан все эти годы не оставлял государственную службу в коллегии иностранных дел, которой отдавал много сил и времени, проявляя необыкновенную ответственность, трудолюбие, сметливость. Это не раз было отмечено. Он служил на разных должностях: переводчиком, протоколистом Межевой экспедиции Сената, секретарем у Г.А. Потемкина. У Потемкина он прослужил дольше всего (почти восемнадцать лет). Известный вельможа его высоко ценил, может, этим и объясняется столь долголетнее их сотрудничество. У Модзалевского в исследовании есть факт о том, что книга «Историческое, географическое и топографическое описание С.-Петербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год» была издана на

средства Потемкина с сохранением собственности на нее Рубана. Сохранилось любопытное письмо, в котором текст зарифмован. Рубан нередко рифмовал письма неофициальные, дружеские. Одно из них приводит О.И.Борисов (5, с.49). Оно о службе у Потемкина:

Осьмнадцать лет при нем я непрерывно был,
Преж Турчанинова,
Вершницкого, Чулкова,
Бушуева и их преемника Попова;
Я из сенатских взят к нему секретарей,
Правителем его был письменных идей.
И в прозе, и в стихах и день и ночь трудяся,
Нередко бодрствовал, спать сутки не ложаяся,
Через то и зрение, и слух мой потерял,
И более служить уже не в силах стал ...

В свободное от службы время он пишет стихи, оды, заполняет ими свои журналы. На основе свидетельств Н.Д. Кочеткова пишет, что он «писал и похвальные стихи с расчетом на вознаграждение или в благодарность за подарки» (Краткая литературная энциклопедия, с. 410).

Журналы Рубана, исчерпав себя, прекратили существование. Но он продолжает заниматься издательством. Если его «тяжеловесные стихи вызывали насмешки современников» (там же), то историко-географические статьи с описанием памятников, статьи по истории, статистике, географии и сейчас представляют интерес для специалистов, так как написаны они на живых, подлинных документах. Это прежде всего «Краткие географические, политические и исторические известия о Малой России», «Краткая летопись Малой России с 1506 по 1776 год». «Начертание, подающее понятие о досто-славном царствовании Петра Великого».

О.И. Борисов в уже упомянутой статье воссоздает историю создания одного из материалов: «Собирая материалы для «Начертания», Рубан неожиданно наткнулся на рукописную историю Петербурга». Это так заинтересовало

Рубана, что он отложил все свои прежние планы и принялся за новую работу. В 1779 году вышла его книга «Историческое, географическое и топографическое описание С.-Петербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год». Рубан, взяв за основу найденную рукопись, пополнил ее новыми документами и материалами. Получилась увлекательная и познавательная книга. Она имела большой резонанс, о ней положительно отзывались ученые, критики, историки.

Приведем одну из оценок книги, данную уже в конце XIX века: «Описание Петербурга», тщательно и толково составленное по архивным документам, и до сих пор представляет драгоценную справочную книгу, благодаря обилию и разнообразию заключенного в ней исторического материала, пользование которым облегчается предметным указателем, приложенным в конце книги. Кроме того, издание это украшено множеством гравюр, изображающих большею частью различные здания Петербурга, теперь уже не существующие ... По свидетельству Петрова, «Описание Петербурга», изданное на средства князя Потемкина в пользу Рубана, по точности и добросовестности собранных сведений, а также по их достоверности, превосходит все прочие материалы для истории столицы за первое полу столетие по основании ее» (1). После этой книги появилось его описание Москвы.

В конце жизни В.Г. Рубан жил, борясь с нуждой. Болезнь не давала возможности служить, а литература и журналистика не принесла ему материального благополучия.

Умер Василий Григорьевич в Петербурге в 1795 году, где и похоронен. Его имя вошло в историю русской литературы и культуры в целом. Будет справедливо возродить это имя в памяти наших современников.

Фрагментарно сведения о его жизни, месте в истории литературы и в судьбе известных людей можно включить (с использованием различных методических приемов) в темы, связанные с творчеством Г.Р.Державина, Д.И. Фонвизина; на уроках по теории литературы, где дается понятие классицизма; во вводных лекциях о журналистике XVIII века, связав с деятельностью Н.И. Новикова.

Имя Рубана возможно воскресить на уроках истории России XVIII века, поставив его рядом с Потемкиным, с которым он прожил бок о бок восемнадцать лет, как мы уже говорили, будучи его секретарем, и который принял живое участие в издании книг Рубана.

Как самостоятельная, монографическая, тема разговора о жизни и творчестве Рубана может прозвучать на факультативных занятиях и по литературе, и по истории.

Это может быть и эпизодическое внеклассное мероприятие, цель которого – знакомство с жизнью и деятельностью нашего земляка, современника корифеев литературы Новикова, Державина, Фонвизина.

Перечень предложенных методических вариантов может быть продолжен, исходя из творческих фантазий учителя.

Важно, чтобы школьники поняли, что судьба, деятельность и само имя Василия Григорьевича Рубана не забыты. Они оставили свой след в истории культурной жизни России. И нам, белгородцам, есть чем гордиться. Он – Василий Григорьевич Рубан – наш земляк.

Литература

1. Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. – М.; Л., 1952.
2. Борисов О.И. Поэт, журналист, издатель. – В кн.: Белгородчина литературная. – Воронеж, 1979.
3. Гинзбург Л.Я., Неизданные стихотворения Рубана, в кн.: XVIII век. Сборник статей и материалов. – М.; Л., 1935.
4. Гринева С.П. Василий Рубан – поэт и просветитель // Памятники Отечества. Вся Россия. Святое Белогорье. – М., 2001.
5. Гринева С.П. Писатели Белгородчины и литературный процесс // Белогорье. – Белгород, 1999.
6. История русской литературы XVIII века. Библиографический указатель; под ред. П.Н. Беркова. – Л., 1968.
7. Модзалевский Б.Л., В.Г. Рубан. – СПб., 1897.
8. Соч. в кн. Русская поэзия. Под ред. С.А. Венгерова, в 6 т. – СПб., 1897.

В.Ф. РАЕВСКИЙ – ПОЭТ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Имя Владимира Федосеевича Раевского среди наших знаменитых земляков наиболее известно. В наше сознание со школьных лет он вошел как первый декабрист. Он был первым из той фаланги героев, «вскормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя, – как писал Александр Герцен. - Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины сподвижники». Гораздо меньше мы его знаем как поэта, а он, как справедливо заметили авторы статьи о нем В.Б. Чесноков и Б.И. Осыков, «став воином, в душе навсегда остался поэтом. И как все поэты, был легкоранним» (1, с.21). В историю русской литературы он вошел как поэт и публицист.

Родился В.Ф.Раевский 28 марта (8 апреля) 1795 года в селе Хворостянка в дворянской семье. Вначале, как принято было в дворянских семьях, получил достаточно хорошее домашнее образование, которое позволило ему в дальнейшем обучаться в Московском университетском пансионе. Затем успешно продолжил обучение во втором кадетском корпусе в Петербурге. Здесь он подружился с Г.С. Батеньковым, который впоследствии участвовал в трагических декабристских выступлениях. Через год после его поступления в училище началась война с Наполеоном, и семнадцатилетний Владимир принимает участие в боевых действиях прапорщиком артиллерийской бригады. За битву под Бородино он отмечен наградой – золотой шпагой с надписью «За храбрость». За бой у села Гремячего он награжден орденом. За участие в бою под Вязьмой Раевского произвели в подпоручики, а через несколько месяцев – он уже поручик. Через три года Владимира Раевского производят в чин майора. Столь быстрое продвижение по службе явилось следствием отваги, честного исполнения своего долга, который он понимал как бескорыстное служение отечеству.

Воспитанный на высоких образцах российской истории и культуры, вобравший в себя романтический дух времени, который в годы войны и после нее был связан с идеями освобождения народа-защитника от крепостного

ига, Раевский вступает в тайное общество «Союз благоденствия» и становится руководителем его кишиневской группы.

С этим периодом связаны и его первые поэтические опыты и быстрый расцвет писательских способностей. Накануне сражения он создает стихотворение, полное патриотического романтизма, готовности отдать жизнь за отечество:

Заутра грозный час отмщенья,
Заутра, други, станем в строй,
Не страшно битвы приближенья
Тому, кто дышит лишь войной!..
Мы знаем смело смерть встречать,
Нам бури, вихрь и хлад знакомы.
.....
Пусть старец вождь прострет рукою
И скажет: «Там упорный враг!»
Рассеем громы пред собою,
И исполин стоглавый – в прах!..

(«Песнь воина перед сражением»).

Стихотворение перекликается с «Певцом во стане русских воинов» Жуковского. Как и Жуковский, Раевский славит былые победы, полководца Кутузова, других героев войны.

Последующие стихи, написанные в период с 1816 по 1822 годы, насыщены острыми социальными проблемами. Они направлены на обличение пороков крепостничества. Наиболее значительные из них – «Послание Г.С. Батенькову», «Смеюсь и плачу», «Сатира на нравы». Критики утверждают, что в них Раевский «продолжал традицию поэтов неоклассической школы – Н.И. Гнедича, П.А. Катенина. Но справедливому утверждению автора статьи о Рылееве Я.Л. Гарбузенко, сатира «Смеюсь и плачу» перекликается с обличительными монологами Чацкого в «Горе от ума» А.С. Грибоедова (4, с. 152).

Смотря на глупости, коварство, хитрость, лесть,
Смотря, как смертные с холодною душою
Друг друга режут, жгут, и кровь течет рекою
За громкозвучну честь!
Смотря, как визири, пошевелия усами,
Простого спагиса, но подлого душой,
Вдруг делают пашой,
Дают луну, бунчук и править областями;
Как знатный вертопрах, бездушный пустослов,
.....
Иль бедных поселян, отнявши у отцов,
Меняет на скворца, на пуделя иль сойку –
И правом знатности везде уважен он!..
.....
Когда невинных стон волнует грудь мою, –
Я слезы лью!

(«Смеюсь и плачу» (Подражание Вольтеру).

В этот же период Раевский активно выступает как публицист. Стрелы его статей направлены на те же пороки, которые нашли отраженные в стихах. В них в более резкой и решительной форме, чем у других декабристов, осуждается крепостное право. Это «О рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России», «О солдате». В них он выражает идеи просвещения, отмены крепостного права, ненависть к бесчестности и холуйству. Все это свидетельствует о гражданском мужестве Раевского, о том, что он и по духу, и по мысли принадлежал к передовой дворянской интеллигенции, желающей процветания России. Он с гордостью пишет о молодом поколении, в котором зажглась «гражданства искра».

В статье «О рабстве крестьян» Раевский с горячим сочувствием говорит о народе и иронически в адрес тех, кто называл их «счастливыми». «Эти счастливые, – пишет Раевский, – в изодранных рубищах, с бледными, из-

нуренными лицами и тусклыми взорами просят не у людей (ибо владельцы их суть тираны), но у судьбы пищи, отдыха и смерти» (3, с.7).

Раевский воспринимал свою деятельность как «выражение глубоких потребностей русской жизни». Публицистика Раевского, в связи с этим, носила программный характер. «...Патриотизм, сей светильник жизни гражданской, сия таинственная сила, управляет мною. Могу ли видеть порабощение народа, моих сограждан, печальные ризы сынов отчизны, всеобщий ропот, боязнь и слезы слабых, бурное негодование и ожесточение сильных - и не сострадать им?.. О, Брут и Вашингтон! Я не унижу себя, я не буду слабым, бездушным рабом - или с презрением да произносит имя мое мой ближний!..» (3, с. 13).

Несмотря на свое дворянское происхождение Раевский стоял очень близко к демократическим убеждениям (эта тенденция просматривалась у С.Г. Волконского, В.К. Кюхельбекера, М.А. Бестужева, Г.С. Батенькова). Особенно ясно это выражено в его характеристике «эпохи либеральных обещаний. «Государство, где... личности выше законов... где законы практикуются только над сословием или стадом людей, доведенных до скотоподобия, там не гомеопатические средства необходимы» (3, с. 16).

По единодушному утверждению исследователей поэтического наследия Рылеева, лучшие произведения были написаны им в крепости: «Певец в темнице» (1822), «К друзьям в Кишинев» (1822). В них звучат протест против насилия, произвола и призыв к борьбе. Его девиз – «Оставь другим певцам любовь. Любовь ли петь, где брызжет кровь...» (стихотворение обращено к Пушкину). Гражданственность – главное и единственное требование Раевского к поэзии.

Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой,
Где слово, мысль, невольный взор
Влекут, как явный заговор,

Как преступление, на плаху,
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шепотом роптать.

(«К друзьям в Кишинев»).

В другом варианте к этому стихотворению он предлагает Пушкину обратиться к народным истокам. Он дает программу историко-патриотической поэзии старины:

Воспой простые предков нравы,
Отчизны нашей век златой,
Природы дикой и святой
И прав естественны уставы.

(Вариант стихотворения «К друзьям в Кишинев»).

Лирический герой поэтических произведений Раевского – революционер-просветитель, «рупор авторских идеалов», который превыше всего ставит интересы общества, его благо, обличитель тиранов. Истинный поэт, по мысли Раевского, – «трибун, глашатай правды, бич деспотизма» (3, с.37). В этом был смысл «поэтической проповеди В. Раевского. Созвучные мысли и чувства мы находим у К. Рыльева, Ф. Глинки, В. Кюхельбекера, А. Одоевского. Считая поэзию мощным средством воспитания, Раевский еще в начале 20-х годов работал над курсом «Поэзия» для дивизионной школы. Хотя Раевский достаточно широко «эксплуатировал» образ библейского поэта-пророка, взятый из гражданской русской поэзии XVIII века (позднее им воспользуется А.С. Пушкин. Вспомним его стихотворение «Пророк»), все же это новый герой нового времени. «Новизна романтического героя заключалась прежде всего в том, что это был современный характер, «герой времени», с его современной психологией, а не проекция современных идеалов в абстрактную сферу «всеобщего» (3, с.38).

По внешним признакам (это послания) Раевский пишет в духе классицизма, использует высокие мысли и слог. Но, как мы видим, язык его стихов естественный, «добытый школой Карамзина». Стихи его отличаются цельностью и внутренним единством.

Шумы, шуми, Икаугун,
Твой шум глухой, однообразный
Слился в одно с толпою дум,
С мечтой печальной и бессвязной!

Далеко мой стремится взор
Чрез эти снежные вершины,
Гряды гранитных стен и гор,
На отдаленные равнины.

(«Дума»).

На философский подтекст указывают и названия стихов: «Дума», «Дочери», «Предсмертная дума» – они свидетельствуют о том, что Раевский до конца дней сохранил верность свободолюбивым идеям.

При жизни произведения Раевского публиковались редко, напечатано несколько (1815 и 1824)¹.

Особо отметим влияние В.Раевского на молодого А.С. Пушкина, старше которого он был всего на четыре года. Свободолюбивая настроенность, образованность, смелость мысли, незаурядность ума, принципиальность и прямота в суждениях и поступках привлекала А.С. Пушкина к Раевскому. Исследователи творчества Пушкина единодушно утверждают, что вольнолюбивые взгляды будущей гордости России и его интерес к истории отчасти складывались под влиянием Раевского. Достаточно подробно об этом пишут уже упоминавшиеся авторы В. Чесноков и Б. Осыков (1). Раевский и Пушкин познакомились в 1820-1821 годах, когда Пушкин приезжал в Кишинев. Их видели вместе в доме генерала Инзова, в кругу однополчан Раевского, на литературных вечерах. Они часто спорили о литературе, в частности, о поэзии, о предназначении искусства. Раевский прямо и жестко говорил Пушки-

¹ В с. Олонки близ Иркутска Раевский прожил свыше сорока лет - сначала в качестве ссыльного поселенца, а затем - государственного крестьянина. Он активно участвовал в политической жизни Сибири, занимался хозяйством, торговлей хлебом. В 1829 году он женился на крестьянке. Приезжал после амнистии в Хворостянку, но уехал вновь в Сибирь. Умер в 1872 году там же.

ну, что поэзия должна быть прежде всего гражданской, она должна «вести гражданское и моральное воспитание соотечественников». В пылу споров был написан Раевским этюд в прозе «Вечер в Кишиневе» (в нем герои ведут спор о лицейском стихотворении Пушкина «Наполеон на Эльбе»).

Ценные свидетельства, дающие нам образное представление о взаимоотношениях нашего земляка и Пушкина оставил подполковник И.П. Липранди, рассказывая о кишиневских литературных вечерах:

«Здесь не было карт и танцев, а шла иногда очень шумная беседа, спор, и всегда о чем-либо дельном, в особенности у Пушкина с Раевским, и этот последний, по моему мнению, очень много способствовал к подстреканию Пушкина заняться положительной историей» (1, с.23). О влиянии Раевского на Пушкина мы можем прочесть у Благого, Мейлаха и других пушкиноведов.

Из записок Раевского мы узнаем о благородном поступке Пушкина, случайно узнавшего о готовящемся аресте Раевского и предупредившего его. Это облегчило дальнейшую участь Раевского, который успел уничтожить документы, компрометирующие его перед властью.

Раевский вспоминает: «...в 9 часов пополудни кто-то постучался у моих дверей. Арнаут, который стоял в безмолвии передо мною, вышел встретить или узнать, кто пришел. Я курил трубку, лежа на диване.

– Здравствуйте, душа моя! – сказал мне, входя, весьма торопливо и изменившимся голосом Александр Сергеевич Пушкин.

– Здравствуйте, что нового?

– Новости есть, но дурные. Вот почему я прибежал к тебе.

– Доброго я ничего ожидать не могу... Но что такое?

– Вот что: Сабанеев сейчас уехал от генерала. Дело шло о тебе. Я не охотник подслушивать, но, слыша твое имя, часто повторяемое, я признаюсь, согрешил – приложил ухо, Сабанеев утверждал, что тебя непременно надо арестовать; наш Инзушко (генерал Инзов И.Н. – автор), ты

знаешь как он тебя любит, отстаивал тебя горю. Долго еще продолжался разговор. Я многого недослышал, но из последних слов Сабанеева уразумел, что ему приказано, что ничего открыть нельзя, пока ты не арестован.

– Спасибо, – сказал я Пушкину, – я этого почти ожидал! Но арестовать штаб-офицера по одним подозрениям отзывается какой-то турецкой расправой. Впрочем, что будет, то будет...

Пушкин смотрел на меня во все глаза.

– Ах, Раевский! Позволь мне обнять тебя!

– Ты не гречанка, – сказал я ...» (1, с.24).

Как известно из материалов, уже ставших популярными, Раевского арестовали на следующий день, 6 февраля и заточили в Тираспольскую крепость¹.

Пушкин глубоко пережил трагедию своего друга, а позднее и других близких ему людей, попавших в опалу. Раевскому он посвятил три стихотворения. (На полях черновиков – рисунки-портреты Раевского, нарисованные Пушкиным). Одно из них – ответ на послание Раевского из крепости «Друзьям в Кишинев», которое так и начинается: «Недаром ты ко мне воззвал из глубины глухой темницы». Другое стихотворение «В.Ф.Раевскому», где Пушкин не раскаивается в дружбе с опальным товарищем:

Не тем горжусь я, мой певец, Что привлекать умел стихами
Вниманье пламенных сердец, Играя смехом и слезами...

Иная, высшая награда была мне роком суждена...

(«В.Ф. Раевскому»)².

Еще раз обратимся к свидетельствам уже называемого И.П. Липранди, который пишет еще об одном эпизоде, свидетельствующем о влиянии Раевского на интерес Пушкина к истории:

¹ Он был обвинен в революционной агитации среди солдат и юнкеров. На допросе он вел себя мужественно. В 1823 году его приговорили к смертной казни, но затем приговор отменили. После восстания 14 декабря был привезен в Петербург и привлечен к следствию по делу декабристов, но и здесь сломить его волю не удалось. Еще два года был в крепостях (Петропавловск и Замость).

² У А.С. Пушкина к этому стихотворению нет заглавия. Оно поставлено редакторами. В оригинале – оно без названия.

«Дня через два по моем возвращении в Кишинев Александр Сергеевич зашел ко мне вечером и очень много расспрашивал о Раевском, с видимым участием. Начав читать «Певца в темнице»¹, он заметил, что Раевский упорно хочет брать все из русской истории, что и тут он нашел возможность упоминать о Новгороде и Пскове, о Марфе посаднице и Вадиме, и вдруг остановился. «Как все хорошо, как это сильно; мысль эта мне нигде не встречалась, она давно вертелась в моей голове; но это не в моем роде, это в роде Тираспольской крепости, а хорошо»... Он продолжал читать, но, видимо, более серьезно. На вопрос мой, что ему так понравилось, он отвечал, чтобы я подождал. Окончив, он сел ближе ко мне... и прочитал следующее:

Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль, и взор казнит на плахе...

Он повторил последнюю строчку... и прибавил, вздохнув: «После таких стихов не скоро же мы увидим этого Спартанца» (1, с.25).

Все эти свидетельства подтверждают мысль о влиянии Раевского на молодого Пушкина периода пребывания его в Кишиневе. Известно, что Пушкин в этом же году создал «Песнь о вещем Олеге», позже в его художественном мире нашли место трагические события времен Бориса Годунова, Петра I, восстания Емельяна Пугачева. Нельзя категорически утверждать, что в этом интересе «виновен» только Раевский. Пушкин еще в Лицее проявил любознательность по отношению к истории и Руси, и древней Греции, и Рима, и Египта. Свидетельства мы находим в его стихах, романах, драмах, поэмах, литературных статьях. Он был глубоким историком, обладал огромной эрудицией. До встречи с Раевским он был близок к семье Карамзина, у которого в доме витал культ истории. И все же разговоры с Раевским будоражили воображение Пушкина и были дополнительным импульсом к изысканиям исторического материала.

¹ «Певца в темнице» Раевский написал в Тираспольской крепости и передал на волю.

Говоря о значении Владимира Федосеевича Раевского для русской литературы, следует отметить, что вместе с собратьями по перу он положил начало вольнолюбивой поэзии, в основе которой был заложен гуманизм, героический пафос мужества и гражданственности. Он, будучи руководителем отделения тайного общества, влиял на окружающих своими убеждениями. Сам Владимир Федосеевич Раевский – пример истинного патриота, у которого сердце было переполнено желанием видеть народ русский свободным и сытым.

Он не был «первым декабристом» в буквальном смысле этого слова. Исследователь П.Е. Щеголев назвал его «первым декабристом», так как он первый стал жертвой среди других, своих соратников, которые еще три года готовились к решительным действиям.

В школьной практике есть несколько возможностей обратиться к имени Владимира Федосеевича Раевского. Личность его столь яркая, а заслуги его перед русской литературой и перед отечеством столь велики, что справедливо было бы на родине его, на земле белгородской, проводить ежегодные праздники, посвященные знаменитому нашему земляку, наподобие всероссийских пушкинских.

Материалов, открытых исследователями творчества и деятельности Раевского, достаточно для интересного школьного вечера.

Фрагменты его жизни и творчества можно включить в темы, посвященные поэзии декабристов, творчеству А.С. Пушкина.

Возможен вариант интегрированного урока литературы и истории периода декабристского движения как вводного перед основной литературной темой, где главным содержанием будет характеристика времени в разных проявлениях: культуры, истории, литературы.

Литература

1. Белгородчина литературная. – Воронеж, 1979.
2. Гринева С.П. Писатели Белгородчины и литературный процесс // Белогорье. – Белгород, 1999.

3. Краткая литературная энциклопедия. – М. – Т.6. – 1971.С.152-153.
4. Поэты-декабристы. – Л., 1960.
5. Раевский В.Ф. Полное собрание стихотворений. – М.; Л., 1967.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В.Б. Чесноков, Б.И. Осыков. «В моих руках светильник чистой веры», – В кн.: Литературная Белгородчина. – Воронеж, 1979.

«Личная корысть и карьера претили ему (Раевскому). Им владело «дум высокое стремленье»: «будущность России», «оживление и спасение» Отечества от гнета крепостников» (с.21).

«... в тесной связи творчества «первого декабриста» с его биографией по-своему преломилось характерное для литературы того времени стремление выразить личность в своеобразии ее индивидуального облика» (Цитата П. Щеглова в контексте названной статьи).

«Когда задумываешься об истоках этого мужества, высокого патриотического чувства, которое всю жизнь владело этим человеком, невольно обращаешься мыслью и к маленькому, затерянному среди пологих меловых холмов и черноземного степного приволья сельцу Хворостянка. Здесь он родился... в семье отставного майора екатерининской службы. Здесь увидел солнце и небо, первую зелень и родниковую чистоту живой воды» (с.26).

«Стоит на минуту задуматься, прикрыть глаза... По этой дороге каждое лето приезжал в родное село воспитанник столичного благородного пансионата Володя Раевский со своим «дядькой» и одновременно молочным братом (по матери-кормилице) Матвеем Красниковым. Тряские дрожки катили мимо пологих холмов и перелесков, и чем ближе село, тем тревожнее билось сердце: родина ...» (с.27).

«... живет в этих местах главное – память. Она и в мемориальной доске, установленной на старинном школьном здании, и в выставках – в новой средней школе, в сельском Совете, и в большом портрете славного земляка...» (там же).

«Среди экспонатов есть поистине удивительные. Географическая карта... ее Владимир Федосеевич прислал из Сибири в подарок сестре Любви Федосеевне, которая основала в Хворостянке школу для сельских ребятишек и сама учительствовала в ней... (там же).

«На стене... портрет Л.Ф. Раевской... написан... в год окончания ею Смольного института... Прекрасное женское лицо, отмеченное печатью высокого душевного благородства и ума. В больших глазах – едва уловимые искорки смеха»... (там же).

«Недалеко от бывшего дома Раевских из-под меловых круч бьют холодные родники. Ключевая вода, словно зеркало, вставленное в темную раму полей, образует небольшой пруд. Отсюда журчит торопливый ручей, спеша встретиться с Орликом.

По преданию, сюда часто приходил Владимир Федосеевич. Наблюдал, как легкий ветерок рябит зеркальную гладь воды, как проплывают, отражаясь в ней, легкие облака ...

Здесь жители и сегодня зовут это заповедное место «Федосеевской водой»... На берегу зеркальной криницы звучат рассказы о декабристе Раевском» (с.29).

ВЛАДИМИР ФЕДОСЕЕВИЧ РАЕВСКИЙ

ПЛАЧ НЕГРА

Задумчив, устремя к луне унылы очи,
Несчастный сын степей под пальмою родной
Стоял недвижимо в часы глубокой ночи,

И пращ его, и лук с губительной стрелой
Разбросаны. И конь, товарищ бурной битвы,
По шелковой траве медлительно бродил.
И пес – сей верный страж, сей быстрый
сын ловитвы –
Лежал и лай ночной с боязнью притаил.
И мрак, и тишина полуночной природы

Питали мысль его отчаянной мечтой,
И он - сей белый бич, сей гордый сын
свободы –
Ланиты оросил горячею слезой!
«Нет радости в мире, нет Зоры со мной!
Я видел ветрила вдали кораблей,
Несущих добычу драгую стрелой
Далеко от милых отчизны полей!
Ах! Мог ли провидеть отмщение рока?
Сегодня, зарею, колено склоня
Пред ярким сияньем светила востока,
Я чувствовал благодать небеса огня!
От братии веселых чрез дебри и горы
Помчался я к милым родным шалашам,
Ласкаясь мечтою в объятиях Зоры
И в ласках младенца дать отдых трудам!»

(Между 1812 и 1821 г)

МОЕ ПРОСТИ ДРУЗЬЯМ

Друзья! Налейте кубки!
Ударим край о край!

И в скорбный час разлуки
Запьем свое «прощай!»...
Не глас иноплеменных,
Не пушек близкий гром,
Не клик врагов надменных
С увенчанным челом,
Но нежный глас природы,
Восторги и любовь
Под верный дружбы кров
В объятия свободы
От вас меня зовут.

1817 г.

К ДРУЗЬЯМ В КИШИНЕВ

Итак, я здесь ... за стражей я ...
Дойдут ли звуки из темницы
Моей расстроенной цевницы,
Туда, где вы, мои друзья?
Еще в полусвободной доле
Дар Гебы пьете вы, а я
Утратил жизни свет в неволе,
И меркнет здесь заря моя!
В союзе с верой и надеждой,
С мечтой поэзии живой,
Еще в беседе вечевой
Шумит там голос ваш мятежный.

1822 г.

ПЕВЕЦ В ТЕМНИЦЕ

О мира черного жилец!
Сочти все прошлые минуты.
Быть может, близок твой конец
И перелом судьбины лютой!
Ты знал ли радость – светлый мир,
Души награду непорочной,
Что составляло твой кумир –
Добро иль гул хвалы непрочной?
Читал ли девы молодой
Любовь во взорах сквозь ресницы?
В усталом сне ее с тобой
Встречал ли яркий луч денницы?
Ты знал ли дружества привет?
Всегда с наружностью холодной
Давал ли друг тебе совет
Стремиться к цели благородной?
Дарил ли щедрою рукой
Ты бедных золотом и пищей?
Почтил ли век под сединой?
И посещал ли бед жилища?
Одним исполненный добром
И слыша стон простонародный,
Сей ропот робкий под ярмом,
Алкал ли мести благородной?
Сочти часы, вступя в сей свет,
Поверь протекший путь над бездной,
Измерь ее – и дай ответ
Потомству с твердостью железной.

1822 г.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ДУМА

Меня жалеть? ... О люди, ваше ль дело?
Не вами мне назначено страдать!
Моя болезнь, разрушенное тело –
Есть жизни след, душевных сил печать!
Когда я был младенцем в колыбели:
Кто жизни план моей чертил,
Тот волю, мысль, призыв к высокой цели
У юноши надменного развил.
В моих руках протекшего страницы –
Он тайну в них грядущего мне вскрыл:
И, гость земли, я, с ней простясь, входил,
Как в дом родной, в мои темницы!
И жизнь страстей прошла, как метеор,
Мой кончен путь, конец борьбы с судьбою;
Я выдержал с людьми опасный спор
И падаю пред силой неземною!
К чему же мне бесплодный толк людей?
Пред ним отчет мой кончен без ошибки;
Я жду не слез, не скорби от друзей,
Но одобрительной улыбки!

1842 г.

К ДОЧЕРИ

Мой милый друг, твой час пробил,
Твоя заря взошла для света;
Вдали – безвестной жизни мета
И трудный путь для слабых сил,
Теперь в твои святыя годы
Явленья чудные природы –
Блеск солнца в радужных лучах,

Светило ночи со звездами
В неизмеримых небесах,
Раскаты грома за горами,
Реки взволнованный поток,
Луга, покрытые цветами,
Огнем пылающий восток –
Зовут твой взор, твое вниманье,
Тревожат чувства и мечты;
Ты дышишь миром красоты,
И мир – твое очарованье!..

1848 г.

ДУМА

Прости ж, ключ жизни, ключ святой,
Твои я пил целебны воды
И снова жизнью и весной
Дышал, как юный сын природа!

Вдали от света, от людей
Здесь все, как в родине моей,
Светлело южною зарею;
Забилось сердце веселей –
И в темной памяти моей
Минуты счастья прежних дней
Блеснули яркою чертою ...

1840 г.

Н.В. СТАНКЕВИЧ И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ

Николай Владимирович Станкевич известен как русский поэт, глава философского кружка, наложившего печать на идейную жизнь России и судьбы людей 30-х годов прошлого столетия.

Его современниками были такие известные личности как Я.М. Неверов, В.И. Краснов, В.П. Боткин, М.А. Бакунин, К.С. Аксаков, И.П. Ключников, В.Г. Белинский. Он был в дружеских отношениях с Т.Н. Грановским, И.С. Тургеневым и другими, которых и сегодня помнит Россия.

Чтобы понять столь притягательную, магнетическую силу Станкевича, следует обратиться к истокам его жизни, к моменту формирования его духовности, эстетических и общественных идеалов.

Н.В. Станкевич родился 27 сентября (9 октября) 1813 года в селе Удеревка Острогожского уезда Воронежской губернии. Сегодня это – Мухо-Удеревка Алексеевского района Белгородской области. Один из авторов очерка о Станкевиче пишет: «Если выйти за околицу старинного русского села Мухо-Удеревки... перейти мостик, брошенный через заросшую водорослями Тихую Сосну, и подняться по дороге, ведущей в гору, можно попасть в большой запущенный сад. Покрытая травой дорожка манит в глубь этого зеленого оазиса, под прохладную сень липовых аллей и старых яблонь.

Когда-то в этом саду стоял большой деревянный дом с мезонином и широким балконом, выходившим на оживленную дорогу, соединявшую два уездных центра – Острогожск и Бирюч. Вместе с хозяйственными постройками и небольшой, правильно распланированной деревенькой Удеревкой дом этот принадлежал известным в Воронежской губернии помещикам братьям Станкевичам. В этом красивейшем уголке... прошли детство и юность замечательного общественного и литературного деятеля первой половины прошлого века, поэта и философа Николая Владимировича Станкевича» (1, с.30-31).

Дворянские корни Станкевичей неглубоки: его дед был, как известно, сербом по национальности, выходцем из Далмации. В 1757 году он принял российское подданство. Служил в Острогожске. Жил он здесь же, в каменном просторном доме. За безупречную службу и верно-подданническое отношение к властям он получил дворянское звание и чин коллежского ассесора. Младший его сын – Владимир и был отцом будущего философа и поэта Николая Станкевича. Владимир Иванович женился в двадцатипятилетнем возрасте. Его жена, Екатерина Крамер – будущая мать Николеньки – «бесприданница». Она была дочерью острогожского врача Иосифа Крамера. Рано осиротев, она воспитывалась у дальней родственницы, которая, по некоторым свидетельствам, дошедшим до нас, была весьма скупа и сварлива.

Родители Николеньки нежно любили друг друга. Екатерина Крамер поражала всех своей красотой и воспитанностью, благопристойностью и набожностью. Кроме того, она проявила себя как рачительная хозяйка. После свадьбы, которая была сыграна по украинскому обычаю, молодые решили создать свой дом. Владимир Иванович оказался тоже весьма рачительным хозяином, трудолюбивым и творческим. Вместе с женой они достаточно быстро скопили состояние. Немало этому способствовала и служба: Владимир Иванович, уйдя в отставку (до этого он был поручиком), с 1811 года служил уездным исправником. Он подрядился ремонтировать мосты, дороги. Помог и старший брат Николай, с которым они жили дружно, и в честь которого Владимир впоследствии назвал сына. Общими усилиями и было куплено имение у помещицы Александровой в Удеревке.

Столь подробную предысторию появления Николеньки на свет божий стоило вспомнить, чтобы понять, какие люди оказали влияние на духовный мир, характер будущего философа, что он получил генетически и что приобрел через воспитание. А получил он многое.

Упорство, трудолюбие, предельную честность по отношению к окружающим, душевную тонкость чувств он унаследовал от родителей. В частности об отце биограф П.В. Анненков пишет, что он был человеком «высокого практического ума, здравого смысла и благородных правил» (1, с.33).

С самых первых дней Николай Станкевич жил в атмосфере красоты, всеобщей любви и гармонии. Эта атмосфера не нарушалась и взаимоотношениями с крестьянами, к которым со стороны Станкевичей проявлялся либерализм. Воспитанный в трудовой атмосфере своего отца, получившего дворянство лишь в конце службы, Владимир Иванович, даже став одним из самых богатых помещиков края, сохранил добрые чувства к людям труда. К этому он приучал и своего сына, которого любили не только члены семьи, но и дворовые люди.

Автор статьи «Н.В. Станкевич» К.П. Архангельский приводит свидетельство сестры Николая Владимировича об отце и дяде, из которого можно сделать вывод о том, что они были люди новой, демократической формации. Этому способствовало их длительное пребывание на военной службе за границей. «Отец и дядя, – пишет она, – не походили на типы окружающих нас помещиков, они провели много лет на военной службе, бывали в Варшаве и жили среди другого общества: все это могло развить у них другие взгляды и понятия, более справедливые, чем нравы окружающих помещиков» (1, с.33).

Общение с природой, книгами развивали в мальчике чувство красоты и гармонии. Отец заботливо относился к образованию сына. Дом был полон интересных книг. Библиотека пополнялась постоянно. И, как позже мы узнаем, она помогла получить толчок в развитии и другим, близким Николаю, людям. Духовную связь с домом, родни краем Николай Станкевич сохранил до конца жизни, молодости, а позже, наезжая домой проведать родителей отдохнуть душой, он любил бродить по окре-

стностям, быть у речки, вдыхать запах трав, лежать на траве, наблюдая переменчивую жизнь неба с постоянно движущимися облаками, птицами в свободном полете. Здесь он мечтал, писал стихи. В одном из писем В.Г.Белинскому из-за границы, где он лечился, Станкевич писал: «Было время, когда, смотря на свой лес или дальнюю деревушку, воображал за ней какой-то чудный мир...» В другом письме он опять возвращается к этой же теме: «Альпы едва ли так понравятся мне, как меловые горы над рекой Сосною в сельце Удеревка» (1, с.32).

Следует отметить еще очень показательный момент, повлиявший на формирование демократического и гуманного восприятия мира Станкевичем: в десятилетнем возрасте отец определяет сына в Острогожское уездное училище, хотя имеет все материальные возможности продолжить домашнее образование и его, и остальных детей. Таким образом, Николай Станкевич попадает в среду детей разночинцев, обедневших дворян, где было мало места сословным предрассудкам. Благородное отношение ко всем людям, не зависимо от происхождения, Станкевич проявлял всегда, что отмечено всеми единодушно, кто с ним общался. За эти годы в нем сформировались такие важные черты поведения, идущие от характера, как жизнерадостность непринужденность, простота, общительность, широта души. Они-то и притягивали к нему окружающих и в Жилище, и позже, в университете.

Биографы отмечают очень раннее стремление Станкевича к наукам, любовь к чтению, особенно к поэзии, это тоже привлекало к нему людей и делало его «гением дружбы и товарищества».

В возрасте двадцати лет, после успешного окончания училища, Станкевич продолжил образование в частном пансионе Федорова в Воронеже. Он мечтал об университете. Провинциальная интеллигенция, студенчество живут насыщенной жизнью: помимо театра, который был центром культурной жизни Воронежа, творческие люди объединялись, встречаясь и обмениваясь

впечатлениями по поводу разных событий в культуре, литературе. Это не следует переоценивать, но, вспомним, что она в какой-то степени помогла стать на ноги Кольцову, позже – Никитину и др.

Здесь Станкевич пережил многие моменты романтической ранней юности, свойственные этому возрасту: увлечение жизнью, искусством, раннюю любовь и первые попытки писать самому. Достаточно вспомнить, что это было время расцвета поэтических талантов Жуковского, Пушкина, сентиментально-романтической прозы Карамзина, поэзии авторов пушкинского окружения. «Поэтическая муза посещает молодого поэта, дарит ему часы творческого вдохновения. Он пишет длинные чувствительные стихи и оды, на которых лежит печать подражания русским и немецким романтикам. Но уже в первых опытах заметны искренность чувства, напевность и мелодичность поэтической речи. Знающие толк в поэзии люди признавали в юноше несомненный поэтический талант», – отмечает В.Ф. Бахмут (1, с.34).

Начало самого яркого и активного периода жизни Станкевича связано с временем поступления в университет и пребыванием в нем. Это произошло в 1830 году. Влекомый любовью к искусству, а к литературе особенно, он поступает в Московский университет на словесное отделение.

Начало 30-х годов было овеяно свежими еще событиями, возникшими после войны 1812 года и вылившимися в политическую борьбу дворянской интеллигенции вокруг народной судьбы и крепостного права – позорного клейма России. Были свежи раны, оставленные на судьбах многих семей после восстания на Сенатской площади, казней, ссылки участников его на каторгу. Общество раскололось на сочувствующих героям-освободителям («декабристам») и на разочарованных «ошибками отцов и слабым их умом», как позднее писал М. Лермонтов в стихотворении «Дума». Все это не могло не отразиться на атмосфере жизни университетской молодежи. Студенчеству этих лет (Московский университет не был ис-

ключением) были свойственны активные поиски ответов на большие вопросы времени: «кто виноват?», «что делать?» – остающимися актуальными и до наших дней, став для нашей многострадальной России вечными. Жизнь студентов была полна споров, дружеского общения, идейных исканий. Университеты России были теми центрами, где рождались свободомыслие, культура, передовые философские концепции, в других местах активность была задавлена репрессивной правительственной политикой Николая I.

В одно время со Станкевичем в университете обучались Лермонтов, Герцен, Огарев, Гончаров, Белинский, которые составили гордость русской культуры и общественной прогрессивной мысли. Они пошли разными дорогами, но университет наложил на них печать, объединяющую их, – искреннее желание служить отечеству, обществу, народу. Гуманизм – основа их мировоззрения. И каждый из них, найдя свой путь, стремился выполнить этот главный долг так, как его понимал.

Станкевич сразу выделился среди студентов. Его яркая одаренность, внешняя привлекательность, открытость и искренняя доброжелательность притягивали к нему окружающих. Образовывался кружок, в который вошли: деятель народного просвещения Неверов, поэт Клюшников, будущий критик Белинский, поэт Краснов, друг Белинского Боткин, просветитель Бакунин, поэт Аксаков, историки Строев и Бодянский и др. Они сохранили дружеские связи и после университета, разъехавшись по всей Европе.

Автор статьи о Станкевиче Л.Г. Фризман в «Краткой литературной энциклопедии» пишет: «В острых дискуссиях участников кружка формировалось мировоззрение передовых людей 30-х годов и новая эстетика (2, с.142-143). Белинский, вспоминая собрания кружковцев, отдает авторитетное первенство Станкевичу. Он отмечает, что Станкевич «всегда и для всех был авторитетом, потому что все добровольно и невольно осознавали превосходство его натуры над своею» (3, с.339). По признанию Белинского, он сам развивал-

ся и мужал в кружке Станкевича. Нет однозначного утверждения в литературоведении по поводу того, кто на кого оказал большее воздействие. Думается, что оно было обоюдным. Оба эти человека отличались яркой индивидуальностью. Несомненно, что Станкевич, широко образованный, с высоко развитой эстетической духовностью, с огромной начитанностью, в начале их знакомства дал многое Белинскому. Это Станкевич приобщил его к немецкой философии, пробудил стремление к знанию. Их дружба длилась до последних дней, оборванная смертью Станкевича.

Белинский называл Станкевича своим университетом, и в этом была большая правда. В письме к своему другу В.П.Боткину он пишет: «Подумай, что был каждый из нас до встречи со Станкевичем или с людьми, возрожденными его духом (3, с.554). Известно, что именно Станкевич, увлек Белинского театром. Позже мы узнаем, что, любя театр, они по-разному видели его предназначение: Станкевич ценил «эстетическую сторону», Белинский видел в нем «трибуну общественной мысли, школу воспитания гражданской активности».

Как справедливо отметили историки литературы, поэтическое наследие Станкевича невелико и не очень значительно в художественном отношении, но оно интересно современнику хотя бы тем, что дает представление о мыслях и чувствах, типичных для передовой русской интеллигенции, «напряженно искавшей в обстановке политической реакции пути к познанию и преобразованию жизни» (2,142).

Стихи Станкевича наполнены «мучительными раздумьями» о проблемах мировозданья, о «земной» и «небесной» любви. Он, как и Пушкин, размышляет о судьбе поэта-пророка.

Лирические произведения Станкевича не стали художественным явлением. Они, как правило, насыщенные философскими размышлениями, не имели тесной связи с реальной жизнью. Наполненные меланхолией, мотивами печали, разочарования, желания уединения, тишины, они «были вы-

ражением разлада мечты и действительности»: «Скучно без мира, скучно и в мире»; «Что нужды? Жизнь ведет ко гробу, – быть может, к жизни гроб ведет» (4).

Стихотворные произведения Станкевич начал публиковать с 1829 года в разных изданиях: журналах «Бабочка», «Антей», «Телескоп», в газетах «Молва», «Литературная газета». Заслуга его в этой области прежде всего в том, что он стал одним из новаторов философской лирики в русской литературе, которая, с его легкой руки, нашла развитие в поэзии Ветевитинова, Кольцова и других уже более поздних поэтов.

До нас дошла стихотворная трагедия Станкевича «Василий Шуйский», написанная в 1830 году в духе декабристских идеалов. Трагедия направлена против тирании. Можно сказать, что это одно из самых значительных произведений Станкевича. Она по форме выдержана в классических традициях Озерова и Сумарокова. В центре драмы – Василий Скопин – Шуйский, племянник царя. Он представлен как талантливый полководец, который погибает за народ. Как и в драме Пушкина «Борис Годунов», в исторических балладах Рылеева, в трагедии Станкевича звучит мысль о великой исторической роли народа в судьбах государства. Народ – верховный судья над властями. Драма, насыщенная монологами, выпренными и длинными, уступает по своим художественным ценностям и пушкинской, и даже рылеевской.

«Поднятые на ложные классицистические контуры, действующие лица трагедии не стали живыми героями, а остались лишь бледными схемами, «рупорами» идей автора» (1, 35). Критика положительно оценила произведение. Но Станкевич видел слабые стороны его. Известен факт, что он скупил большую часть книг и сжег.

В.Ф. Бахмут, опираясь на воспоминания друга Станкевича Л.М. Неверова, пишет: «Справедливости ради следует сказать, что Станкевич сам рано понял настоящую цену своим стихам и, как требовательный и чест-

ный человек, вынес им суровый приговор – многое из них обречено на уничтожение ... Станкевич не любил, когда его называли литератором и, тем более, поэтом, и всякий раз отмежевывался от поэтических «грехов» молодости» (1, 35).

Как уже упоминалось, Станкевич отличался особой доброжелательностью, бескорыстием, дружелюбием. Он был достаточно чуток к таланту других людей и по возможности до последних дней жизни помогал нуждающимся разными средствами. Это проявилось в доброжелательной критике творчества других. Переписка Станкевича с Белинским является свидетельством того, что их взгляды на искусство и литературу, в частности, совпадали. «Станкевич-критик идет гораздо дальше Станкевича-поэта. Во взглядах на литературу Н.В. Станкевич – верный соратник и единомышленник Белинского» (1, 37). Он радуется, например, когда в 1835 году профессор Н.И. Надеждин перепоручает редактирование журнала «Телескоп» Белинскому. Он принимает в нем сердечное участие, делится в письме к Белинскому из Удережки своими мыслями о преобразовании журнала, чтобы он был не только интересным, но и полезным, нужным читателю. О единстве взглядов на литературу и ее предназначение свидетельствуют и отзывы Станкевича на критические статьи Белинского. О влиянии Станкевича-критика на критика Белинского достаточно определенно писал А.И. Герцен, очевидец и современник обоих: «...взгляд Станкевича на художество, на поэзию и ее отношение к жизни вырос в статьях Белинского в ту новую мощную критику, в то новое воззрение на мир, на жизнь, которое поразило все мыслящее в России и заставило с ужасом отпрянуть от Белинского всех педантов и доктринеров» (7, с.230).

Исследователи творчества Станкевича отмечают, что именно ему принадлежит роль первооткрывателя комедийного и сатирического таланта Гоголя. Одновременно с Белинским он резко раскритиковал «трескучую» поэзию В.Г. Бенедиктова, «казенно-патриотические стихи» Нестора Кукольника. Станкевич и Белинский не были соперниками, они любили

друг друга, помогали друг другу, веря в преобразующую силу литературы для Отечества.

Известен факт дружеского участия Станкевича в судьбе Алексея Кольцова. Он достаточно подробно описан в исследованиях и художественно-биографической повести писателя Кораблинова (1; 4; 8).

Встреча Станкевича с воронежским народным поэтом Кольцовым произошла в Удеревке. «Мы белгородцы, разумеется, не можем не гордиться тем, что знаменательная встреча произошла в наших краях – там, где вьется голубая лента Тихой Сосны, где ветвистые вербы смотрятся в водные зеркала, а из старого сада Станкевичей так широко и просторно просматривается окрестная красота типичного черноземного пейзажа. Приятно думать, что именно здесь зарождался родниковой чистоты песенный дар поэта» (1, 39).

Друг Станкевича Я.М. Неверов, на свидетельства которого мы не раз уже ссылались, сообщает, что познакомились Станкевич и Кольцов «летом или ранней осенью 1830 года». Будучи уже студентом, Николай летом отдыхал дома в усадьбе. В.Корабликов так описывает портрет юного Станкевича: он «был еще очень молод, с мягким женственным лицом и длинными до плеч красивыми каштановыми волосами. Серые ласковые глаза глядели серьезно и с любопытством» (8, с. 162).

Алексей Кольцов вместе с работниками отца пригнал в окрестности Удеревки гурт скота для откорма бардой, которую продавал со своего винокуренного завода отец Станкевича. Встреча состоялась благодаря слуге, который, «увлекшись песнями и стихами молодого прасола Алексея Кольцова, не выполнил вовремя какое-то его распоряжение» и, оправдываясь перед баринном, рассказал о своем новом знакомом. Этот торговец скотом Станкевича заинтересовал.

В безыскусных сердечных стихах молодого Кольцова Станкевич почувствовал непосредственность, самобытность. Ему понравился и сам стихотворец – юноша с его простым русским лицом, стеснительной улыбкой. Станкевич взял стихи в Москву. В 1831 году в «Литературной газете» было

напечатано стихотворение «Русская песня», позднее его издавали под названием «Кольцо». Предисловие к нему дал Станкевич: «Вот стихотворение самородного поэта г. Кольцова. Он воронежский мещанин и ему не более двадцати лет от роду; нигде не учился и, занятый торговыми делами по поручению отца, пишет часто дорогою, почти сидя верхом на лошади. Познакомьте читателей «Литературной газеты» с его талантом. Н. С-ч» (9, 16). Вот это стихотворение:

Я затеплю свечу	Возвратится ли он?
Воску ярова,	Или весточкой
Распаяю кольцо	Оживит ли меня.
Друга милова.	Безутешную?
Загорись, разгорись,	Нет надежды в душе...
Роковой огонь.	Ты рассыпья же
Распаяй, растопи	Золотой слезой,
Чисто золото.	Память милова!
Без него – для меня	Невредимо, черно
Ты ненадобно;	На огне кольцо,
Без него на руке –	И звенит по столу
Камень сердце.	Память вечную.
Что взгляну – то вздохну,	
Затоскуюся,	
И зальются глаза	
Горьким греем слез	

А. Кольцов «Кольцо» (Песня)

Так, благодаря Станкевичу «был открыт новый, истинно народный поэтический талант» (1, с.40). Члены кружка Станкевича, доброжелатели Кольцова, собрали средства (большую часть вложил Станкевич) и издали сборник стихов его. Как известно, книга вышла в 1835 году. Это была единственная книга,

увидевшая свет при жизни Кольцова. Известен еще один факт, свидетельствующий о скромности Станкевича и искренности в оказании помощи Кольцову: когда Белинский (тоже участник этого благородного акта) хотел в предисловии к сборнику стихов указать на огромный и моральный, и материальный вклад Станкевича, то тот «так решительно протестовал, что пришлось уступить его настояниям». Он говорил, что не является ни покровителем искусства, ни меценатом от поэзии, что он лишь их истинный почитатель.

Литературоведы единодушно отмечают большое значение дружбы Станкевича и Кольцова в развитии таланта народного поэта. За развитием Кольцова-стихотворца он следил постоянно, оберегая его от случайных нападков, уколов критики. В одном из писем в Петербург своему другу Я.М. Неверову он пишет: «Мы издаем стихотворения Кольцова. Когда они выйдут, пожалуйста, напиши о них, а то наврет какой-нибудь неуч. Пиши беспристрастно, ты верно найдешь в них хорошее, а недостатков не скрывай, ты выскажешь их так, как может высказать человек, уважающий чувство, в какой бы оно форме ни явилось» (9, с. 17). Неверов не только дал объективную, в основном, доброжелательную статью-разбор о стихах Кольцова, но и поместил биографический очерк поэта.

Бывая в Москве, Кольцов встречался со Станкевичем, и тот познакомил его со своими друзьями. Особенно он потянулся к Белинскому. Белинский в свою очередь всячески пропагандирует стихи Кольцова, содействует ему во многих случаях жизни, тем более, что Станкевич вскоре был вынужден уехать за границу на лечение.

В семье Станкевича тоже доброжелательно относились к другу их старшего сына. Бывая в Удеревке, Кольцов останавливался у Станкевичей. Он пользовался их библиотекой. В одном из флигелей большого дома была комната, которую в семье называли кольцовой.

Кольцов испытывал к Николаю Станкевичу глубокую благодарность. Он понимал и чувствовал, как изменился сам и его поэзия. Общение с

друзьями Станкевича придавало ему силы, уверенность в себе и самоуважение. Особенно заметно это влияние в его философской лирике. Смерть Станкевича Кольцов тяжело переживал. По этому поводу он написал стихотворение «Поминки», где просто, как в народном творчестве, сдержанно проявляет скорбь утраты:

Вмиг юноша вздрогнул
И очи закрыл,
И темные кудри
На грудь опустил.
Прозрачно, как мрамор,
Застыло лицо, –
Уснул он надолго!
Уснул глубоко!..

В декабре 1840 года А. Кольцов писал В.Г. Белинскому по поводу процитированного нами стихотворения следующее: «...О Станкевиче, конечно, надо бы говорить больше, но я этого сделать не сумел. По крайней мере, я сделал, что смог, и сказал, как сумел; другие пусть скажут лучше. Но у меня спала тяжесть с души, а то все укоряла меня его безвременная смерть. И эта прекрасная чистая душа как будто говорила мне все на ухо: «схоронили – позабыли» (9, с.225).

В 1837 году Станкевич уезжает за границу. Цель – совершенствование образования и лечение. С этой же целью – совершенствование образования – там находятся многие молодые люди, среди которых мы хотим особо выделить И.С. Тургенева, приехавшего в Берлин годом позже, и на которого Станкевич тоже оказал достаточно сильное влияние и в какой-то мере определил его эстетическое отношение к литературе.

К этому времени Станкевич окончательно определился в своих интересах: он, закончив в 1834 году университет и получив степень кандидата сло-

весных наук, увлекся историей и философией, которые предполагал сделать главным делом своей дальнейшей жизни.

В Берлине Станкевич посещает Берлинский университет. «С прилежанием студента-первокурсника слушает лекции профессоров-гегельянцев: Вердера¹, Габлера, Ганса, штудирует древнюю историю, читает сочинения Лейбница, Декарта, Спинозы» (1, 42). Он планирует написать работы по философии и истории. Внимание его к философии объясняется тем, что он видел в ней не только средство познания истины, но и совершенствования жизни – единственного дела, по мнению Станкевича, достойного нравственного человека.

За границей, как и в России, он восхищает окружающих глубокими познаниями в области философии, огромной эрудицией и благородным характером. Его окружали единомышленники – Бакунин, Грановский, Неверов, с которыми он посещал лекции в университете.

В товарищеских беседах молодые люди не только дебатировали по проблемам философии, но и обсуждали общественно-политические вопросы. Станкевич, по воспоминаниям И.С. Тургенева, горячо говорил о необходимости освобождения русского народа от крепостной зависимости. «Он даже взял со своих друзей, – как пишет С.Б. Прокудин, – торжественное обещание все свои силы и деятельность посвятить этой высокой цели» (10, 189).

Философские, политические и эстетические взгляды Станкевича не были механически восприняты у европейских мыслителей. Они отличались самобытностью. Станкевич пытался создать свою оригинальную философскую систему. «Философские взгляды Станкевича претерпели эволюцию от романтических и натурфилософских идей, характерных для русских шеллингианцев начала 30-х годов, к диалектическому методу объективного идеализма в духе гегелевской системы. Философские искания Станкевича определили его влияние на Белинского, Грановского, Тургенева», – отмечает Л.Г. Фризман (2, 142). Заслуга Станкевича в том, что он, став убежденным гегельянцем, по-

¹ С Вердером он переписывался до последних дней.

няв Гегеля «глубоко и эстетически», как отметил Герцен, первый познакомил русское общество с его учением, переведя на русский язык статью немецкого гегельянца Вильма «Опыт о философии Гегеля». Его притягивала новизна философии Гегеля. Он писал: «Надо следовать за Гегелем, чтобы увидеть, какая жизнь выходит из его системы» (11, с.562).

Станкевич был просветителем. Известно, что в последние годы жизни он увлекся философией Фейербаха. Тонко чувствующему жизнь во всех нюансах ее проявления, Станкевичу «импонировал интерес Фейербаха к человеческим чувствам, личности». «Самобытный мыслитель европейского масштаба, Станкевич во главу своих философских построений ставил человека и его благо, мечтал о том, чтобы «перенести свои идеалы в жизнь» (2,43).

Политический идеал Станкевича – просвещенная монархия. Он считал, что все беды проистекают от невежества граждан. Первопричиной ужасного положения в России он называл неграмотность. В этом утверждении он был не одинок. Главным средством изменения существующих порядков в обществе он считал нравственное совершенствование людей, развитие образования, просвещения.

Известно, что Станкевич старался что-то сделать для блага и развития просвещения. Он был почетным смотрителем Острогожского уездного училища, в котором когда-то учился. Его друзья Грановский и Неверов стали известными деятелями на ниве просвещения. Более того, Неверов завещал часть своего состояния на строительство школы в Удеревке, что и было исполнено. Эта школа стоит и по сей день рядом с новой кирпичной современной школой.

По мысли Станкевича, человек должен жить в дружбе, любви, искусстве. «Надобно или делать добро, или приготовить себя к деланию добра, совершенствовать себя в нравственном отношении, и потом, чтобы добрые намерения не пропали даром, совершенствовать себя в умственном отношении» (11, 284).

Высокий интеллект и сердечность Станкевича привлекли к нему И.С. Тургенева. Они много времени проводили вместе: слушали лекции, как уже было сказано, в Берлинском университете, гуляли по окрестностям, размышляли о жизни и ее проблемах, о философии, литературе. Это было и в Берлине, и в Италии. Тургенев, являясь незаурядной личностью, имел свое мировидение, оно не во всем совпадало с концепциями Станкевича. Но главное, что вынес Тургенев из этой дружбы, он отметил в письмах к Грановскому. Он признавался, что кружок Станкевича еще в Москве на него оказал сильное воздействие. В романе «Рудин» писатель передал существенные черты этого кружка. Из дальнейшего дружеского общения Тургенев пронес и сделал кредом своей жизни и творчества главную идею, выраженную Станкевичем в статье «Об отношении философии к искусству»: искусство должно быть одушевлено человеческими интересами. Гуманизм, интересы общества и человека в нем – главная забота Тургенева. Вспомним «Записки охотника» – «обвинительный акт крепостнической России», его романы, наполненные напряженными раздумьями о судьбе отечества.

Умер Станкевич в Италии во время путешествия в городке Нови, рядом с которым когда-то произошла битва Суворова с французской армией. Он умер среди друзей. Рядом с ним были А.П. Ефремов и сестра Бакунина В.А. Дьякова. Похоронен он на фамильном кладбище в Удеревке рядом со своим домом. Разрушенное в годы революции кладбище восстановлено, около школы – бюст Станкевича.

О том, что Станкевич «дал своему времени лицо», свидетельствуют отклики на его смерть и оценки, данные в разных источниках: письмах и воспоминаниях Белинского, Герцена, Грановского, Бакунина, статьях Чернышевского, Добролюбова, в исследованиях современных ученых.

И сегодня большой интерес представляют мысли Станкевича об истории, просвещении, религии, о самовоспитании. Они убеждают, что наш земляк - Станкевич Николай Владимирович – был талантливым, разносторонне образованным человеком, жизнь которого оборвалась на взлете.

Тургенев по поводу смерти писал Грановскому полное горечи письмо: «Нас постигло великое несчастье, Грановский. Едва могу я собраться с силами писать. Мы потеряли человека, которого любили, в кого мы верили, кто был нашей гордостью и надеждой!» (1,46).

Усилиями Тургенева и Анненкова были собраны и изданы письма, Анненковым написана биография Станкевича.

Толстой, который никогда не видел Станкевича, прочитав письма, восхитился чистотой и благородством этого человека.

Чернышевский в «Очерках гоголевского периода, скажет: «Из тесного дружеского кружка, о котором мы говорим и душою которого был Н.В. Станкевич, скончавшийся в первой поре молодости, вышли или впоследствии примкнули к нему почти все те замечательные люди, которых имена составляют честь нашей словесности, от Кольцова до Г. Тургенева» (1, 45). Герцен в «Былом и думах» продолжает: «Он на каждом шагу встречал удивительных людей, умел их встречать, и каждый, поделившийся его душою, оставался на всю жизнь страстным другом его, и каждому своим влиянием он сделал или огромную пользу или облегчил ношу» (7, 230).

Добролюбов в специальной статье о Станкевиче пишет: «Прочитав его переписку, узнав его жизнь, мы убеждаемся..., что он замечателен сам по себе, а не потому только, чтобы на него упал отблеск славы кого-нибудь из них» (12, с.63).

Предлагаемый материал может быть использован как самостоятельный для факультатива. Фрагменты его могут быть внесены в темы, связанные с творчеством Белинского периода его раннего становления в кружке Станкевича; при изучении материала по творчеству Гоголя; в процессе изучения поэзии Кольцова, который обязан всеми успехами, публикацией и поддержкой со стороны многих благодаря первооткрывателю его таланта Станкевичу; в изучении биографии Тургенева раннего

периода; биографии Толстого и в истории создания его трилогии, где он развил идею Станкевича о самосовершенствовании; в процессе знакомства с произведением Герцена «Былое и думы», где яркие страницы посвящены нашему земляку Станкевичу (его обаятельный портрет, характер, значение его деятельности для общества).

Знакомясь с отдельными фактами жизни Станкевича от темы к теме, в конечном итоге школьники получают достаточно полное представление о нашем знаменитом земляке. Более того, сама жизнь Станкевича – яркая, чистая, наполненная высоким поиском и смыслом – являет пример высокой нравственности и интеллектуальной наполненности.

Литература

1. Белгородчина литературная. – Воронеж, 1979.
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений, т. 11. – М.; Л., 1956.
3. Герцен А.И. Былое и думы. – Л., 1967.
4. Гринева С.П. Дал времени лицо / Материалы научно-практической конф. – Белгород, 1997.
5. Гринева С.П. Писатели Белгородчины и литературный процесс // Белогорье. – Белгород, 1999.
6. Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений, т. 3, М., 1936.
7. История русской литературы. – М., 1966.
8. Кольцов А.В. Сочинения. – Воронеж, 1950.
9. Корабликов В. Жизнь Кольцова. – Воронеж, 1962.
10. Краткая литературная энциклопедия. – М. – Т.7, 1972.
11. Манн Ю. В Кружке Станкевича. – М., 1983.
12. Манн Ю. Русская философская эстетика. – М., 1969.
13. Переписка Н.В.Станкевича. – М., 1914.
14. Поэты кружка Станкевича. – М.; Л., 1964.
15. Станкевич Н.В. Поэзия. Проза. Статьи. Письма. – Воронеж, 1988.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В.Ф. Бахмут. «Возродивший духом многих» – в книге: Белгородчина литературная. – Воронеж, 1979.

«Имена Станкевича и Кольцова в истории нашего Черноземного края стоят рядом как свидетельство большой дружбы лучших представителей передовой интеллигенции с талантливыми выходцами из простого народа. Николай Владимирович Станкевич по праву стоит у истоков кольцовой поэзии как ее первооткрыватель» (с.42).

«Н.В. Станкевич был человеком из того прекрасного будущего, о котором он мечтал» (с.44).

Н. Скатов «Судьба поэта» – в книге А.В. Кольцов. Стихи и песни. – Л., 1984.

«... замечательный уроженец воронежской земли¹, философ и поэт Николай Станкевич... вполне понял, что такое подлинный Кольцов. Станкевич же способствовал и выходу в 1835 году первой книжки Кольцова» (с.7).

Ф.М. Головенченко. В.Г. Белинский. – В книге «История русской литературы» (первая половина). – М., 1973.

«Важное значение в духовном развитии Белинского имел кружок Н.Станкевича. По словам одного мемуариста, каждый из участников кружка не был профессором, но все вместе по части философии, истории и литературы они постояли бы против целой Сорбонны.

Философские и эстетические вопросы связывались с проблемами развития человечества, с возвышенными нравственными идеалами, противостоящими миру крепостнического гнета и насилия над личностью. Кружок считал необходимым самое широкое развитие просвещения в России. Станкевич оказал благотворное влияние на окружавших его своим высоким нравственным обликом. В кружке молодежи проявилось влечение к идеалистической философии Шеллинга и особенно Гегеля» (с. 465).

¹ В этот период Удеревка относилась к Воронежской области.

Ю. Манн. В кружке Станкевича. – М., 1983.

«В Станкевиче, основателе кружка, нас привлекает сама его мысль, напряженная и непрерывная интеллектуальная деятельность. Конечно, мысль призвана для дела, возникает для того, чтобы воплотиться в произведения. С помощью друзей Станкевича это воплощение началось еще при его жизни. Однако значение его мысли важно и само по себе» (с.9).

«Сестер Беер звали Александра и Наталья. Между старшей из них, Натальей, и Станкевичем вскоре завязались довольно сложные романтические отношения» (с. 19).

«Кружок Станкевича не являлся политической организацией, тем более революционной. Конспиративность ему была не нужна... пожалуйста, приходи, каждый, кто хочет» (с.21).

«В кружке никогда не было ни председателя, ни секретаря. Никто их не выбирал, проблема такая вообще не возникала» (с.24).

«... оттенок страдания, который в духе времени напускали на себя иные, у Станкевича, к сожалению, был подлинный. В первые годы московской жизни уже обнаружили признаки тяжелой болезни...» (с.31).

«Станкевич был не из тех, кого можно было смутить остротой» (с.45).

«Кружок этот был трезвый и по образу жизни любил ни вина, ни пирушек, которые если и случались, то очень редко...».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

«На вечерах у Станкевича выпивалось страшное количество чаю и съедалось страшное количество хлеба».

(Константин Аксаков)

«Станкевич был более нежели среднего роста, очень хорошо сложен - по его сложению нельзя было предполагать в нем склонность к чахотке. У не-

го были прекрасные черные волосы, покаты́й лоб, небольшие карие глаза; взор его был очень ласков и весел; нос тонкий, с горбинкой, красивый, с подвижными ноздрями, губы тоже довольно тонкие, с резко очерченными углами; когда он улыбался – они слегка кривились, но очень мило, – вообще улыбка его была чрезвычайно приветлива и добродушна, хоть и насмешлива; руки у него были довольно большие, узловатые, как у старика; во всем его существе, в движении была какая-то грация и бессознательная благовоспитанность, точно он был царский сын, не знавший о своем происхождении. Одевался он просто...».

(И.С. Тургенев)

ИЗ ПИСЕМ

«С тех пор, как ты уехал, мне не с кем говорить об искусстве, а ты знаешь, как я люблю его! Прибегу к тому, к другому, но встречаешь камни хладные или запутанные умы... Иногда с кем-нибудь думаешь сказать два слова от души, которая полна через края... что ж? Кончится тем, что или не поймут, или скажешь совсем не то, что хотел сказать, ибо человек, которому говоришь, как-то видом уже сбивает сказать не то, что чувствуешь, а другое».

(Март, 1833. Станкевич – Неверову)

Ко мне ходят Строев, Беер, Краснов, Почека и чаще Ефремов. Много есть людей с чувством, но не многие способны симпатизировать, углубляться в чужое чувство и усваивать его...».

Май, 1833. Станкевич – Неверову)

«Строев, Почека, Ключников, Оболенский, Краснов, Ржевский, все тебе кланяются, Ефремов тоже, Шидловский тоже, Горчаков тоже свидетельствует тебе низающее».

(Июнь, 1833. Станкевич – Неверову)

«Нас постигло великое несчастье... Едва могу я собраться с силами писать. Мы потеряли человека, которого мы полюбили, в которого мы верили, кто был нашей гордостью и надеждой...»

Кто из нашего поколения может заменить нашу потерю? Кто, достойный, примет от умершего завещание его великих мыслей и не даст погибнуть его влиянию, будет идти по его дороге, в его духе, с его силой? Отчего не умереть другому, тысяче другим, мне, например?»

(Июнь, 1940. Тургенев – Грановскому)

«<Станкевич> унес с собой что-то необходимое для моей жизни. Никому на свете не был я так обязан: его влияние было для меня бесконечно и благотворно».

(Июль, 1940. Грановский – Неверову)

Вился хмель на сырой земле,
Рос хохол на большой голове,
Ты большая голова,
Ты круглая голова,
Ты скажи мне, голова,
Что за мысли у тебя?
Отвечала голова:
Я большая голова,
Я круглая голова,
Нету мыслей у меня!

(Дружеская эпиграмма Станкевича на Алексея Беера).

И.Н. ШИДЛОВСКИЙ и Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

«...это был большой для меня человек» Ф.М. Достоевский

Слова, вынесенные в эпиграф, относятся к нашему земляку-белгородцу, чья судьба и личность возбуждают интерес прежде всего тех, кто соприкасается с творчеством Ф.М. Достоевского. Сам великий писатель через всю свою жизнь пронес благодарность к этому человеку. И имя его – Иван Николаевич Шидловский. В конце жизни Достоевский, обращаясь к Вс. Соловьеву, писал: «...нужды нет, что его никто не знает и что он не оставил после себя литературного имени. Ради бога, голубчик, упомяните – это был большой для меня человек и стоит он того, чтобы его имя не пропало» (5, т.2, с.191). К сожалению, имя это известно лишь узкому кругу специалистов. Мало кто знает о нем и на Белгородчине. В Волоконовском краеведческом музее есть скромная экспозиция, посвященная родовым корням дворян Шидловских. На сегодняшний день основательного исследования, связанного с деятельностью и судьбой И.Н. Шидловского, нет, кроме нескольких публикаций (1; 2; 3) и отдельных штрихов, оставленных в исследованиях о Достоевском. Его имя не вошло и в «Краткую литературную энциклопедию».

Сделана попытка раскрыть смысл слов Достоевского о большой значимости Шидловского в его жизни и творческой судьбе. Для этого обратимся к письмам и другим документам.

Ф.М. Достоевский познакомился с И.Н. Шидловским в мае 1837 года в Петербурге, куда приехал с отцом и старшим братом для подготовки к вступительным экзаменам в Инженерное училище. С этой целью братья были помещены в пансион К.Ф. Костомарова. Позднее, в «Дневнике писателя», Достоевский оставил свидетельство: «Мы с братом стремились тогда в новую жизнь, мечтали о чем-то ужасно, обо всем «прекрасном и высоком», – тогда это словечко было еще свежо и выговаривалось без иронии. Мы верили чему-то страстно, и хоть мы оба отлично знали все, что требовалось к экзамену из математики, но мечтали мы только о поэзии и поэтах. Брат писал стихи, каждый день стихотворения по три, и даже дорогой, а я беспрерывно в уме сочинял роман из венеци-

анской жизни. Тогда, всего два месяца перед тем, скончался Пушкин, и мы дорогой сговаривались с братом, приехав в Петербург, тотчас же сходить на место поединка и пробраться на бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидеть ту комнату, в которой он испустил дух» (4, т.22, с.27).

Как мы видим по данной записи, в жизни Достоевского это был романтический период высоких мечтаний и надежд. Шидловский в это время служил начинающим чиновником в Министерстве финансов и проживал на Фонтанке «у Обухова моста», недалеко от гостиницы, где остановились Достоевские (у Обуховского моста) (см. подробнее – 1; 10). Новый знакомый Федора Достоевского увлекался поэзией, был достаточно образованным молодым человеком. К.В. Мочульский, автор материала о религиозно-философских исканиях Достоевского, отмечает: «Шидловский пишет туманно-мистические стихи, страдает от возвышенной любви, вдохновенно говорит о Царствии Божиим и сладостно мечтает о самоубийстве. Он разочарован: даже любимая женщина не может вдохновить его на великие создания <...> В душе его звучат стихи Шиллера и Новалиса, веют бесплотные тени поэзии Жуковского, откликаются натурфилософские идеи Шеллинга» (9, с.224). И хотя в статье исследователя проскальзывает ироническая тень, но, заметим, именно эта особенность душевного состояния нового друга и притягивала Достоевского к нему, а главное, формировала его эстетическое и этическое восприятие мира. В этот период она смягчала и уравновешивала полярные метания души будущего писателя и в чем-то направляла его стремления. С одной стороны – «Я никогда не мог забыть фельдъегеря и многое позорное и жестокое в русском народе...» (4, т.27, с.27); «Мое первое личное оскорбление, лошадь, фельдъегерь» (4, т.7, с.138)¹. С другой – именно Шидловский открывает Достоевскому мир романтической поэзии, очаровательных уголков Петербурга с его архитектурой, культурой. Об этом Достоевский не раз пишет брату, сам рассказывает по возвращении в Моск-

¹ Подробно о сцене избиения фельдъегерем ямщика, а последним – лошади, свидетелем которой был Достоевский, см. в указанном письме Достоевского к брату.

ву о поездке в Царское Село по железной дороге, про воздвигающийся храм Исаакия и про многие другие впечатления, полученные от общения с Шидловским, с которым они много говорили об искусстве, о предназначении человека в жизни. Об этом мы читаем и в письмах братьев Достоевских к отцу, где они, например, сообщают, что «завтра <...> придет Шидловский: и мы пойдем странствовать с ним по Петербургу и оглядывать его знаменитости» (4, т.28, с.37). Свидетельства о прогулках с Шидловским мы находим и в других письмах, датированных разным временем, где называются улицы Петербурга, Казанский собор, новые знакомые (например, в середине февраля перед отъездом из Петербурга к родным в Харьков Шидловский знакомит Достоевских «с своим давнишним знакомцем, отставным ротмистром Меркуровым» (7, т.1, с.47).

Думается, что К.В.Мочульский в какой-то степени - прав, утверждая, что в дружбе с Шидловским Достоевский «был учеником, подавленным гениальностью своего поэтического друга <...> он перевоплощался в Шидловского...» (9, с.225). Одно из писем Ф.М.Достоевского может быть подтверждением этого факта. Оно написано зимой 1839 года, когда Достоевский уже был студентом и встречи с Шидловским стали частыми. Друзья просиживали вместе «целые вечера, толкуя бог знает о чем!», рассуждая «о Гомере, Шекспире, Шиллере, Гофмане». «Прошлую зиму я был в каком-то восторженном состоянии. Знакомство с Шидловским подарило меня столькими часами лучшей жизни <...> Ты писал ко мне, брат, что я не читал Шиллера - ошибаешься, брат! Я вызубрил Шиллера, говорил им, бредил им; и я думаю, что ничего более кстати не сделала судьба в моей жизни, как дала мне узнать великого поэта в такую эпоху моей жизни <...> имя Шиллера стало мне родным, каким-то волшебным звуком...» (4, т.27, с.68). Достоевский эту любовь к романтической литературе выливает на нового друга по Инженерному училищу Бережецкого, на которого он оказывал влияние, подобное тому, что испытывал со стороны Шидловского, оставаясь с последним в дружбе. В отношениях с соучениками по училищу

Достоевский был сдержан. Он ничего не писал о суровом быте этого казенного заведения, возможно потому, что не замечал его, увлеченный литературой и искусством, открытыми им вместе с Шидловским. Он жил другой, отличной от других жизнью. В воспоминаниях воспитателя училища А.И.Савельева читаем: «Было только два лица, с которыми он (Достоевский – *авт.*) подолгу беседовал и вел длинные разговоры о разных вопросах. Эти лица были Бережецкий и, кажется, А.Н. Бекетов. Такое изолированное положение Федора Михайловича вызывало со стороны товарищей добродушные насмешки и почему-то ему присвоили название «Фотия» (5, т.1, с. 107). Это в училище. А за его пределами почти каждое воскресенье – встречи с Шидловским. Он стал частью жизни Достоевского. Через него он поддерживает переписку с отцом и братьями, они пишут Шидловскому, чтобы узнать о судьбе Феденьки, который мало и редко писал отцу о себе, отец пересылал на его имя сыну деньги. Имеется масса писем, в которых налицо свидетельства постоянных отношений с Шидловским вплоть до 1840 года. В них сообщается о встречах, посещении друг друга, передаются приветы от близких людей Федора Михайловича Шидловскому и от него им. Шидловский не безразличен к судьбе своего друга, а его друг, Достоевский, и по-прежнему. Он в «плену» этой притягательной личности. Приведем один из ярких эпизодов, свидетельствующих об эмоциональном восприятии Достоевским своего друга. В декабре 1838 года И.Н. Шидловский из-за неудачной любви делает попытку покончить жизнь самоубийством, бросившись в прорубь на Фонтанке. Он был спасен «каким-то солдатом с глупой бабой». Достоевский поддерживает его морально, об этом он пишет позже брату, и как пишет: «Ежели бы ты видел его прошлый год <...> взглянуть на него – это мученик! Он иссох; щеки впали; влажные глаза его были сухи и пламенны; духовная красота его лица возвысилась с упадком физической. Он страдал, тяжело страдал! Боже мой, как любит он какую-то девушку... Без любви он не был бы чистым, возвышенным, бескорыстным жрецом поэзии... Предомной было прекрасное возвышенное создание, правильный очерк человека,

который представили нам и Шекспир, и Шиллер; но он уже готов был тогда пасть в мрачную манию характеров байроновских <...> О, какая откровенная, чистая душа! У меня льются теперь слезы, как вспомню прошедшее... Наступила весна; она оживила его. Воображение его начало создавать драмы, и какие драмы, брат мой!.. А лирические стихотворения его!.. Последнее свидание мы гуляли в Екатерингофе. О, как провели мы этот вечер!.. < ...> Он не скрывал от меня ничего, а что я был ему? Ему надо было сказать кому-нибудь...» (4, т.28, с.68). Отголоски эмоционального колорита этого письма мы ощутим позднее в настроениях ранних повестей Достоевского «Белые ночи», «Бедные люди».

Об эстетических идеалах Шидловского этого времени можно судить по письму, написанному 17 января 1839 года к Ф.М. Достоевскому. В нем он иронически отзывается о новом номере «Библиотеки для чтения» со статьей барона Брамбеуса о стихах «двух новорожденных близнецов нашей словесности» Норева и Баласогло, противопоставляет этой статье «Отечественные записки» Краевского, которые с их «разнообразием предметов», чистотою слога и мысли «не «Библиотеке» чета». Здесь он причисляет себя к поклонникам Полевого, но в то же время, критикует романтические эффекты его драмы «Уголино». Оценивая «Современник» Плетнева, вспоминает о критике в пушкинском «Современнике». Говорит о своем желании «быть журналистом»; разъясняет значение журналистики, «созидающей общественное мнение». Критически оценивает драму Виктора Гюго «Эрнани», в противовес которой ни, отмечая, что в них – «каждое явление есть следствие духа, характера, необходимая строка в книге судеб человеческих». У Гюго, по его мнению, «замешивается случай пустой, безалаберный» (10, с.78-79).

Обратимся к некоторым философско-эстетическим утверждениям Шидловского в бытность дружбы его с братьями Достоевскими. «Ваша поэзия своим изящным характером возвращает меня к младенчеству, к той простоте, чуждой современного суемудрия, байроновского бешеного эгоизма, без которого нельзя войти в Царствие Божие. Полевой чудесно выразился

при мне однажды, что на человека надобно смотреть, как на средство к проявлению великого в человечестве, а тело, глиняный кувшин, рано или поздно разобьется, и прошлые добродетели, случайные пороки сгинут» (8, т.86, с.359). У Достоевского в это же время читаем: «Атмосфера души человека состоит из слияния неба с землею <...> Мне кажется, что мир наш - чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслью» (Там же).

Мы видим, что Шидловский на все явления литературной жизни имеет свою точку зрения, главным критерием искусства для него является духовность. Бесспорно, что Достоевский, как губка, впитывал все, что исходило от его друга, если учесть, что это был романтический этап жизни (вспомним, Достоевскому еще не было и двадцати). На страницах писем Ф.М. Достоевского достаточно просматривается образ молодого пламенного романтика Шидловского, прототип которого будет угадываться позднее в героях его произведений. Упомянувшийся уже нами К.В. Мочульский пишет, что Достоевский находится от Шидловского «в исступлении восторга». «Юноша не только глядит на все глазами своего друга, но буквально чувствует его чувствами. Здесь впервые проявилась способность писателя к творческому перевоплощению», по мнению исследователя (9, с.224).

Шидловский, постоянно тяготившийся северной столицей, атмосферой «ограниченной свободы», тоскует и в силу этого часто уезжает в родное имение Грушовку или в Харьков к родственникам и, наконец, уезжает совсем. Известно, что здоровье его было ослаблено петербургским климатом. Друзья расстались и больше не виделись. По свидетельству невестки Шидловского, Л.В. Шидловской, которую Анна Григорьевна Достоевская попросила сообщить о судьбе друга Федора Михайловича для книги воспоминаний, задуманной ею уже после смерти Достоевского, Иван Николаевич Шидловский писал стихи, драмы, которые не стремился издавать. Скоро он бросил это занятие и увлекся историей русской церкви. «Но ученая работа, – как утверждает мемуаристка, – не могла всецело поглотить его душевную деятельность. Внутренний разлад, неудовлетворенность всем окружающим, вот предположительно те

причины, которые побудили его в 50-х годах поступить в Валуйский монастырь. Не найдя, по-видимому, и здесь удовлетворения и нравственного успокоения, он предпринял паломничество в Киев, где обратился к какому-то старцу, который посоветовал ему вернуться домой в деревню, где он и жил до самой кончины, не снимая одежды инока-послушника. Его странная, исполненная всяких превратностей жизнь, свидетельствует о сильных страстях и бурной природе. Глубокое нравственное чувство Ивана Николаевича стояло нередко в противоречии с некоторыми странными поступками; искренняя вера и религиозность сменялась временным скептицизмом и отрицанием» (4, с.225). (Библиографическая справка, написанная Л.В.Шидловской, хранится в Московском историческом музее).

Столь объемное цитирование этого материала нам необходимо, чтобы ощутить все импульсы его, нашедшие позднее место в художественном мире Достоевского. Как известно, писатель-исследователь человеческой души тянулся с ранней юности к людям необычным, «странным». Возможно, в Шидловском романтике-мистике, противоречивом и по мыслям, и по поступкам, Достоевский увидел будущих своих героев, возможно, на уровне подсознания.

Свой романтический период Достоевский пережил в учебном заведении военного типа, не очерстнев, не подавив в себе восторга. И помогла ему в этом романтическая дружба с Шидловским. Зрелый Достоевский признает положительную ценность для него этой дружбы. На следующей ступени своего развития, когда писатель осознанно мог сказать: «Душа моя недоступна прежним бурным порывам. Все в ней тихо, как в сердце человека, затаившего глубокую тайну <...> Я в себе уверен. Человек есть тайна. Ее надо разгадать, ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время. Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (8, т.86, с.370), – он не забыл порывов юности. Пережив романтизм, Достоевский воплотил его в реальных героях ранних своих произведений. Ордын в повести «Хозяйка» начинает линию романтических героев Достоевского, Дмитрий Карамазов, декламирующий Шиллера, замыкает ее», – справед-

ливо замечает К.В. Мочульский (9, с.225). Но первые литературные опыты, предшествующие переходу Достоевского от «слез восторга над стихами Шиллера» к литературной зрелости «под знаком волшебника Гоголя», отмечены очень сильным влиянием друга юности Шидловского. Как мы уже упоминали, Шидловский оставил небольшое литературное наследие. Его произведения публиковались редко и собраны были воедино М.П. Алексеевым уже в двадцатых годах нашего столетия (1, с. 55). Стихи не представляют высокой художественной ценности, но форма их окупалась содержанием. Они воссоздают романтический дух восприятия жизни молодежи 30-х г.г., притягивавший Достоевского: жажда познания законов бытия, предназначения человека («Куда стремитесь, вы, гульбивые станицы...», «Покуда мысль моя со мной...»); вечная, бессмертная любовь, которая возвышает человека и поглощает целиком («О, для чего тебя послал мне Бог?», «Ни расстояние, ни время...»). По мнению М.Л. Гомона, Шидловский творчески развивал мотивы поэзии В.А. Жуковского и предвосхищал А.А. Фета (2, с.54). В это же время он пишет драму «Мария Симонова». В духе Шидловского Достоевский тоже создает первые произведения, отрывки из которых читает у брата Михаила на вечеринке (из драм «Мария Стюарт» и «Борис Годунов»). В них чувствуется влияние Шидловского, увлечение Шиллером и Пушкиным. Наброски названных произведений до нас не дошли, и драматургом Достоевский не стал, но свидетельство о творческом опыте этого периода под сильным влиянием Шидловского имеют место в письмах, оставленных писателем (4; 7). Все сказанное помогает нам понять наполняемость и обоснованность слов Ф.М.Достоевского, от которых мы оттолкнулись в нашем исследовании - «... это был большой для меня человек».

В методическом плане материал, представленный в статье и приложении к нему, может быть использован по усмотрению учителя в разных вариантах. Например, о дружбе Достоевского с Шидловским было бы целесообразно вести речь при знакомстве с биографией Достоевского, его ранним пе-

риодом жизни и творчества, органически включив его в лекцию. Допустим вариант включения сообщений учеников на заданную тему, подготовленных заранее. Возможен самостоятельный урок по теме «Шидловский и Достоевский», предваряющий или сопутствующий теме «Достоевский».

Повторное обращение к данному материалу возможно в процессе работы с произведениями «Бедные люди», «Братья Карамазовы». Он может быть включен в раздел истории создания произведений (о жизненных источниках, биографических моментах, прототипах и т.д.).

Интересным может быть внеклассное мероприятие (вечер, литературно-художественный монтаж, лекция), разработанное на основе всего материала, представленного в «Приложении». Это тем более интересно, т.к. этот краеведческий материал дает представление о значимости нашего земляка – друга Достоевского – как личности, повлиявшей на мировоззрение, эстетические увлечения и художественное творчество молодого Достоевского. Привлечение многих свидетельств, писем, дневниковых записей, воспоминаний, критики - создаст атмосферу доверия к фактам жизни, поможет увидеть судьбы и чаяния молодой творческой интеллигенции 30-х годов XIX столетия.

Литература

1. Алексеев М.П. Ранний друг Ф.М. Достоевского. – Одесса, 1921.
2. Гомон М.Л. Бирюченский друг Достоевского. – В кн: Литературная Белгородчина. – Воронеж, 1979.
3. Горбатов Л.Е. «Чтобы имя его не пропало...». – В кн.: Литературный Белгород. – Воронеж, 1970.
4. Гроссман Л.П. Достоевский. – ЖЗЛ. – М., 1962, с.20-34.
5. Гринева С.П. Краеведческий материал в изучении темы «Ф.М. Достоевский» в школе / Материалы междунар. конф. «Юг России в прошлом и настоящем». – Белгород, 1998.
6. Гринева С.П. «Белгородский след» в истории русской литературы
7. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2-х т. – М., 1964.
8. Достоевский Ф.М. Материалы и исследования. Издание продолжается.

9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти томах. – Л.: Наука, 1972-1991.

10. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. В 3-х т. 1821-1881. РАН, Санкт-Петербург, 1993-1995.

11. Литературное наследство. – М., 1973. – Т. 86.

12. Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество. – В его кн.: Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М., 1995.

13. Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821-1849. – М., 1979.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Л.Е. Горбатов «Чтобы имя его не пропало». – В кн.: Литературный Белгород. – Белгород, 1970.

«Иван Николаевич Шидловский родился 27 ноября (по старому стилю) 1816 года...

Сын зажиточных дворян, И.Н. Шидловский получил начальное образование дома под руководством двух молодых, но опытных педагогов. В довольно короткое время они научили семилетнего Ваню Шидловского читать народные сказки, бойко решать арифметические задачи и пробудили в нем живой интерес к русской истории» (с.51).

«С 1828 по 1833 год И.Н. Шидловский учился в Бирюченской уездной гимназии. Здесь он обнаружил выдающиеся способности по всем предметам. Здесь же он стал пробовать свои силы в поэтическом творчестве, подражая Державину и Пушкину, главным образом их торжественной лирике.

Закончив в числе лучших учеников Бирючинскую уездную гимназию, И.Н.Шидловский в 1833 году поступил на юридический факультет Харьковского университета...» (с. 52).

В Петербурге жили близкие родственники И.Н.Шидловского - богатые и очень влиятельные люди. Но... Иван Николаевич... никогда не прибегал к их содействию...» (там же).

«...Человек выдающегося ума и мятежного байронического склада характера, Шидловский производил на своих собеседников неотразимое впечатление» (там же).

«В 1837 году с Шидловским познакомился только что приехавший в Петербург для получения образования молодой Ф.М.Достоевский ... читал (Достоевскому) свои стихи, знакомил его с философскими идеями Платона, Шопенгауэра, воодушевлял его на творческую работу» (с.54).

«Однообразная и бесплодная чиновничья служба, неустроенный быт, цензурный гнет, потеря любимой женщины подорвали хрупкий организм И.Н.Шидловского... В 1840 году он возвратился в Грушовку...» (там же).

«И.Н. Шидловский не раз приезжал в Белгород, главным образом, в поисках старинных книг. В Корочу он приезжал навестить своих братьев, служивших в Рижском драгунском полку. Есть предания, что несколько месяцев он находился в Валуйском монастыре» (там же).

«Умер И.Н.Шидловский 14 июня (по старому календарю) 1872 года в родной Грушовке. Похоронен он был в присутствии большого количества односельчан, искренне и глубоко почитавших его» (там же).

К. Мочульский. Достоевский. – В его кн.: Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М., 1995.

«Романтический период жизни писателя ознаменован литературными увлечениями и пламенным культом дружбы. В Петербурге он знакомится с Иваном Николаевич Шидловским, молодым чиновником Министерства финансов и поэтом. Шидловский пишет туманно-мистические стихи, страдает от возвышенной любви, вдохновенно говорит о Царствии Божием и сладостно мечтает о самоубийстве. Он разочарован: даже любимая женщина не может вдохновить его на великие создания, даже она «не сорвет аккордов с цевницы его, зачарованной благоуханием цветка нечаянного». В душе его звучат стихи Шиллера и Новалиса, веют бесплотные тени поэзии Жуковско-

го, откликаются натурфилософские идеи Шеллинга. Он верит, что «человек есть средство к проявлению великого в человечестве, что тело, глиняный кувшин, рано или поздно разобьется». Достоевский в исступлении восторга пишет о Шидловском брату. В его письмах литературный стиль романтизма доведен до пародии. Юноша не только глядит на все глазами своего друга, но буквально чувствует его чувствами» (с.224).

«Романтизм был пережит им (Достоевским) в личной влюбленной дружбе с Шидловским, осознан в реальном человеческом образе. Ордынов в повести «Хозяйка» начинает линию романтических героев Достоевского; Дмитрий Карамазов, декламирующий Шиллера; замыкает ее. Нежное воспоминание о друге своей юности Федор Михайлович хранил всю жизнь. Анна Григорьевна рассказывает, что он полюбил Владимира Соловьева за то, что тот напоминал ему Шидловского» (с.225).

«В дружбе с Шидловским Достоевский был учеником, подавленным гениальностью своего поэтического друга. В отношениях с ... Бережецким... он перевоплощался в Шидловского» (с.225).

«Михаил Михайлович приезжает в Петербург для сдачи офицерского экзамена. Н прощальном вечере у него Достоевский читает отрывки из своих драм «Мария Стюарт» и «Борис Годунов»... Влияние Шидловского, сочинявшего драму Мария Симонова»... объясняет происхождение этих набросков» (с.226).

М.Л. Гомон «Бирюченский друг Достоевского. – В кн. Белгородчина литературная. – Воронеж, 1979.

«Являясь наследником большого поместья, он поражал своих близких и знакомых удивительным равнодушием к материальным благам. Всем своим существом устремлялся он в мир жизни внутренней, возвышенных мечтаний, страстной тяги к искусству и творчеству» (с.50).

«Гордый и независимый, мятежный и буйный, Шидловский вдруг впадал в религиозный покаянный экстаз» (с.53).

«Личность Шидловского частично нашла свое воплощение в Ордынове – герое повести «Хозяйка» Достоевского. Романтический стиль этого раннего произведения действительно близок по своей тональности стилю писем Достоевского периода его дружбы с Шидловского (с.55).

М.П. Алексеев. Ранний друг Ф.М. Достоевского. – Одесса, 1921.

Она (дружба Достоевского и Шидловского) обосновывалась на почве «общего тяготения к литературным занятиям, страстного интереса к творчеству, культу внутренней жизни. Она была в числе важнейших факторов, определивших первые книжные увлечения Ф.М.Достоевского и все уклоны его юношеского романтизма. В значительной степени она определила также и форму ранних творческих замыслов Достоевского - его драматических опытов, и навсегда осталась для него памятной» (с. 6).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

«Он (Достоевский – С.Г.) рассказал, между прочим, об одном человеке, который имел на него самое сильное влияние. Это был некто Шидловский... Шидловский, по рассказам Достоевского, был человеком, в котором мирилась бездна противоречий: он имел «громадный» ум и талант, не выразившийся ни одним писанным словом и умерший вместе с ним» (Соловьев Вс. Воспоминание о Ф.М. Достоевском. – В сб. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. – М. – Т.2. – 1964).

«Мне неоднократно приходилось слышать от Шидловского от его петербургских знакомых, двух братьях Достоевских, тогда еще молодых путейских офицерах, еще ничем не заявивших себя в литературе; особенно говорил он об одном из них, именно о Федоре Михайловиче, предугадывая в нем будущую знаменитость. Со своей стороны Федор Михайлович Достоевский не забыл Шидловского: в своем «Дневнике писателя» он вспоминает о нем как о талантливом человеке». (Решетов Николай. Люди и дела давно минувших дней. – «Русский архив, 1886, № 10).

«Рассказы о Петре I, о героизме русского народа в Отечественной войне 1812 года Ваня готов был слушать без конца, и несомненно, что эти рассказы взрастили в его впечатлительной душе первые ростки патриотизма». (Л.В. Шидловская. К биографии И.Н. Шидловского).

ИЗ ПИСЬМА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
БРАТУ М.М. ДОСТОЕВСКОМУ

«Ежели бы ты видел его (Шидловского) прошлый год ... Взглянуть на него – это мученик! Он иссох; щеки впали; влажные глаза его были сухи и пламенны; духовная красота его лица возвысилась с упадком физической. Он страдал, тяжело страдал! Боже мой, как любит он какую-то девушку... Без той любви он не был бы чистым, возвышенным, бескорыстным жрецом поэзии... Передо мной было прекрасное возвышенное создание, правильный очерк человека, который представил и нами Шекспир и Шиллер; но он уже готов был тогда пасть в мрачную манию характеров байроновских. Часто мы с ним просиживали целые вечера, толкуя Бог знает о чем. О, какая откровенная, чистая душа! У меня льются теперь слезы, как вспомню прошедшее... Наступила весна; она оживила его. Воображение его начало создавать драмы, и какие драмы, брат мой!.. А лирические стихотворения его!.. Последнее свидание мы гуляли в Екатерингофе. О, как провели мы этот вечер! Вспомнили нашу зимнюю жизнь, когда мы разговаривали о Гомере, о Шекспире, Шиллере, Гофмане... Прошлую зиму я был в каком-то восторженном состоянии. Знакомство с Шидловским подарило меня столькими часами лучшей жизни».

ИЗ ПИСЬМА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
В. СОЛОВЬЕВУ

«... нужды нет, что его никто не знает и что он не оставил после себя литературного имени. Ради бога, голубчик, упомяните – это был большой для меня человек, и стоит он того, чтобы его имя не пропало».

ИЗ ПИСЬМА И.Н. ШИДЛОВСКОГО
М.М. ДОСТОЕВСКОМУ

«Ваша поэзия своим изящным характером возвращает меня к младенчеству, к той простоте, чуждой современного суемудрия, байроновского бешеного эгоизма, без которой нельзя войти в царствие божее. Полевой чудесно выразился при мне однажды, что на человека надобно смотреть как на средство к проявлению вечного в человечестве, а тело, глиняный кувшин, рано или поздно разобьется, и прошлые добродетели, случайные пороки сгинут».

ИЗ ПИСЬМА Л.В. ШИДЛОВСКОЙ
(НЕВЕСТКИ И.Н.ШИДЛОВСКОГО)
А.Г. ДОСТОЕВСКОЙ
(ЖЕНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)

«Но ученая работа не могла всецело поглотить его душевную деятельность. Внутренний разлад, неудовлетворенность всем окружающим, вот предположительно те причины, которые побудили его в 50-х годах поступить в Валуйский монастырь. Не найдя, по-видимому, и здесь удовлетворения и нравственного успокоения, он предпринял паломничество в Киев, где обратился к какому-то старцу, который посоветовал ему вернуться домой в деревню, где он и жил до самой кончины, не снимая одежды инока-послушника. Его странная, исполненная всяких превратностей жизнь, свидетельствовала о сильных страстях и бурной природе. Глубокое нравственное чувство Ивана Николаевича стояло нередко в противоречии с некоторыми странными поступками; искренняя вера и религиозность сменялись временным скептицизмом и отрицанием. Эту сторону характера Шидловского, эту двойственность его природы подметил Ф.М. Достоевский...»

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ТРЕХ ТОМАХ
1821-1881 гг.

Том первый 1821-1864. С-Петербург, 1993. О взаимоотношениях И.Н.Шидловского и Ф.М.Достоевского упоминается на стр. 38, 39, 40, 41, 42, 44, 47, 53, 54, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 64, 66, 67.

Здесь указаны даты (год, месяц, число), вид связи (письмо, записка, встреча, прогулка, воспоминание и т.п.).

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ ШИДЛОВСКИЙ

О, для чего тебя послал мне бог?

Что он сказал душе моей тобою?

Ты дивная, не новый ли залог

На счастье за дверью гроба?

.....

Ни расстояние, ни время,

Все разделяя, все губя.

Моей любви святое бремя

Отвлечь не властно от тебя.

Моя душа не что иное,

Как след твой яркий, след живой,

Твое присутствие земное

Обозначающий собой.

ОБЛАКА

Куда стремитесь вы, гульливые станицы,

Прозрачных, бланжевых, румяных облаков?

Какие дальние безвестные границы

Манят вас ласково, как мать своих сынов?

Вот на краю небес вы тесно состадились,
Остановившись в раздумье, и на вас
Заката яркого лучи переломились,
Сияньем полося все небо, как атлас.

И рядом бронзовых роскошных изваяний,
Хитона Божьего каймою накладной,
Вы мне являетесь, и на крылах мечтаний
Я посылаю вам привет любви святой.

БУРЯ

Буря воеет, гром грохочет,
Небо вывалиться хочет,
По крутым его волнам
Пляшет пламя там и сям.

Ах, когда б на крыльях воли
Мне из жизненной недоли
В небеса откочевать,
В тучах место отобрать!

Там вселиться, и порою
Прихотливою рукою
Громы чуткие будить
Или с Богом говорить!

К ЕЛЕНЕ З.

Я не могу предаться вполонину.
Объятием, как молнией сожгу,
Лобзанием из груди сердце выну,
Я чувствовать иначе не могу.

.....

О, полюби ж, не думая, куда
Нас поведет сочувствие святое.
Что жизнь и смерть? Какая в них нужда?
И здесь, и там – нас двое, вечно двое!

А.В. НИКИТЕНКО – РУССКИЙ КРИТИК И ЛИТЕРАТУРОВЕД

Никитенко Александр Васильевич – человек удивительной судьбы. Его жизненный и творческий путь являет собой пример человеческих возможностей, того, что кроме удачи, которая посылается свыше как дар, человек может упорством, мужеством, трудом достичь многого, даже если он из рабов. Родившись в семье крепостного, Никитенко сумел получить глубокое образование, стать профессором университета, критиком, литературоведом, с которым считались такие корифеи русского искусства, как Пушкин, Гоголь. Он был знаком с Белинским, Некрасовым, Панаевым. Переписывался с Кольцовым, у него были дружеские отношения с Тургеневым, Ершовым, Алексеем Толстым, Гончаровым, Островским, Писемским. Сохранилась переписка, свидетельствующая о том, что наш земляк жил в самой гуще событий культурной жизни России и своей деятельностью влиял на многие тенденции в развитии литературы.

Родился А.В.Никитенко 12 марта (24 марта) 1804 года в с. Удеревка (сейчас – Алексеевский район). Как он пишет «В моей повести о самом себе», корни его родословной ведут к вольному казачеству. Но его род постигла трагедия – предки Никитенко и других переселенцев Слободской Украины попали в крепостную зависимость к графам Шереметевым.

Василий Михайлович, отец будущего критика, в молодом возрасте был отдан в Москву, где пел в музыкальной капелле графа. (Шереметевы всех поколений держали театр). Александр Васильевич Никитенко пишет о своем отце, что он в Москве не только выучился грамоте, арифметике, но и французскому языку. Однако служба в капелле рано закончилась. Отец лишился голоса, и граф его использовал по своему усмотрению: он был писарем, затем ему было разрешено служить управляющим имением у соседей-помещиков, позже у самого хозяина – графа Шереметева, у которого имения были разбросаны по всей России. Подобного рода занятия давали возможность жить в достатке, а образование и культура Василия Михайловича спо-

собствовали тому, что его собственный дом и небольшая усадьба были наполнены достатком. В доме имелась прекрасная библиотека, дети получили хорошее образование и домашнее воспитание. Дом был окружен прекрасным садом, утопал в цветах. Но крепостной человек не был застрахован от случайностей и капризов хозяина. Он не раз попадал в опалу: его обвиняли в воровстве, сажали в тюрьму, отбирали нажитое с большим трудом имущество. Василий Михайлович был человеком честным и прямым, поэтому не раз вступал в конфликты с помещиками, которые его нанимали, не зная, что кроме таланта хозяйственника в наемном управляющем глубоко сидел дух свободолюбия и упрямства в достижении правды и справедливости. Всю жизнь он мечтал «выкупиться» из рабства, но судьба отбрасывала его назад уже, казалось бы, на последнем этапе подхода к цели.

Никитенко-отец мечтал дать образование старшему сыну Александру, который к этому времени уже проявлял тягу к книге, любопытство к наукам. Помочь обрести свободу хотя бы одному из детей стало смыслом его жизни. Талантливого Александра удалось определить в Воронежское уездное училище. Он учился с удовольствием и был лучшим учеником. За отличную учебу его наградили похвальным листом, но в дворянскую гимназию, о которой он мечтал, его не взяли, так как он был крепостным мальчиком.

В этот период жизни семья бедствовала. Однако опять случай помог. Никитенко пишет: «... нас выручило нечто просто невероятное: мне, четырнадцатилетнему мальчику, систематически прошедшему лишь курс уездного училища, предложены были уроки!» (1, с.66). Исследователь Прокопенко З.Т. отмечает, что Александр Васильевич Никитенко из-за разных жизненных причин меняет место проживания: то он в Воронеже, то в Острогожске. Он стремится сблизиться с людьми, от общения с которыми мог бы получить толчок в развитии. «Ему повезло, – пишет Прокопенко, – он знакомится с прогрессивно настроенными людьми, такими как В.А. Должиков, В.И. Астафьев, Д.Ф. Панов и другими, которые не только приглашают юношу к себе, но и предоставляют в его распоряжение свои библиотеки»

(1, с.66). Об этом счастливом для себя времени самостоятельного развития и образования А. Никитенко замечает: «Романы к этому времени утратили для меня свою прелесть. Я успел пресытиться ими, и ум мой искал более существенной пищи», – пишет он в «Моей повести...».

Один перечень книг, которые влекли к себе Никитенко, говорит красноречиво о серьезной тяге к познанию законов бытия: «Дух законов» Монтескье, «Созерцания природы» Боннета, «Всеобщая история» Роллена в переводе Тредиаковского, «История философских систем» Галича – это далеко не полный список, прочитанных книг. Он свидетельствует, что молодому Никитенко была по плечу самая трудная научная литература. Если учесть, что он всего достигал почти самостоятельно, не имея опыта, то проникновение в смысл сложных философских идей и понимание их говорят об одаренности юноши, и о его высоком интеллекте.

А.В. Никитенко везло на хороших людей. Он был благодарен им, и наиболее значительные встречи отметил в «Моей повести...»

Немаловажную роль в судьбе Никитенко сыграл К.Ф. Рылеев. Человек благородный, отзывчивый на человеческую беду, пламенный революционный романтик, мечтающий о счастье России, ее свободе и процветании, он активно вмешался в судьбу юноши, желая помочь ему. Следуя за записками Никитенко, проследим, как это было. В 1817 году в Острогжске была расквартирована драгунская дивизия. В ней было много офицеров, опаленных войной 1812 года, которые после победы по-другому взглянули на народ – освободитель. Считая несправедливым держать победителей-героев в рабстве, они всеми силами стремились приблизить день освобождения крестьян от крепостного права. Они мечтали о просвещении народа, развитии культуры, науки, экономики. Среди офицеров драгунского полка был и К.Ф. Рылеев, который в движении декабристов сыграл одну из ведущих ролей и, как мы знаем, был казнен в 1826 году. Офицеры, «участники в мировых событиях» – пишет Никитенко – «пробудили новые интересы» в жизни местной интеллигенции. В «Моей повести...» есть запись: «И я не был

откинут ими, напротив, принят с распростертыми объятиями и братским участием. Они видели во мне жертву порядка вещей, который ненавидели...». Отсюда отношение их к бедному обездоленному мальчику носило характер не одного участия, но и своего рода уважения... сближение мое с этими людьми дало новый толчок моему развитию и значительно расширило мой умственный горизонт. Они, между прочим, впервые познакомили меня с новейшими произведениями отечественной литературы» (Цит. по ст. Прокопенко З.Т.).

Общение с людьми нового мировидения еще острее возбудило стремление к освобождению от крепостной зависимости. Никитенко, как свидетельствуют биографы, пишет письмо графу Шереметеву, проживающему в это время в Петербурге, в котором просит дать ему вольную. Но мечте не суждено было сбыться. Граф не удостоил ответом своего раба.

В Острогжске открыли отделение Российского библейского общества. Никитенко становился активным его участником. Его избирают секретарем. Известно, что при вступлении в должность секретаря он произнес речь о значении подобных обществ. В начале своего создания общества подобного типа видели свою задачу в распространении Библии, пропаганде высокой нравственности, гуманности. В речи Никитенко выразил мысль о том, что христианские заповеди помогут людям жить в мире и согласии, в уважении к закону. Речь слушателям понравилась настолько, что ее предложили опубликовать и отправили на утверждение министру духовных дел и просвещения князю Голицыну. Ему речь тоже понравилась, он заметил талант молодого оратора и пригласил его в Петербург. Получив разрешение у графа Шереметева, своего хозяина, Никитенко переезжает в Петербург. Он надеялся при содействии Рылеева получить свободу от крепостной зависимости. На просьбу, князя Галицына освободить Никитенко граф Шереметев дал отказ. Тогда группа офицеров составила коллективное прошение по этому же поводу, и граф, чтобы «сохранить лицо», отпустил Никитенко, дав ему вольную.

Важным и радостным событием для Никитенко стало поступление его в Петербургский университет на философско-юридический факультет. Чтобы он мог жить на какие-то средства, Рылеев устраивает его воспитателем младшего брата князя Е.П. Оболенского. Никитенко часто посещает Рылеева, присутствует на вечеринках его друзей. Такое общение шло на пользу пытливому юноше, впитывающему в себя все новое страстно и с интересом. Здесь формировались его гражданские чувства и убеждения. Заметки о Рылееве, дошедшие до нас, свидетельствуют о глубокой благодарности и симпатии Никитенко к своему покровителю и наставнику. Он пишет: «Я не знал другого человека, который обладал бы такой притягательной силой, как Рылеев. Среднего роста, хорошо сложенный, с умным, серьезным лицом, он с первого взгляда вселял в вас как бы предчувствие того обаяния, которому вы неизбежно должны были подчиниться при более близком знакомстве. Стоило улыбке озарить его лицо, а вам самим глубже взглянуть в его удивительные глаза, чтобы всем сердцем, беззаветно отдаться ему» (2, с.80-81). События декабря 1825 года застали Никитенко в доме Оболенских. Спустя много лет, он пишет о Рылееве, что его дом «долго был предметом скорбных воспоминаний, и я не мог пройти мимо без сердечного волнения. Было одно окно особенно: оно выходило из кабинета, где я, познакомившись ближе с хозяином, слушал, как он декламировал свою, только что оконченную поэму «Войнаровский». Со мною вместе слушал и восхищался в простом армейском мундире – Е.А. Баратынский» (1. с.68).

Известно, что Никитенко вел дневник постоянно, но за 1925 год записей нет. Исследователи предполагают, что они были, но автор их уничтожил, обезопасив себя. Спустя десятилетия, дочь – С.А.Никитенко – утверждает: «Здесь молодой Никитенко очутился в самом центре тогдашнего прогрессивного движения. Согретый лучами высокой гуманности, царившей в этом обществе, где он был принят с истинно братским радушием, Александр Васильевич уже начинал считать себя у пристани. Он и не подозревал, какая новая гроза зрела вокруг него: она разразилась в злополучный день 14-го

декабря и застала его врасплох». Прокопенко З.Т. считает, что это попытка со стороны дочери отвести подозрение от своего отца. В качестве довода исследователь приводит слова дочери: «Покровители и друзья, правда, щадили его юность и неопытность, а может быть, и не доверяли его зрелости, и поэтому не посвятили его в тайну замышленного ими государственно-го переворота» (1, с.68).

Исследователи полагают, что именно эти кровавые события убедили Никитенко в бессмысленности насильственных действий и укрепили его либеральные убеждения, что не противоречило его мучительным переживаниям «за судьбу друзей и за свою собственную участь», как пишет об этом его дочь. Сами либеральные взгляды тоже не были твердыми. Судя по некоторым его высказываниям и поступкам, Никитенко не совсем был уверен и в том, что жизнь можно изменить, ограничив царскую власть рамками либеральной законности. Здесь он близок к настроению А.С.Пушкина, который еще до декабрьских событий восклицал: «Увижу ль, о друзья! Народ неугнетенный И рабство, падшее по манию царя, И над отечеством свободы просвещенной Взойдет ли наконец прекрасная заря». А позже, разуверившись в благих намерениях Александра I, слова и дела которого не совпадали, иронически замечал: «Пора уснуть уж наконец, Послушавши, как царь-отец. Рассказывает сказки». («Деревня», «Сказки»).

Никитенко, в силу низкого происхождения, чувствовал себя одиноким среди аристократических отпрысков. Кроме того, время было жесткое, оно несло печать событий декабря. Из университета были уволены «вольнодумные» преподаватели, кругом были: доносы, подозрения, прямая слежка. Бенкендорф со своей «армией» осведомителей активно внедрялся в студенческие ряды. Под контроль было взято «настроение умов» молодежи и профессуры. Это обстоятельство вносило дополнительную тревогу в жизнь Никитенко, так как о косвенной связи его с Рылеевым и его друзьями было известно.

Исследователи творчества Никитенко указывают на обращение его к литературной деятельности (20-30-е годы). В этот период он пишет не-

сколько произведений, в том числе, роман «Леон или Идеализм» из велико-светской жизни, о которой, как справедливо замечает З.Т. Прокопенко, молодой автор имел очень смутное понятие.

После университета Никитенко отказался от выгодных предложений служить на периферии. Оставшись в Петербурге, он начал служебную карьеру с младшего чиновника в канцелярии попечителя Петербургского учебного округа.

Трудолюбие и старательность, незаурядные познания в литературе были замечены, и ему предложили преподавать русскую литературу в элитных учебных женских заведениях – Смольном и Екатерининском институтах благородных девиц. Ему работа нравилась. О своих впечатлениях он пишет в дневнике: «Приятно беседовать с милыми цветущими существами; приятно вселить хоть одну из своих идей в сердце матерей будущего поколения и содействовать их образованию, содействовать успехам русского общества... Между ними некоторые, особенно в первом отделении, с большими дарованиями» («Дневник», т.1).

В начале 30-х годов Никитенко был принят в качестве адъюнкта, а затем профессора в университет. В своих лекциях, которые он тщательно разрабатывал и корректировал постоянно, он придерживался историко-литературного принципа изучения русской словесности. Главное внимание обращал на эстетические особенности произведений и их нравственный смысл.

Следует отметить еще один важный поворот в судьбе Никитенко. В 1828 году его пригласили на службу в цензурное ведомство, что дало ему возможность общения с многими талантливыми писателями своего времени.

В «Моей повести о самом себе» он пишет горькие строки о безвременной смерти А.А. Дельвига, с которым был знаком, (Дельвиг был редактором «Литературной газеты»): «Публика в ранней кончине барона Дельвига обвиняет Бенкендорфа, который ... назвал Дельвига в глаза почти якобинцем и дал ему почувствовать, что правительство следит за ним.

За сим и «Литературную газету» запрещено было ему издавать. Это поразило человека благородного и чувствительного...» («Моя повесть...»).

Никитенко тяжело пережил и другую смерть – А.С. Пушкина, которого знал лично. Он встречался с ним на вечерах в доме А.П. Керн, где собиралось изысканное общество литераторов, поэтов, где бывать уже почиталось за честь. Никитенко понимал степень потери для России. Он был на похоронах Пушкина. В «Дневнике» он рассказывает: «Народ обманули: сказали, что Пушкина будут отпевать в Исаакиевском соборе, – так было означено и на билетах, а между тем тело было из квартиры вынесено ночью, тайком, и поставлено в Конюшенной церкви. В университете получено строгое предписание, чтобы профессора не отлучались от своих кафедр и студенты присутствовали бы на лекциях. Я не удержался по этому поводу. Русские не могут оплакивать своего согражданина, сделавшего им честь своим существованием! Иностранцы приходили поклониться поэту в гробу, а профессорам университета и русскому юношеству это воспрещено. Они тайком, как воры, должны были прокрадываться к нему.

Вместо очередной лекции я читал студентам о заслугах Пушкина. Будь, что будет!» («Дневник», т.1).

Никитенко всячески противился цензурной проверке наследия Пушкина. А когда в знак протеста хотел уйти из цензурного отделения, ему пригрозили.

Он дает отпор апологетам «чистого искусства», которые хотели причислить Пушкина к своей школе. Он пишет: «Пушкин ... первый учит сочетать лучшие стремления духа, идеалы с действительностью на почве нашей общественной и исторической жизни» («Дневник»). Он всячески популяризирует творчество Пушкина среди студентов.

Белинский высоко оценивал ораторское мастерство Никитенко. Он писал: «Академические речи г. Никитенко выходят из ряда обыкновенных явлений этого рода. Жизненное содержание и блестящее, красноречивое изложение всегда оставляют неотъемлемую принадлежность всего, что выходит из-под даровитого пера этого автора» (4, т.6, с185).

Чуть позже он же отозвался о книге Никитенко «Опыт истории русской литературы»: «Подобная книга, – писал Белинский, – есть приобретение и для литературы, и для публики, читающей для пользы: но еще большее приобретение увидят для себя в ней молодые поколения» (4, т.9, с. 169). Книга не была дописана.

Талантливость Никитенко привлекла внимание сотрудников журнала «Современник», которые пригласили его в качестве официального редактора. В этом же журнале он поместил и несколько своих статей. Одна из них «О современном направлении русской литературы». В ней он защищал принципы «натуральной школы», разработанные Белинским, но кроме разоблачения пороков, которое школа ставила в основу, он требовал обращения внимания литературы и на светлые стороны жизни, т.е. отражение мира в более полном колорите.

По мере роста напряжения в обществе журнал приобретал более решительный голос. Его идейным вождем стал Чернышевский. Никитенко ушел с поста редактора.

Современники Никитенко вспоминают его как прекрасного человека и интересного преподавателя. О взаимоотношениях его со студентами говорят некоторые достаточно яркие страницы из его деятельности: он часто выступал против застоя в учебном процессе. Он считал, что нужен свежий приток новых, более демократических профессорских сил. Застой вызывает протест молодежи. По этому поводу читаем запись в его «Дневнике»: «Ропот и неудовольствие сильно распространяются... Беспрестанно забирают то тех, то других здесь и в провинциях. Между тем, власть употребляет все меры, чтобы вооружить против себя и сделать своими врагами людей мыслящих, которые во всяком случае могли бы быть надеждою, ее опорой. Вот хоть бы способ проведения классического обучения в школах и нападения на университеты».

У него по истории русской литературе и эстетике обучались Н.Г. Чернышевский, Д.М. Писарев, А.М. Скабичевский, А.Н. Пынин, И.И. Введенский.

Один из ярких эпизодов, свидетельствующих о любви студентов к своему преподавателю, приводит З.Т. Прокопенко (1, с.73-74). За пропуск какой-то «крамольной» (с точки зрения цензурного комитета) статьи Никитенко аре-

стовали, затем вынуждены были выпустить. Студенты организовали ему встречу: около 700 человек устроили овацию, чем усилили подозрение цензуры в преднамеренном пропуске статьи, якобы для того, чтобы возбудить студентов.

Студенты бывали у него дома, он помогал им добывать частные уроки.

Особые отношения сложились у Никитенко с Чернышевским. Чернышевский под руководством Никитенко пишет кандидатскую диссертацию о комедии Фонвизина «Бригадир», а докторскую – «Эстетические отношения искусства к действительности» – тоже предполагает, что предложил он же. К моменту защиты диссертации у Чернышевского уже был свой путь жизни и свое, более революционное мировоззрение. Но на всю жизнь он сохранил благодарность к своему учителю.

Благородный человек, он многим всячески помогал. Так, например, он поспособствовал тому, чтобы во вновь созданном Главном управлении печати сотрудничал И.А. Гончаров, привлек в иностранный отдел Ф.И. Тютчева.

Он был глубоко потрясен арестом Чернышевского. После того, как он узнал о «гражданской казни» Чернышевского, не явился в университет на занятия, а позднее проводит свое дознание о подробностях суда. Необоснованность обвинения его потрясает. Он пишет об этом в дневнике, обвиняя правительство в несправедливости. Записей о Чернышевском и обо всем, что с ним связано, появляется много. Они свидетельствуют о том, что мысли о нем долго не покидали его. Наступает кризис, депрессия. Все это приводит его к отставке. «Я расстался навсегда с университетом после тридцати лучших моих лет, ему посвященных, – расстался с грустью, не жалея, впрочем, о разлуке моей с лицами ... Я хотел было сказать в совете маленькую прощальную речь, но рассудил, что не для кого и не для чего. Я просто встал и неприметно ушел» («Дневник»).

Исследователи утверждают: причина в том, что Никитенко не мог выдержать безразличия профессуры к общественной жизни, засилия немцев, беззакония, что выдерживать все это он уже не мог и не хотел.

Особо хотелось бы остановиться на взаимосвязях Никитенко с великими еще при жизни современниками. Мы уже упоминали о личном знакомстве Ники-

тенко с Пушкиным. Добавим, что знакомство это крепко, если бы не оборвалось столь трагически. С большим уважением и доверием к Никитенко относился Гоголь, который старался, чтобы на цензуру произведения попали именно к нему. Сохранилось письмо, в котором Пушкин просит Никитенко взять на цензурное рассмотрение второе издание «Повестей Белкина». Никитенко пишет, что с «душевным удовольствием готов исполнить ваше желание теперь и всегда». Сохранились сведения, что Гоголь и Никитенко переписывались по поводу поэмы «Мертвые души» и ее цензурских правок, об эпизоде о капитане Копейкине, который нельзя было пропустить в печать. Из переписки видно, что Никитенко – человек тонкий, просвещенный и доброжелательный, но последнее – в рамках цензурных прав. Гоголь в письмах воздает дань уважения Никитенко. Для «Выбранных мест...» он тоже выбирает в цензоры Никитенко. Это свидетельствует о полном доверии к нему. В письме к Плетневу Гоголь пишет: «Печатанье должно проходить в тишине, нужно, чтобы кроме тебя и цензора никто не знал. Цензора выбери Никитенко: он ко мне благосклоннее других. К нему я напишу слова два. Возьми с него также слово никому не сказывать о том, что выйдет моя книга» (6, с. 333).

Переписка разных людей искусства этого времени, особенно литераторов, свидетельствует о большой популярности Никитенко – цензора. Его не боялись, обращались к нему за советом и помощью.

Его услугами пользовались П. Ершов, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Федор Глинка, Алексей К. Толстой, Ф. Булгарин, П.А.Вяземский, А.Ф. Писемский, Н.А. Некрасов.

В материалах многих известных писателей XIX века сохранились письма от Никитенко и к Никитенко.

Все сказанное о Никитенко свидетельствует, что наш земляк – личность незаурядная. Он оставил заметный след в истории русской литературы.

Литература

1. Прокопенко З.Т. Академик из крепостных. – В кн.: Литературная Белгородчина. – Воронеж, 1979.
2. Кулакова И.И. Несравненный летописец своего времени. – В кн.: Писатель и литературный процесс. – Белгород, 1998.

3. Краткая литературная энциклопедия. – Т.5, 1968.

4. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений, АН СССР, 1-13 т., М, 1953-1959.

5. Прокопенко З.Т. Никитенко и Чернышевский Рус. лит. – 1978, №2.

6. Гоголь Н.В. Собр. Соч. В 9 т. М., 1994, т.9.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«С душевным удовольствием готов исполнить ваше желание теперь и всегда. Да благословит вас гений ваш Новыми вдохновениями, а мы готовы. (Что сказать – обрезать крылья ему? По крайней мере, рука моя не злоупотребит этим). Потрудитесь прислать все, что означено в записке вашей, и уведомьте, к какому времени вы желали бы окончания этой тяжбы политического механизма с искусством, говоря просто, цензурованья».

(Письмо Пушкину по поводу цензуры на 2-е издание «Повестей Белкина», «Дневник», т. 1, с. 142).

«Он (Пушкин – автор), например, сегодня много говорил дельного и, между прочим, тонкого о русском языке. Он сознался также, что историю Петра пока нельзя писать, то есть, что ее не позволят печатать. Видно, что он много читал о Петре».

(«Дневник», т. 1, с. 193).

«Какой глубокий взгляд в самые недра нашей жизни! Какая прелесть неподдельного, вам одним свойственного комизма! Что за юмор! Какая мастерская, меткая обрисовка характеров! Где ударила ваша кисть, там и жизнь, и мысль, и образ – образ так и глядит на вас, вперив свои живые очи, так и говорит с вами... Прелесть, прелесть и прелесть! И что это будет, когда вы все кончите; если это исполнится так, как я понимаю, как, кажется, вы хотите, то тут выйдет полная великая эпопея России XIX века. Рад успехам истины и мысли человеческой, рад вашей славе... не забывайте в вашем цензоре человека, всей душой вам преданного и умеющего понимать вас».

(Письмо Никитенко Гоголю о поэме «Мертвые души»).

«... Я очень дорожу вашими лестными для меня суждениями и отзывами. В нем мне как будто слышатся голоса давно умолкшие. На ваш взгляд, на ваш суд я очень надеюсь. Ваш смак не притупился: он сохранил свежесть нашего доброго старого времени».

(Письмо Вяземского Никитенко).

«К 1846 году я собираю альманах, в котором примут участие Панаев, Белинский, А. Майков, Тургенев, Огарев и др. Вы ко мне добры, и это дает мне смелость просить вас взять на себя цензуру этого альманаха. Я уезжаю из Петербурга, и это лишает меня удовольствия быть у вас лично».

(Письмо Некрасова Никитенко).

«Некоторые из московских литературоведов, в лице Панаева, предложили мне быть редактором журнала, который хотят купить у кого-нибудь из нынешних владельцев журналов. Покупается «Современник». Я согласился. Предварительные условия составлены. Ожидают только Уварова, который в Москве..»

... Министр согласился на передачу мне «Современника».

(«Дневник», т. 1, с. 298).

СТАТЬИ НИКИТЕНКО

1. «Вступительная лекция российской словесности о происхождении и духе литературы» (1833).
2. «Опыт истории русской литературы» (1845).
3. «О современном направлении русской литературы» (1847).
4. «Василий Андреевич Жуковский...» (1853).
5. «Речь о баснях Крылова в художественном отношении» (1868).
6. «Моя повесть о самом себе» (1888-1892).
7. «Дневник» (1888-1892).

Н.Н. СТРАХОВ – ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК И ПУБЛИЦИСТ

«В истории общественного сознания вообще и в истории литературы в частности есть деятели, которые, внешне вроде бы не выходя на первый план, играют роль гораздо более существенную, чем принято обычно думать»

Н.Н. Скатов (11, с.3)

Николай Николаевич Страхов принадлежит к числу деятелей, о которых знают в основном специалисты. Однако в XIX веке его знали и ценили многие. Он находился в гуще событий общественной и культурной жизни России. К его мнению прислушивались такие корифеи литературы как Ф.М. Достоевский и Л.Н.Толстой. «Половина моих взглядов – ваши взгляды», – писал Достоевский Страхову в одном из писем (11, с.5). А Л.Н. Толстой признавался: «... одно из счастья, за которое я благодарен судьбе, это то, что есть Н.Н. Страхов» (12, т.17, с.89). Другое признание Л.Н. Толстого – тому подтверждение: «У меня было два лица, к которым я много писал писем и, столько я вспоминаю, интересных для тех, кому может быть интересна моя личность. Это Страхов и Сергей Семенович Урусов» (10, с.3-4). Позднее он признавался, что Страхов для него «единственный духовный друг» (12, т.17, с.461). Через два десятилетия знакомства писатель скажет, что они со Страховым сблизилась «самыми основами» (12, т. 18, с.78).

Деятельность Н.Н. Страхова многообразна. Исследователи утверждают, что когда его вместе с Л.Н. Толстым избрали почетным членом популярного в те времена (1894г.) Московского психологического общества, ему была дана следующая характеристика: «Мыслитель тонкий и глубокий, замечательный психолог и эстет» (5, с.79). Нас он интересует как литературный критик, хотя мы и будем обращаться к его общемировоззренческим позициям, так как они тесно связаны с его критическими принципами, а точнее, вытекают из них. Сегодня, когда идет активно «переоценка ценностей» во всех

сферах человеческого бытия, в литературе, в частности, проследим, чем может быть интересно критическое наследие Страхова.

Деятельность критика попадает на период, когда в искусстве происходило достаточно четкое размежевание. Об этом пишет Н.Н.Скатов в статье о Страхове. Он отмечает, что в пушкинскую эпоху «все подлинно великие писатели в общем стояли по одну сторону». Русская литература «рождала ряд громадных обобщающих явлений... Крылов – в басне, Грибоедов – в драме, Кольцов – в песне. И конечно, все так или иначе к себе сводящий и все покрывающий – Пушкин» (11, с.6).

Дальнейшее развитие русской литературы, по верному наблюдению Н.Н. Скатова, – и более сложное, и более дробное, и более противоречивое (там же). Н. Скатов пишет: «В послепушкинскую (эпоху – *авт.*) определились такие противостояния, когда мы видим часто и по многим пунктам разведенных, например, Некрасова и Фета. Добролюбов в понимании и истолковании написанного Тургеневым романа «Накануне» решительно расходится с самим Тургеневым. Достоевский оказывается энергичным оппонентом Добролюбова и т.д. и т.п. Тем не менее, те же Некрасов и Фет сознают единую от Пушкина идущую родословную, каждый не без основания претендует на часть пушкинского наследия.

Нечто подобное, конечно, в иной форме и степени, но все же имело место и в русской критике» (там же).

Читателю стало известно имя Н.Н. Страхова после публикаций таких статей как «Письма об органической жизни» (1859), «Значение гегелевской философии в настоящее время» (1860), «Мир как целое» (1872), в которых отразилось религиозно-идеалистическое воззрение на мир, выпад против материализма, обоснование неославянофильской доктрины.

Позднее, в 60-70-е годы, вместе с А.А. Григорьевым и Ф.М. Достоевским Страхов отстаивал почвенничество, суть которого – в отрицании революции, русского и западно-европейского социализма. Из-за статьи Страхова «Роковой вопрос» (1863) запретили «Время». В статьях этого периода он по-

лемизировал с журналами «Современник», «Русское слово», «нападал» на творчество Н.Г. Чернышевского, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина и других писателей-демократов. Главное его обвинение – «утилитарный» подход к искусству. Тургенева он называл жертвой «западничества». Высоко ценил Достоевского как носителя идей почвенничества. С.А. Розанова, автор статьи о Страхове в «Краткой литературной энциклопедии», пишет: «Для литературно-критических выступлений Страхова в целом характерна связь с философией и эстетикой Ф.В. Шеллинга, Гегеля, а также с принципами «органической критики» Григорьева. Выступая за народность искусства, он сводил ее к воспроизведению национального характера, верований русского народа, его смирения, крепости; наиболее важным для художника Страхов считал внимание к духовно-нравственным коллизиям в жизни общества и к человеческой личности» (16, с. 214).

Страхов, развивая разные тенденции литературной критики, имел свое неповторимое лицо. Считая А. Григорьева «родоначальником русской критики, а себя его учеником, он во многом (правда, далеко не во всем) соглашался с оценками искусства Белинского. Сам же А. Григорьев считал «началом всех начал» в критике – Белинского, называя его «гениальным человеком», «признанным». Он отмечал: «Литература была за него, оправдывала его доктрины, по этому самому, что он ее угадывал, определял с удивительной чуткостью стремления, разъясняя ее, как Гоголя и Лермонтова. Говоря о литературе нашей, – а она долго была... единственным средоточием всех наших высших интересов, – постоянно бываешь поставлен в необходимость говорить о нем. Высокий удел, данный судьбой немногим из критиков! – едва ли, за исключением Лессинга, данный не одному Белинскому. И дан судьбою этот удел совершенно по праву» (11, с.8). И еще его же замечание: «Если бы Белинский прожил до нашего времени, он и теперь бы стоял во главе критического сознания, по той причине, что сохранил бы высшее свойство своей натуры: неспособность заостенеть в теории, против искусства и жизни» (там же).

Пушкина А. Григорьев поднимает над всеми и считает, что только ему можно дать «титул» «гениальный».

Страхов тоже часто обращается к Белинскому и считает это необходимым (Например, в статье «Нечто о полемике», 1861 г). Он считает, что к числу тех, кто «все понимал» можно отнести двоих – Пушкина и Белинского. Его мысли по творчеству Пушкина (в статьях о нем), во многих моментах совпадают с оценками Белинского. Н.Н.Скатов этот факт поясняет так: «Белинский, подобно Пушкину, особенно в «пушкинские» тридцатые годы, многое в себе синтезирует, заключает, еще объединяет в себе то, чему скоро предстоит разъединиться» (11, с. 9).

Творчеству А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.И. Герцена, А.А. Фета, Я.П.Полонского Страхов давал толкование в духе своих идеалов. Оценивая творчество Пушкина, он называет его создателем русской национальной литературы и языка, отмечает в его произведениях антизападнические тенденции, смиренное начало. Герцен в его оценке – «отчаявшийся западник», «разуверившийся революционер», в то же время, по Страхову, Герцен - великий художник.

Как справедливо отмечают исследователи, к лучшим работам Страхова относится цикл его статей о «Войне и мире» Толстого, в которых «высказаны тонкие замечания о его творческом своеобразии, о художественных особенностях романа» (16, с.214). В начале 70-х годов Страхов сблизился с Л.Н. Толстым, и в течение почти четверти века они вели достаточно интенсивную переписку, которая в 1914 году была опубликована в книге «Толстовский музей»¹.

Заслугой Страхова является подготовка первого собрания сочинений А. Григорьева со своей вступительной статьей (1876 г).

Он написал первую биографию Ф.М.Достоевского, с которым долго дружил, и воспоминания о нем. Опубликованы его воспоминания и о Л.Н. Толстом.

¹ Толстовский музей, т. 2, СПб, 1914.

Свои философские размышления о культуре он отразил в ряде сборников¹.

С 80-х годов Страхов увлекся проблемами философии, она всегда его притягивала. Наряду с работами по искусству он создает «Письма о нигилизме» (в журнале «Русь» за 1881 год), переводит на русский язык философские и научные труды («История новой философии» К. Фишера, «История материализма...» Ф.А. Ланге и др.).

Такова общая палитра деятельности Н.Н. Страхова.

Чтобы понять истоки интересов философа и литературного критика Страхова, его мировидение, для этого следует обратиться к некоторым моментам его биографии. И хотя его жизнь, как выразился Н. Скатов, «внешне вроде бы лишённая бурных событий», не имеет драматических коллизий, все же в ней мы можем найти повороты, определившие интересы и мировоззренческую платформу Страхова.

Родился Николай Николаевич Страхов 16 (28) октября 1828 года в Белгороде, который в то время входил в состав Курской губернии. Отец его – священник, магистр богословия, профессор Белгородской семинарии – окончил Киевскую духовную семинарию и преподавал словесность. Мать – Мария Ивановна Савченко – была украинка. Ее отец (дед Н.Н. Страхова) был из дворянского рода, хотя и являлся церковнослужителем – белгородским протоиереем. Отец умер рано, мальчику исполнилось всего шесть лет. По приглашению дяди, брата матери, ректора Каменец-Подольской семинарии, Страхов вместе с матерью и старшим братом переезжают к нему. Позднее, в 1839 году, как отмечают биографы Страхова, дядю перевели в Кострому ректором Костромской семинарии, куда он взял и семью сестры. Таким образом Страхов-ребенок начал учиться в Белгородском духовном училище, продолжил – в Костромской семинарии, где проучился четыре года. Духовное образование определило главное направление философских, нравственных и

¹ Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе», т. 1-3, СПб, 1882-1896.

эстетических исканий Страхова. Он вспоминает, что семинария была расположена в старинном Костромском Богоявленском монастыре-крепости, сооруженном в XV веке. Об этом времени он не раз рассказывал и в автобиографии, и в своих «Воспоминаниях о Достоевском». В частности, в автобиографии он пишет: «Это был беднейший и почти опустевший монастырь: в нем было, кажется, не более восьми монахов, но это был старинный монастырь, основанный еще в XV веке. Стены его были облуплены, крыши по местам оборваны, но это были высокие крепостные стены, на которые можно было выходить, с башнями по углам, с зубцами и бойницами по всему верхнему краю. Везде были признаки старины: тесная соборная церковь с темными образами, длинные пушки, лежавшие кучей под низким открытым сводом, колокола со старинными надписями. И прямое продолжение этой старины составляла наша жизнь: и эти монахи со своими молитвами, и эти пять или шесть сотен подростков, сходящихся сюда для своих умственных занятий. Пусть все это было бедно, лениво, слабо; но все это имело совершенно определенный смысл и характер, на всем лежала печать своеобразной жизни. Самую скудную жизнь, если она, как подобает жизни, имеет внутреннюю цельность и своеобразие, нужно предпочесть самому богатому накоплению жизненных элементов, если они органически не связаны и не подчинены одному общему началу» (11, с. 10). Обстановка монастыря пробудила в Страхове интерес к старине, который он сохранил на всю жизнь.

Духовное образование и монастырские нравы не только «обусловили религиозную сущность воззрений и представлений Страхова на всю жизнь», но и определили его «своеобразный аскетизм, полное пренебрежение к комфорту, удовольствиям и удобствам жизни», – как пишет И.В. Шкляревская (5, с.80). Современники вспоминают, что уже будучи популярным критиком Страхов не имел мебели: ее заменяли полки с книгами и несколько стульев для гостей¹.

¹ Все скудное жалованье он тратил на книги, составившие уникальное собрание. Он жил скромно до конца дней своих. Уходя в отставку, он не имел 60 рублей, чтобы выкупить орден, которым его наградили.

Нам известно из истории судеб современников Страхова, что многие, пройдя суровую школу духовных учебных заведений, выходили сломленными или больными. Достаточно вспомнить судьбу Помяловского и его героев из «Очерков бурсы». Много вышло из среды духовенства атеистов, например, Добролюбов, Чернышевский и другие.

Семинария воспитала в Страхове глубокую (хотя и догматическую) религиозность и глубокий патриотизм. Сам он по этому поводу пишет в биографии: «В нашем глухом монастыре росли, можно сказать, дети России. Не было сомнения, не было самой возможности сомнения в том, что она нас породила и питает, что мы готовимся ей служить и должны оказывать ей всяческий страх и всякую любовь... Настоящий, глубокий источник патриотизма есть преданность, уважение, любовь – нормальные чувства человека, растущего в естественном уединении со своим народом. Хорошо или дурно, много или мало, но именно эти чувства воспитывала в нас наша бедная семинария» (11, с.11-12). В своих размышлениях о судьбе России Страхов не раз выражал веру в нее и любовь к ней. Н. Скатов замечает, что Страхов «часто в разное время и по разным поводам цитировал стихи Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить»

(там же).

Этот патриотизм не был официальным. Он шел из глубины души и сознания. Страхов признавался, что он не раз подвергался испытаниям. В своей биографии он пишет: «С детства я был воспитан в чувствах безграничного патриотизма, я рос вдали от столиц, и Россия являлась мне страной, исполненной великих сил, окруженной несравненной славою; первою страной в мире, так что я в точном смысле слова благодарил бога за то, что родился русским. Поэтому я долго потом не мог даже вполне понимать явлений и мыслей, противо-

речащих этим чувствам; когда ж я, наконец, стал убеждаться в презрении к нам Европы, в том, что она видит в нас народ полуварварский и что нам не только трудно, а просто невозможно заставить ее думать иначе, то это открытие было мне невыразимо больно, и боль эта отзывается и сегодня. Но я никогда и не думал отказаться от своего патриотизма и предпочесть родной земле и ее духу – дух какой бы то ни было страны» (там же).

Воспитываясь в среде просвещенной (и в родной семье, и в семье дяди по линии матери, и в семинарии), Страхов перенял трепетное отношение к книге (мы уже упоминали об этой любви), которое переросло в любознательность, а потом и в страсть к науке, тягу к ней и преданность. Он утверждал, что именно семинария в нем воспитала глубокое уважение к науке. «Мне странно вспоминать, однако, – пишет Страхов, – что несмотря на наше бездействие, несмотря на повальную лень, которой предавались и ученики и учащие, какой-то живой умственный дух не покидал нашей семинарии и сообщился мне. Уважение к уму и науке было величайшее; самолюбия на этом поприще разгорались и соперничали беспрестанно; мы принимались умствовать и спорить при всяком удобном поводе: писались иногда стихи, рассуждения, передавались рассказы об удивительных подвигах ума, совершавшихся архиереями, в академиях и т.д. Словом, у нас господствовала очень живая любовь к учености и глубокомыслию, но, увы, любовь почти совершенно платоническая, только издали восхищающаяся своим предметом» (П.с.13).

Обучаясь в семинарии, Страхов начал готовиться в университет. Продиктовано это было желанием заняться науками. Как свидетельствуют биографы Страхова, он поступил в 1845 году вольнослушателем на юридический факультет Петербургского университета, но в этом же году перешел на математическое отделение. Он сам свидетельствует о том, что его тянуло к точным, особенно естественным наукам: «Мне хотелось, собственно, изучать естественные науки, но я поступил на математику, как на ближайший к ним предмет, чтобы иметь возможность получить стипендию, и получал ее - по 6 рублей в месяц» (там же).

Период обучения Страхова был отмечен атмосферой революционно-разночинского подъема (особенно после 1848 года). Будучи по происхождению из семьи разночинца, а по материальному положению почти бедным, он общался с молодыми людьми из демократической среды, в которой новые идеи витали и приживались особенно интенсивно. Страхов позже писал: «В знаменитом университетском коридоре мне доводилось слышать то рассуждения о том, что вера в бога есть непростительная умственная слабость, то похвалы системе Фурье и уверения в ее непременном осуществлении. А мелкая критика религиозных понятий и существующего порядка была ежедневным явлением. Профессора редко позволяли себе вольнодумные намеки и делали их чрезвычайно сдержанно, но товарищи тотчас же объясняли мне смысл намеков. Один из университетских моих приятелей был очень хорошим моим руководителем в этой области. Он объяснял мне направления журналов, растолковывал, какой смысл придается стихотворению «Вперед без страха и упрека», рассказывал суждения и речи более зрелых людей, от которых сам научился этому вольнодумству» (там же). В приведенной записи мы ощущаем напряженный колорит времени, в котором формировались эстетические и философские воззрения Страхова. Пройдя еще одно испытание, на этот раз революционно-демократической средой, как потом будут называть ее, он остался верен своим убеждениями, не совпадавшим с окружающими его идеями. Конечно, следует оговориться, не все были апологетами революционно-демократических взглядов, а лишь наиболее радикально настроенная молодежь, но она и бросала отблески своего настроения и влияла в большей или меньшей степени на окружающих. Страхов признавался: «Отрицание и сомнение, в сферу которых я попал, сами по себе не могли иметь большой силы. Но я тотчас увидел, что за ними стоит положительный и очень твердый авторитет, на который они опираются, а именно - авторитет естественных наук. Ссылки на эти науки делались непрерывно: «материализм и всяческий нигилизм выдавались за прямые выводы естествознания. И вообще твердо использовалось убеждение, что только натуралисты находятся на

верном пути познания и могут правильно судить о самых важных вопросах. И так, если я хотел «стать с веком наравне», и иметь самостоятельное суждение в разногласиях, которые меня занимали, мне нужно было познакомиться с естественными науками. Так я и решил сделать, ни за что не отступал от своего решения и понемногу привел его в исполнение. Хотя математический факультет – ближайший к естественному, мне очень жаль было такого отклонения от прямой линии. Но дело потом поправилось» (11, с. 14). Как сообщает Страхов, в результате ссоры с дядей, по жалобе которого его лишили стипендии, жилья, он пришел в Главный педагогический институт, куда его взяли на казенное содержание. В институте математика и физика изучались в соединении с естественными науками. С одной стороны, Страхову повезло – его мечта изучать естественный цикл наук осуществилась, но с другой стороны – он обязан был отработать учителем. У Страхова не было выбора, но опять же, интересы его были удовлетворены даже больше того, на что он рассчитывал: в институте работала сильная группа ученых в области естествознания. Еще в институте он опубликовал первую научную работу «Решение неравенств 1-й степени». Однако после института Страхов отправился по направлению в качестве учителя. Он обязан был «вернуть долг» казне, отработав восемь лет. Он с 1851 года работает учителем физики и математики в Одесской гимназии, а с 1852 года преподает во второй петербургской гимназии естествознание. За период работы в качестве учителя он сдал магистерские экзамены и в 1857 году защитил диссертацию по зоологии «О костях запястья млекопитающих».

Достаточно вспомнить в связи с этим, что, как справедливо отметил Н.Скатов, в прошлом столетии «в журнальных полемиках сторонниками материализма выступали часто люди гуманитарного образования (Чернышевский, Добролюбов, Писарев), а в роли защитников «эстетики», идеализма вообще и религиозных воззрений в частности – естественники: Д. Аверкиев, Н. Соловьев, тот же Страхов. Впрочем, нечто подобное имеет место и в дальнейшей борьбе идеализма с материализмом и в начале XX века, и в на-

ше времени, когда некоторые выдающиеся ученые-естествоиспытатели Запада, не говоря уже о церковниках, самые достижения естественных наук пытаются истолковать в идеалистическом духе и даже в духе прямого утверждения религиозных начал» (11, с. 14-15). Сам Страхов объяснял свое увлечение желанием разобраться в ситуации. «Все существующие философские доказательства бытия божия не имеют характера доказательств в точном значении слова, все они уже предполагают то, что хотят доказать: существование в нашем духе идеи о боге», – писал он в реферате «Учение о боге по началам разума», в котором излагает Аристотеля и Лейбница, Декарта и Канта. Эта работа, – доказательство того, что до конца дней своих Страхов остался преданным религиозным догмам. Для него вера в то, что Бог есть, – бесспорная истина. Науки – от Бога для блага человека. Веря в божественное начало зарождения жизни на земле, он признавал законы естествознания, по которым живет мир. Он был активным пропагандистом естественнонаучных знаний. Он утверждал, что естественные науки полезны в практике; они удовлетворяют «потребности ума»; они питают эстетические чувства.

Страхов создает в области естествознания ряд разнообразных трудов: «Мир как целое», «Об основных понятиях физиологии и психологии». В «Журнале министерства народного просвещения» он ведет отдел «Новости естественных наук». В середине 70-х годов он рецензировал новинки в области естественной истории, являясь членом ученого комитета этого министерства.

Владея многими европейскими языками, он переводил научные статьи типа: «Введение к изучению опытной медицины» Клода Бернара, «Жизнь птиц» Брема и др.

В печати этого времени велась полемика о дарвинизме, в которой принял участие и Страхов. Он был противником дарвинизма, утверждая, что в основе этого учения – лишь механическое понимание развития, для которого «наследственность есть не наследование развития, а только передача частиц, которая может случайно измениться», – утверждает он в статье «Об основных

понятиях психологии и физиологии», написанной в 1886 году. Страхов о дарвинизме отзывается весьма скептически, отрицая его как общую теорию естествознания и теорию жизнеустройства, хотя самого Дарвина он ценил как талантливую натуралиста-практика. Он не был одинок в своем суждении. Его прямо или косвенно поддерживал Л.Н. Толстой, К. Ушинский и другие известные в России современники Страхова. Особенную остроту приобрела эта полемика между Страховым и Тимирязевым.

Страхов был всесторонне одаренным человеком, он столь многогранна его творческая палитра. Многие его статьи составили основу для книг в разных областях знаний. По этому поводу уже не раз упоминавшийся исследователь Скатов пишет: «Вообще, его книги есть, по сути, собрания статей, а не изложение некоего законченного положительного учения: это критические рассмотрения созданного другими, а не создания собственные» (11, с. 16). Некоторые исследователи высказывают не обоснованное предположение, что это обстоятельство способствовало тому, что верх в полемических столкновениях 60-х годов неизменно одерживали передовые идеи. По поводу взглядов на дарвинизм, например, Скатов в пояснении к статье о Страхове пишет о том, что эти взгляды были скорее «отчасти развитием, отчасти изложением взглядов Н.Я.Данилевского. Данилевский был очень популярен своими статьями по философии и ботанике, известно, что он какое-то время был директором знаменитого Никитского ботанического сада. Он сыграл немаловажную роль в развитии взглядов многих людей, в том числе и Страхова. Он обучался в Царскосельском лицее, увлекался социализмом, его однокашником по лицее был Петрашевский, по делу которого он привлекался, но был отпущен. Четыре года посещал вольнослушателем Петербургский университет, естественное отделение, в течение ряда лет изучал литературу по дарвинизму. Он планировал написать исследование-опровержение. Но из трех томов закончил лишь первый. Смерть помешала. Его работа «Дарвинизм. Краткое исследование» была издана благодаря усилиям Н.Н. Страхова.

Как свидетельствуют современники Страхова и он сам, он почти со всеми учеными-современниками находился в состоянии полемики. Своей дошностью и неверием в материализм он привлекал к себе многих ученых. Мы уже упоминали, что он неистово спорил с Тимирязевым, то же самое было с Менделеевым, как свидетельствовал Страхов, они спорили до ссоры», так было и с Данилевским.

Страхов выступал против того, чтобы достижения естественных наук использовались шарлатанами. Например, он отрицательно относился к увлечению спиритизмом. Само явление было весьма популярно, и над ним ломали головы не только обыватели, но и серьезные ученые, как Бутлеров-химик. Страхов писал: «Грустно было думать, что в эту цитадель науки (университет – *авт.*) закрался и укрепился в ней явный враг научных понятий» («О вечных истинах: Мой спор о спиритизме»).

Современники отмечали подчеркнуто трезвый взгляд Страхова на вещи. «Получалась довольно странная вещь, – замечает Скатов, – с одной стороны, мы явно имеем дело с религиозным человеком. Но уже религиозным писателем или религиозным мыслителем в собственном смысле Страхова назвать трудно, ибо, держа этот принцип в уме, он, по сути, никогда его не излагал прямо, не защищал, не проповедовал. Так же, будучи в целом сторонником государственной, монархической, «исторической» власти, Страхов не пропагандировал ее» (11, с. 17).

Исследователи философских воззрений Страхова тоже утверждают, что, борясь с материализмом, он не противопоставил ему никакого развитого позитивного учения, и здесь «пытаясь ограничиться «отрицательными задачами». И все же, его многие звали философом. Как свидетельствует общий список его трудов, на протяжении всей своей жизни он увлекался проблемами философии. Много переводил, как уже было сказано во вводной части данной главы, Шеллинга, Фишера, Тэна, Ланге. Осваивая чужое, Страхов критически его осмысливал. Свое восприятие философских концепций он изложил в «Философских очерках».

Критическое начато было свойственно натуре и мышлению Страхова. Увлечение философией развило эту сторону его мировосприятия.

Скатов об этом пишет: «Пройдя школу немецкой философии, прежде всего гегельянства, Страхов вынес из нее способность к четким диалектическим рассматриваниям и историзм мышления, которые, конечно, много способствовали усилению в нем критического, аналитического начала. В этой школе в большой мере сформировались и его взгляды на характер искусства, на роль художника и т.п. Именно там сложились и укрепились и его представления о великом значении разума, о могучей силе познания» (11, с. 18). Сам Страхов заметил: «Хотя меня зовут обыкновенным философом, но такие приятели, как Достоевский, Майков, - все тянули меня на критику».

Страхова нельзя обвинить в голом рационализме. Он стремился к гармонии в восприятии жизни. Как свидетельство этого - выпад Страхова против просветителей, «теоретиков», рационалистов: «Вы ведь и им вертите (земледелием – авт.) в ваших мечтах как попало. Вы вообразили, что оно совершенно в вашей власти, что стоит вздумать – и оно процветет; а если не процветет, так это оттого, что не вздумано» («Из истории литературного нигилизма». Цит. по 11, с. 18). И еще одно подтверждение – Страхов, пройдя путь рационализма и «оставаясь рационалистом», вышел, как пишет Скатов, к философии Шопенгауэра, которая его увлекла. В этом увлечении он был не одинок. Шопенгауэр своей концепцией привлекал Л. Толстого, А. Фета. Следует оговориться, что Фет полностью принимал названного философа, в то время, как Страхов (и Л.Толстой) не соглашался с пессимистической стороной этой философии. «Страшный смысл имеет в моих глазах – отрицать все твердое в нравственности», – писал он по поводу философии Шопенгауэра. Исходя из собственной, религиозной концепции мира, Страхов ее и противопоставляет пессимизму Шопенгауэра, не развивая проблему в философском плане.

Среди многих философов и деятелей этого времени Страхов выделял Герцена. В нем он видел «родственную душу». Скатов по этому поводу заме-

чает: «Скепсис и пессимизм Герцена, его борьба с Западом и вера в Россию – все это должно было привлечь и привлекло внимание Страхова и позволило ему написать много сильных и проницательных страниц о Герцене» (11, с. 19). Герцена он называл «отчаявшимся западником» и считал, что это «одно из самых крупных имен нашей литературы». Истоки пессимизма Герцена он видит в особенности личности. «По всему своему душевному строю, но своим чувствам и взгляду на вещи Герцен был от начала до конца своего поприща пессимистом, т.е. темная сторона мира открывалась ему яснее, чем светлая... Вот где ключ к разгадке литературной деятельности Герцена, вот где нужно искать ее главных достоинств и недостатков» («Борьба с западом в нашей литературе», 11, с.353).

Страхов, по определению Скатова, развел и противо-; поставил Герцена писателя-мыслителя и Герцена-пропагандиста, хотя и признавал, что «кроме русского сердца... Герцену помогал и его ум, его творческие взгляды, фейер-бахизм и социализм в той строгой глубокой форме, в какой их держался Герцен, составляет неправильную, но все-таки чрезвычайно высокую точку зрения» (там же).

Страхов называет Герцена предсказателем. Одну из глав он так и назвал «Предсказание». Он пишет: «Герцен предвидел будущую роль Бисмарка, предвидел нашествие ученых варваров на латинскую классическую Европу (Италию и Францию) и предсказал, что оно будет страшно по размерам смертоубийства и будет наказанием Франции за ее нравственное падение.

Герцен вообще мрачно смотрел на вещи: он всюду ждал беды, ждал гибель. Мы видим, однако же, что этот мрачный взгляд не происходил из одного мрачного настроения, что он содержит в себе великую долю правды: зловещие пророчества сбываются» (11, с.20).

Скатов, оценивая общие философские позиции Страхова, видит в них отражение его консерватизма. Он пишет: «Скепсис Страхова, подчас столь универсальный, что, как видим, он умел вставлять в скептическое отношение даже к самому себе, вряд ли можно рассматривать лишь как некий психологический

феномен. Здесь заявляла себя прежде всего позиция консерватора. Очень ясно проявлялась она и в собственной литературной критике» (там же).

Думается, что такая оценка крайне категорична. Скорее всего, это позиция более здравого смысла, чем это было свойственно многим его современникам. Энциклопедически образованный человек, обогащенный опосредованным опытом и знаниями о судьбе цивилизаций с их взлетами и падениями, познавший и пропустивший через свое сознание многие философские концепции, он видел то, что для других было «временем сокрыто».

Страхов как литератор, литературный критик и журналист начал в кружке братьев Достоевских. В конце 1859 года, как он сам отмечает, стал посещать вторники сослуживца А.П. Милюкова, который руководил журналом «Светоч». Он делает запись: «С первого вторника, когда я явился в этот кружок, я считал себя как будто принятым наконец в общество настоящих литераторов и очень всем интересовался. Главными гостями А.П. Милюкова оказались братья Достоевские, Федор Михайлович и Михаил Михайлович, давнишние друзья хозяина... Разговоры в кружке занимали меня чрезвычайно. Это была новая школа, которую мне довелось пройти, школа, во многом расходившаяся с теми мнениями и вкусами, которые у меня сложились. До того времени я жил тоже в кружке, но в своем, не в публичном и литературном, а совершенно частном. Тут господствовало большое поклонение науке, поэзии, музыке, Пушкину, Глинке, настроение было очень серьезное и хорошее. И тут сложились взгляды, с которыми я вступил в чисто литературный кружок. В то время я занимался зоологией и философией и поэтому, разумеется, прилежно следил за немцами, в них видел вождей просвещения... У литераторов оказалось другое... Направление кружка сложилось под влиянием французской литературы; политические и социальные вопросы были тут на первом плане и поглощали чисто художественные интересы» (11, с.21).

Мы знаем, что в этот период большую помощь Страхову-литератору и критику оказал Ф.М. Достоевский. Страхов признавался, что хотя он и имел «маленький успех в литературе и обратил на себя некоторое внимание

М.Н. Каткова и А.А. Григорьева», все-таки больше всего он обязан в этом отношении Ф.М. Достоевскому, «который с тех пор отличал» его, «постоянно одобрял и поддерживал и усерднее, чем кто-нибудь, до конца стоял за достоинство его «писаний». Именно Достоевский пригласил Страхова в учрежденный им и его братом журнал «Время», а затем «Эпоха» в качестве одного из главных сотрудников. Выйдя в 1861 году в отставку, он всецело отдается журнальной деятельности. С 1867 года Страхов был редактором журнала «Отечественные записки», через год – помощником редактора «Журнала министерства народного просвещения», а с 1869 года – редактором журнала «Заря». Как свидетельствуют документы, Страхов из «Отечественных записок» ушел после того, как А.А. Краевский передал журнал Некрасову. Журнал «Заря» был закрыт через два года. После этого Страхов журнальной деятельностью больше работать мне негде. «Русский вестник» был единственным местом, но деспотический произвол Каткова был для меня невыносим. Я решился поступить на службу и с августа 1873 года принял место библиотекаря Публичной библиотеки по юридическому отделению».

В период сотрудничества с братьями Достоевскими в их журналах достаточно определенно сложились «почвеннические» взгляды Страхова на общественное и литературное движение. Идеологами этой позиции в журнале были Ф.М. Достоевский, Ап. Григорьев и Н. Страхов.

Напомним, что почвенники призывали к сближению с народом, с «почвой», т.к. в ней суть выражения русского национального духа. Они отрицали буржуазный путь развития, противились западному буржуазному влиянию и прогрессу. Они так же враждебно относились к революционным идеям и их вождям, считая, что они несут лишь разрушение, а сам их идеал – вредный утопизм.

Задачи искусства в целом и литературы в частности рассматривались ими с позиций названных идей. Статьи Страхова этого периода и последующего времени посвящены размышлениям о месте искусства в жизни общества, о роли художника. Статьи отличались острой критичностью, хотя

позитивной программы в них не предлагалось. Наиболее острое противостояние наблюдалось со стороны «почвенников» журналу «Современник», которое позже переросло в настоящую вражду. Началось это противостояние при Добролюбове и Чернышевском, позднее в нее включились Салтыков-Щедрин и Антонович. Статьи Страхова публиковались под псевдонимом Н. Косица. «Я имел дерзость выбрать себе образцом Феофилакты Косичкина», – пишет он в «Биографии...», – так подписывал свои статьи, направленные против Булгарина, А.С. Пушкин. Эти статьи позднее Страхов объединил в книге «Из истории не занимался. Сам он об этом пишет так: «Я увидел, что работать мне негде. «Русский вестник» был единственным местом, но деспотический произвол Каткова был для меня невыносим. Я решился поступить на службу и с августа 1873 года принял место библиотекаря Публичной библиотеки по юридическому отделению».

В период сотрудничества с братьями Достоевскими в их журналах достаточно определенно сложились «почвеннические» взгляды Страхова на общественное и литературное движение. Идеологами этой позиции в журнале были Ф.М. Достоевский, Ап. Григорьев и Н. Страхов.

Напомним, что почвенники призывали к сближению с народом, с «почвой», т.к. в ней суть выражения русского национального духа. Они отрицали буржуазный путь развития, противились западному буржуазному влиянию и прогрессу. Они так же враждебно относились к революционным идеям и их вождям, считая, что они несут лишь разрушение, а сам их идеал – вредный утопизм.

Задачи искусства в целом и литературы в частности рассматривались ими с позиций названных идей. Статьи Страхова этого периода и последующего времени посвящены размышлениям о месте искусства в жизни общества, о роли художника. Статьи отличались острой критичностью, хотя позитивной программы в них не предлагалось. Наиболее острое противостояние наблюдалось со стороны «почвенников» журналу «Современник», которое позже переросло в настоящую вражду. Началось это противостояние

при Добролюбове и Чернышевском, позднее в нее включились Салтыков-Щедрин и Антонович. Статьи Страхова публиковались под псевдонимом Н.Косица. «Я имел дерзость выбрать себе образцом Феофилакта Косичкина», – пишет он в «Биографии...», – так подписывал свои статьи, направленные против Булгарина, А.С. Пушкин. Эти статьи позднее Страхов объединил в книге «Из истории литературного нигилизма. Скатов справедливо назвал ее самой непривлекательной страницей в писаниях Страхова» (11, с. 23). Уже гораздо позже Страхов писал Толстому об этих статьях в покаянных тонах: «Что же я сделал? Я стал смеяться над ними, стал вступаться за логику, за Пушкина, за историю и философию. Шутки мои едва ли многим были понятны и только покрыли мое имя позором» («Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым»).

Из литературных критиков, с которыми Страхов был близок, нужно выделить Ап. Григорьева. Именно под его влиянием он находился длительное время. Чтобы понять причины притяжения Страхова к Григорьеву, следует сказать о нем несколько слов. Ап. Григорьеву были свойственны взгляды весьма противоречивые. Например, отвергая официальную церковь, он, тем не менее, в православии видел «истинный демократизм», считал христианство религией братства и взаимопомощи, возрождение русского духа видел в купечестве. Всякую систему взглядов отвергал, считая ее насильем и принуждением, разрушающим естественный ход жизни и т.п. Он утверждал превосходство искусства над наукой. Он защищал «мысль сердечную» и боролся с «мыслью головной». Художественными произведениями он считал те, которые представляют соединение души и мысли автора, охватывают глубоко и целостно явления современной жизни, «вечные проблемы жизни, отражают «цвет и запах эпохи». Он верил в огромное воздействие искусства на массы. Свой метод он назвал органической критикой («Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства», 1858; «Несколько слов о законах и терминах органической критики», 1859) (16, т.2, с.378). Он видел в художнике проповедника высоких истин и толко-

вателя глубин человеческой жизни. Он был противником чистого искусства, не придавал значения форме произведения, считая главной ценностью его злободневность, подразумевая под ней преимущественно национальные и нравственные проблемы народной жизни. Вслед за Добролюбовым Ап. Григорьев утверждал: «Критика пишется не о произведениях, а по поводу произведений...» (там же). В то же время, будучи идеалистом, он отказывался от социальных и политических выводов.

К моменту знакомства Страхова с Ап. Григорьевым, последний несколько изменил свои позиции в критике. Он был, как упоминалось, близок к «почвенничеству». Усиливается историзм его критического метода, социальные настроения («О развитии идеи народности в нашей литературе», 1861-1862; «Стихотворения Н. Некрасова», 1862). Понимая благородство первопричин революционных настроений нигилистов, он не разделял их пафоса и стратегии, высказываясь в пользу позиции, сочетающей идеалы времени с христианством.

Именно такие стороны миропонимания Григорьева и эстетические позиции его, думается, привлекли к нему и Достоевского, и Страхова. Они не были единодушны во всем, но в главном у них было много общего - в восприятии христианства и предназначении литературы.

Страхов считал создателем русской критики именно Ап. Григорьева. Он его всячески пропагандировал и издавал. Принцип «органической критики», который разработал Григорьев, он считал ведущим в оценке искусства.

Наиболее интересными представляются статьи, посвященные анализу произведений своих современников. В них ярко отразились эстетические и этические пристрастия Страхова, его противоречивые оценки и точные замечки.

Статья Страхова о романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» признана одной из лучших. Она по оценкам романа совпала с позицией журнала «Время» в целом. Об этом свидетельствует письмо Ф.М. Достоевского Тургеневу, в котором велась речь и о романе. Известно, что письмо было утеряно, но о его содержании можно догадываться. Скатов, упоминая об этом эпизоде с

письмом, указывает на оценку Базарова Достоевским в его «Зимних заметках о летних впечатлениях», где Достоевский писал о беспокойном и тоскующем Базарове, что, по его мнению, является признаком великого сердца. Отклик Тургенева на письмо Достоевского тоже косвенно подтверждает справедливость предположения. Тургенев пишет: «Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотел выразить Базаровым, что я только руки расставлял от изумления и от удовольствия. Точно Вы в душу мне вошли и почувствовали даже то, что я не счел нужным вымолвить» (14, с.358). Известно, что роман современной ему критикой был оценен либо как карикатура на новое поколение вообще и на Добролюбова в частности (Чернышевским и Антоновичем в журнале «Современник»), либо как «апологетика» новых людей (в консервативной критике). Исключением из этого «отряда нападающих» был Писарев («Базаров», «Реалисты»). В статье Страхова главный герой романа Тургенева Базаров рассматривается с позиций, близких Достоевскому и одобренных самим автором. «Если роман Тургенева повергает читателей в недоумение, то это происходит по очень простой причине: он приводит к сознанию то, что еще не было замечено», – отмечает Страхов (11, с. 183).

Страхов увидел жизненность Базарова, его реальность как типа времени. Он - продукт органической жизни, и у него с ней драматические отношения. Страхов пишет: «Тургенев, как уже давно известно, есть писатель, усердно следящий за движением русской мысли и русской жизни. Он заинтересован этим движением необыкновенно сильно... Последняя мысль, последняя волна жизни - вот что всего более приковывало его внимание. Он представляет образец писателя, одаренного совершенной подвижностью и вместе глухою чуткостью, глубокою любовью к современной ему жизни.

Таков он и в своем новом романе. Если мы не знаем полных Базаровых в действительности, то однако же, все мы встречаем много базаровских черт, всем знакомы люди, то с одной, то с другой стороны напоминающие Базарова. Если никто не проповедует всей системы мнений Базарова, то, однако же, все слышали те же мысли поодиночке, отрывочно, несвязно, нескладно... Тур-

генов остался верен своему художественному дару: он не выдумывает, а создает, не искажает, а только освещает свои фигуры» (11, с. 184).

Как и Достоевский, Страхов отмечает трагизм Базарова. «... Базаров человек вполне живой, не фантом, не выдумка, а настоящая плоть и кровь. Он отрицается от жизни, а между тем живет глубоко и сильно... Глядя на картину романа спокойно и в некотором отдалении, мы легко заметим, что хотя Базаров головою выше других лиц... есть, однако же, что-то, что в целом стоит выше Базарова. Что же это такое? Всматриваясь внимательнее, мы найдем, что это высшее – не какие-нибудь лица, а та жизнь, которая их воодушевляет... Те, которые думают, что ради умышленного осуждения Базарова автор противопоставляет ему какое-нибудь из своих лиц, например, Павла Петровича, или Аркадия, или Одинцову – страшно ошибаются. Все эти лица ничтожны в сравнении с Базаровым. И, однако же, жизнь их, человеческий элемент их чувств – не ничтожны... Общие силы жизни – вот на что устремлено его внимание. Он показал нам, как воплощаются эти силы в Базарове, в том самом Базарове, который их отрицает... Базаров это титан, восставший против своей матери-земли; как ни велика его сила, она только свидетельствует о величине силы его породившей и питающей, но не равняется с матернею силою» (11, с.207). Утверждая жизненность и величие героя, он отталкивается от своего понимания органичности и полноты жизни.

В оценке Тургенева как автора романа Страхов опирается на свое представление о «вечном» и «абсолютном» характере искусства: «Написать роман с прогрессивным или ретроградным направлением еще вещь не трудная. Тургенев же имел притязания и дерзость создать роман, имеющий всевозможные направления... он имел в виду гордую цель – во временном указать на вечное и написал роман не прогрессивный и не ретроградный, а, так сказать, всегдашний... Если Тургенев изобразил не всех отцов и детей, или не тех отцов и детей, каких хотелось бы другим, то вообще отцов и вообще детей и отношение между этими двумя поколениями он изобразил превосходно» (11, с.206). То, что Базаров отрицает жизненные стороны чело-

веческого бытия, стоящие выше его (искусство, любовь, природу), Страхов считает трагическим моментом в жизни Базарова. Писарев усмотрел в этом непоследовательность Базарова. Страхов по этому поводу придерживается другой точки зрения: «Очевидно, что Базаров смотрит на вещи не так, как г. Писарев. Г. Писарев, по-видимому, признает искусство, а на самом деле он его отвергает, то есть не признает за ним его настоящего значения. Базаров прямо отрицает искусство, но отрицает потому, что глубже понимает его... В этом отношении герой Тургенева несравненно выше своих последователей. В мелодии Шуберта и в стихах Пушкина он ясно слышит враждебные начала; он чувствует их всеувлекающую силу и потому вооружается против них (11, с.191). Как мы видим, Страхов усмотрел в отрицании Базарова цельность и верность себе, а не противоречивость.

Тургенев сравнивал своего Базарова с Пугачевым, подчеркивая как бы в нем национальный тип, это уловили и Страхов, и Достоевский. Страхов по этому поводу замечает: «Конечно, искусство непобедимо и содержит в себе неистощимую, вечно обновляющуюся силу; тем не менее, веяние нового духа, которое обнаружилось в отрицании искусства, имеет, конечно, глубокое значение. Оно особенно понятно для нас, русских. Базаров в этом случае представляет живое воплощение одной из сторон русского духа. Мы вообще мало расположены к изящному: мы для этого слишком трезвы, слишком практичны. Сплошь и рядом можно найти между нами людей, для которых стихи и музыка кажутся чем-то или приторным или ребяческим. Восторженность и высокопарность нам не по нутру, мы больше любим простоту, едкий юмор, насмешку. А на этот счет, как видно из романа, Базаров сам великий художник...» (11, 192-193). О русском духе Базарова он развивает мысль и далее: «Весьма замечательно, что он... более русский, чем все остальные лица романа. Его речь отличается простотой, меткостью, насмешливостью и совершенно русским складом. Точно так же, между лицами романа он всех легче сближается с народом, всех лучше умеет держать себя с ним» (там же).

Был период, когда Страхов, не принимая нигилизма, все же видел в нем некоторые положительные стороны, в частности, сближение с народом. Скатов, обращая на это внимание, приводит для примера статью Страхова «Счастливые люди», в которой Страхов под этим углом зрения оценивает «новых людей» Чернышевского («Библиотека для чтения», 1865): «Роман не был бы возможен, если бы не было в действительности чего-нибудь соответствующего... Итак, эти новые люди существуют... Немецкие физиологи действительно ошиблись в своих характеристиках; есть человеческий тип, который не подходит под то, что до сих пор называлось человеком. Он явился недавно, явился на нашей земле, и, может быть, немцам и французам никогда и не видать у себя таких людей, хотя эти люди и воспитываются на немецких и французских книжках. Дело не в книжках, а в крови. Разве не слышна в этом типе частица русской силы?» (11, с.26). Известно, что статья, написанная еще в 1863 году, сразу после выхода романа «Что делать?», была остановлена цензурой, так как содержала более восторженные оценки, чем следовало, было рекомендовано приглушить восторги, смягчить «особенные похвалы романа» (8, с.209-212). Это не значит, что Страхов был единомышленником Чернышевского и его соратников в понимании счастья, но относился он к ним «в высшей степени серьезно».

Отклик Страхова на смерть Добролюбова тоже является достаточно ярким свидетельством «в высшей степени серьезного» отношения к его деятельности и поискам ответов на «вечные вопросы жизни». В некрологе, помещенном во «Времени», отразилось глубокое понимание Страховым добролюбовских статей. И хотя Страхов называет деятельность Добролюбова «отрицательной» и «односторонней» в отличие от Белинского, который был «крепко связан со всем лучшим, что росло на русской земле в его эпоху», он тем не менее признает: «Только во времена Добролюбова «Современник» был единственным журналом, которого критический отдел имел вес и который постоянно и ревниво следил за литературными явлениями» (Страхов Н. Критические статьи, т.2, Киев, 1902, с.291). Осмысливая позицию, на первый

взгляд, непоследовательную, Скатов в цитируемой нами статье справедливо, на наш взгляд, делает вывод, что «за всем этим стоит чуткое ощущение того, что статьи наших великих критиков, революционных демократов, действительно не только оценка того или иного произведения. Они – критика, но и нечто большее. Они – творчество сами по себе» (11, с.27). Действительно, статьи Белинского и Добролюбова – ценность, созидательная сила которых безотносительна того, по поводу чего они написаны. Страхов – честный критик (если он заблуждался, то его заблуждения были искренними), он умен и проницателен, потому он, увидев творческое начало у своих оппонентов, не замолчал, а сказал о нем. «Если бы он остался жив, – сказал он о Добролюбове, – мы бы многое от него услышали».

С годами отрицательно резкое отношение Страхова к нигилизму как общественному явлению возрастало. Это уже ощущалось и в статье по поводу романа «Отцы и дети», в ряде других статей. Л. Толстой вынужден был «одернуть» Страхова. В одном из писем он не сдержал своего негодования: «Я говорю, что отрицать то, что делает жизнь, значит не понимать ее. Вы повторяете, что отрицаете отрицание. Я повторяю, что отрицать отрицание значит не понимать того, во имя чего происходит отрицание. Каким образом я оказался с Вами, не могу понять».

Вы находите безобразие. И я нахожу. Но Вы находите его в том, что люди отрицают безобразие, а я в том, что есть безобразие... До сих пор уяснилось безобразие рабства, неравенства людей, и человечество освободилось от него, и теперь уясняется безобразие государственности, войн, судов, собственности, и человечество все работает, чтобы сознать и освободиться от этих обманов» (11, с.27). В ответ Страхов оправдывается: «Относительно моего нигилизма Вы правы: все мое писание имеет односторонний вид и может быть принято за брань на нигилистов. Так это многие поняли; воздерживаясь от всякого суждения о существующем порядке и не воздерживаясь от самих разных суждений о нигилизме, я непременно впадаю в адвокатские приемы, в лукавство газетчиков; да, молчать лучше, чем говорить» (там же).

Незадолго до смерти по этому поводу Страхов писал Толстому: «Нигилизм и анархизм – ведь это очень серьезные явления в сравнении с тою болтовнёю, которая составляет верх человеческого достоинства для Григоровичей и Фетов», а Розанову писал более откровенно: «Это было вообще движение, поток отрицания, захвативший почти всю литературу. Конечно, в основе лежат нравственные требования, стремление к общему благу, и в этом смысле можно сказать, что нигилисты дали литературе серьезное настроение, подняли все вопросы» (11, с.28). Соглашаясь с нравственными требованиями, Страхов не принимал отрицания устройства общества. Страхов стремился к органической гармонии жизни, ни одно движение его не удовлетворяло и ни одно он не отменял, не найдя каких-то положительных моментов или не оправдав позиций, не принимая их (как в случае с нигилистами).

Исследователи справедливо указывают на совпадение некоторых позиций Страхова со славянофилами. Их не так уж много. Основное – это безусловное неприятие Запада, его влияния. Во всем же остальном он это направление тоже подвергает критике, как и другие «почвенники». Вслед за Данилевским, известным историком, Страхов утверждал, что единой цивилизации не существует, а есть частные цивилизации, развитие отдельных культурно-исторических типов, среди них – славянство. Он соглашался с Данилевским в том, что «русский народ и русское общество во всех слоях своих способно принять и выдержать всякую дозу свободы». В этом духе он видел Россию «как самобытное явление и особый тип духовной жизни». Что касается духовного уровня России, в том числе и литературы, Страхов утверждал, что они низки, бедны. Свой очерк он так и назвал – «Бедность нашей литературы». Главная его мысль – «бедна наша литература». Раздел «Различные стороны нашей бедности» он начинает словами: «Бедна наша литература, и скудно наше умственное развитие», – и далее цитирует Гейне суть слов которого – Это старая история, однако она остается вечно новой (11, с.44, с.407). «Куда нас приведет подобное настроение, это один бог ведает. Требовательность к самому себе, недовольство собою – конечно, черты

прекрасные, подающие хорошую надежду, – пишет Страхов в статье, – ... Чувство нашей духовной несостоятельности еще не есть доказательство такой несостоятельности. Оно ведь прежде всего свидетельствует только, что мы не можем рассмотреть, состоятельны мы или нет. Может быть, мы вполне состоятельны в духовном отношении; русскому человеку хочется в это верить... Но вполне достоверно то, что мы не сознаем этой самостоятельности, и, если она есть, не умеем ни видеть ее ясно и отчетливо, ни выражать ее определенно и твердо. ...Итак, первая наша бедность есть бедность сознания нашей духовной жизни» (11, с.45). В связи с этим видением Страхов резко критически оценивает роман И.С. Тургенева «Дым» в статье, которая так и называется «Дым» («Русский вестник», 1867, март). Рассуждая о романе, Страхов концентрирует главное внимание на выразителе основной авторской идеи романа Потугине. Тургенев не отрицал того, что Потугин – один из главных выразителей авторской позиции. Потугин «нападает» на Россию, что вызывает негодование Страхова. Он пишет: «Вообще, замечания г. Потугина иногда остроумны, но в целом удивительно мелки и поверхностны и доказывают, что русская жизнь может показаться дымом только тому, кто этою русской жизнью не живет, кто не участвует ни в едином ее интересе. Темна, бедна русская жизнь - кто говорит! Но от этого русским людям, как людям живым, бывает трудно и тяжело жить, а не летят они по ветру с легкостью дыма. В самих шатаниях и увлечениях, которые, по-видимому, хочет казнить г. Тургенев своею повестью, мы очень серьезны, доводим дело до конца, часто дорого-дорого за него платимся и, следовательно, доказываем, что мы живем и хотим жить, а не несемся, куда ветер повеет... не дым все русское, ... не каприз случая вертит нами... Напротив, кто живет среди борьбы..., для кого она составляет насущную задачу, радость и горе, для того должны показаться дымом слова и рассуждения, отрицающие серьезность нашей жизни» (11, с.233).

В споре с Тургеневым Страхов в статье обращается к Глинке, о котором рассуждает в романе Потугин: «Мы, например, любим музыку Глинки; серьезный, строгий музыкальный вкус развивается в нашей публике; явля-

ются композиторы со своеобразными, неподдельными талантами; мы встречаем их с восторгом, и будущность русской музыки нам кажется несомненною. А нам говорят на это: «О, убогие дурачки-варвары, для которых не существует преемственность искусства!» То есть, как же, дескать, вы надеетесь, что у вас будет русская музыка, когда ее еще нет? Забавное рассуждение! Ведь только на то и можно надеяться, чего еще нет. Но она есть, русская музыка! Сам Созонт Иванович говорит, что Глинка чуть было не «основал русской оперы». А что, как он в действительности ее основал, и вы ошибаетесь? С каким вы длинным останетесь носом! Шутка ли – русская опера!» (11, с.226).

У самого Страхова тоже были музыкальные пристрастия. Как и в литературе, в музыкальном искусстве он не принимал одностороннего, тенденциозного отражения жизни. В опере Мусоргского «Борис Годунов» он увидел одно «обличительство», он не принял новаций в форме, в отступлениях от пушкинского текста, как отмечают исследователи, такое восприятие не было исключением, в музыкальной критике эти моменты тоже получили неоднозначные оценки. Свое отрицательное отношение к опере он выразил в статьях-письмах, адресованных Ф.М. Достоевскому, бывшему в то время редактором «Гражданина» («Борис Годунов» на сцене»). А в письме к Толстому называл оперу «чудище невообразимое».

Неприятие «обличительства» Страховым сказалось и на оценках поэзии Н. Некрасова, и на целом направлении в искусстве. Известно, что с Некрасовым полемизировали и Ап. Григорьев, и Ф.М. Достоевский. Возможно, здесь отразились отношения, связанные с противостоянием журналов. Известно, что в 1870 году Страхов опубликовал в «Заре» статью «Некрасов и Полонский». Он в ней называет поэзию некрасовского направления «направленской». Страхов судит поэзию, не анализируя ее и не вникая в суть. Больше внимание он уделяет Полонскому. Однако, говоря о Некрасове и его направлении он замечает: «Мы были бы чрезвычайно несправедливы к г. Некрасову, если бы смотрели на него как на некоторого Минаева больших

размеров, хотя так смотрит на себя сам г. Некрасов, хотя в минаевщине он поставляет всю свою славу. В г. Некрасове есть нечто большее, чего нет в г. Минаеве и во всем направлении, которому они оба служат» (11, с.32).

Следует сказать, что в оценке Некрасова Страхов неоднозначен. Это во многом объясняется попытками понять новую эстетическую систему, которую принять ни умом, ни сердцем он не мог. В журнале «Эпоха» в 1864 году Страхов написал о поэме «Мороз, Красный нос» в качестве полемики с «Русским словом», где утверждалось о невозможности найти светлые стороны в народной жизни, какими их увидела Дарья во сне перед смертью. Страхов писал: «Какая прелесть! Эти стихи выписываешь с наслаждением. Какая верность, яркость и простота в каждой черте». И здесь же читаем: «... несмотря на струи истинной поэзии, в целом поэма представляет странную уродливость ... зачем юмористическое название в этой печальной идиллии? К чему тут красный нос?» Ухо меломана Страхова, – пишет по этому поводу Скатов, – не слышит Мусоргского. Ухо знатока поэзии Страхова «не слышит драматического контрапункта в поэтическом слове Некрасова».

Смерть Некрасова отозвалась в сердцах многих, в том числе и Достоевского, и Страхова. Достоевский, например, вспоминает, что он взял три тома Некрасова и прочитал, начиная с первой страницы: «Всю эту ночь я перечел чуть ли не две трети всего, что написал Некрасов, и буквально в первый раз дал себе отчет, как много Некрасов как поэт занимал места в моей жизни! Как поэт, конечно» (7, с.482). В это же время Страхов пишет Толстому: «А Некрасов умирает – вы знаете? Меня это очень волнует. Когда он звал к себе обедать (в связи с переговорами о возможности напечатания в «Отечественных записках» «Анны Карениной» – авт.), я не пошел, но на похороны пойду. Его стихи стали для меня иначе звучать – какая сила...».

Статьи Страхова свидетельствуют, что отношение к Некрасову - не случайность, они отражают общую идейно-этическую позицию по отношению ко многим другим явлениям искусства и литературы, в которых он усматривал новые тенденции. Особенно язвительные оценки получил

М.Е. Салтыков-Щедрин. Щедрин был его главным оппонентом в литературно-журнальных битвах. Страхов не отрицает талантливости сатирика, но в статьях изображает, как справедливо отмечает Скатов, «явно окарикатуренный образ великого сатирика» («Взгляд на текущую литературу», 1883) (И, с.384-406).

Особое место в литературно-критическом наследии Н.Н. Стрехова занимают статьи о Пушкине, которые были объединены в книгу «Заметки о Пушкине и других поэтах».

В статье «Бедность нашей литературы», где Страхов рефреном повторяет мысль – «бедна наша литература», он добавляет – «но у нас есть Пушкин» (11, с.51).

Как свидетельствуют исследователи, Страхов сказал о Пушкине мало нового. В основном он повторил идеи статей Ап. Григорьева и наиболее существенные моменты статей Белинского. Но, как верно отметил Скатов, «особую силу этим статьям придавало то обстоятельство, что первые из них рождались в обстановке, когда имя Пушкина вызывало равнодушие, а иногда даже подвергалось прямым нападкам, например, со стороны «Русского слова», прежде всего Писарева» (11, с.33).

Страхов с негодованием отвергал все нападки на великого поэта. В его понимании Пушкин – начало всех начал. И о чем бы ни возникал спор – о сути русской жизни, ее потенциальных возможностях, о русской литературе и ее перспективах – щитом и знаменем для Стрехова был Пушкин. Он глубоко был убежден, что «все пошло» от Пушкина. «Он первый оставил возвышенные сферы..., первый принялся за жанр, за пестрый сор фламандской школы... В величайшем нашем писателе сказалась вдруг потребность какого-то отрезвления, и с тех пор она царит в нашей литературе... Из нее объясняется прозаически-юношеский стих Некрасова, напряженный анализ гр. Л. Толстого, симпатия к слабым натурам Ф.Достоевского, постоянная несостоятельность героев Тургенева, обнаженный реализм Писемского, из нее же следует объяснять поэтическое воспроизведение известного быта в драмах Островского» (11, с.57).

Не жалея сарказма, он использует резкие слова в адрес тех, кто стремится принизить значимость пушкинского вклада в историю искусства:

«Есть нечто безумное... есть нечто поразительно безумное во многих суждениях и толкованиях, которым подвергался Пушкин... Прежде всего вас поражает безмерная диспропорция между предметом этих суждений и силами и приемами судящих. С одной стороны, вы видите явление громадное, глубокое, ширящееся в бесконечность... с другой стороны, вы видите людей с микроскопически-узкими и слепыми взглядами, с невероятно короткими мерками и циркулярами, предназначенными для измерения и оценки великого явления... В наш много умный век непонимание великого часто также идет за признак ума; между тем, в сущности, не составляет ли это непонимание разительного доказательства умственной слабости» (11, с. 142).

В статьях о Пушкине у Страхова нет отрицания, коим переполнены в основном все его статьи о литературе и литераторах. На нападки славянофилов на Пушкина, обвинявших его в западничестве, критик отвечает: «... Никому, впрочем не тайна холодность наших славянофилов к нашему Пушкину. Она заявляется издавна и постоянно... Дорожа пониманием основных черт ее (русской жизни – авт.) духа, они равнодушно, без боли отбрасывают родное явление, мешающее этому пониманию, разрушающее, как резкое исключение, их свято уважаемую теорию» (11, с.133). Чем напористее были нападки на Пушкина, тем убедительнее звучали статьи Страхова в борьбе за него. Известно, что позже он с восхищением и восторгом воспринял речь Достоевского о Пушкине. Для Страхова Пушкин, помимо всех достоинств, о которых он говорил, был олицетворением русского национального характера, живой символ русской жизни. В статьях он – проповедник Пушкина – «главного сокровища нашей литературы». В Пушкине критик находил то, что не видел у других. Пушкин был для него полностью приемлем. «Пушкин был поэт, поэт в самом высоком значении, какое может иметь это слово, – утверждает Страхов, – ... его судили глупцы, толпа отвечала на его речи холодным смехом. Ничем не мог он победить холодности

толпы, ничем не мог изменить мнения глупцов. Поэтому и в «Памятнике» он гордо успокаивает себя: «И не оспаривай глупца»... он никак не мог смотреть хладнокровно, равнодушно на «тупую чернь» (11, с.136).

О Пушкине как начале всех начал он пишет: «Мы находим теперь, что, несмотря на множество, по-видимому, новых путей, которыми шла с тех пор русская литература, эти пути были только продолжением дорог, уже начатых или совершенно пробитых Пушкиным».

Анализируя творчество Л.Н.Толстого, Страхов проводит мысль о том, что в литературе второй половины XIX века (в новой литературе – *авт.*) Толстой стал «тем же явлением», что Пушкин в прошлом. Скатов утверждает, что причины, влекущие к Толстому Страхова, те же, что и вовлечения к Пушкину. О своем «жгучем интересе взаимного ауканья» Страхов признавался Л.Толстому в одном из писем (10, с.305).

С точки зрения Страхова, Толстой был после Пушкина новым подтверждением потенциальных могучих сил и возможностей России. Тонкий знаток литературы и сложных путей ее развития, Страхов увидел и понял глубинные закономерности движения в художественном мире Толстого. Ему был понятен и доступен главный смысл толстовского творчества, который он выразил в статье о романе «Война и мир». «Вера в жизнь – признание за жизнью большего смысла, чем тот, какой способен уловить наш разум, – разлита по всему произведению графа Л.Н. Толстого; и можно было бы сказать, что на эту тему написано все это произведение... Таинственная глубина жизни – вот мысль «Войны и мира» (11, с. 36). С точки зрения теории «органической критики» это утверждение Страхова – лишь подтверждение хода мыслей его о романе.

Статьи посвящены всему творчеству, но наиболее детальные – роману «Война и мир». Во многих других статьях и заметках Страхов также достаточно часто обращается к своему кумиру. Он был убежден, что именно он открыл Толстого, так как о нем все забыли (11, с.262). Скатов, оговаривая этот факт, напоминает, что в 50-х годах на Толстого обратил внимание

Н.Г. Чернышевский, который написал цикл статей о нем. Он писал, что те, кто понимает искусство, увидели «в графе Толстом настоящего художника, то есть поэта с замечательным талантом...». Чернышевский предсказал ему прекрасное будущее (15, с.140). По этому поводу были слышны замечания в адрес Страхова, в которых упрекали его в «высокомерной несправедливости». Все сказанное не снижает роли Страхова в творческой судьбе Толстого, особенно позднее, от «Войны и мира». Честь открытия и утверждения в критике этого Толстого во многом действительно осталась за ним», – подтверждает Н. Скатов. Сам Страхов называл свои статьи критической поэмой в четырех песнях.

Главная мысль статей, получившая детальное аргументированное развитие, сводится к следующему: «Война и мир» есть также превосходный пробный камень всякого критического и эстетического понимания, а вместе и жестокий камень преткновения для всякой глупости и всякого нахальства. Кажется, легко понять, что не «Войну и мир» будут ценить по вашим словам и мнениям, а вас будут судить по тому, что вы скажите о «Войне и мире», – пишет Страхов в предисловии к книжке статей о романе.

Знакомство Страхова с Толстым состоялось вначале через переписку. Переписка за четверть века между этими талантливыми людьми прошлой эпохи – кладезь познания жизни и образа мыслей творческой интеллигенции этого периода. Известно, что Страхов написал Толстому письмо с приглашением принять участие в журнале «Заря». Толстой, в свою очередь, пригласил Страхова посетить его в Ясной Поляне. В 1871 году летом они встретились в доме Толстого, и с того времени критик был частым гостем, оказывал содействие в издательских делах, сопровождал его в поездках.

Толстому нравились многие суждения Страхова, он ценил его умение тонко и глубоко проникать в суть вещей. Образ мыслей этих двух людей во многом совпадал. В одном из писем (25 марта 1873 г.) Толстой пишет о своем намерении издать собрание своих сочинений с включением романа «Война и мир» в состав собрания и обращается с просьбой: «Еще просьба – я на-

чал готовить «Войну и мир» ко второму изданию и вымарывать лишнее – что надо совсем вымарать, что надо вынести, напечатать отдельно. Дайте мне совет... если Вы помните, что нехорошо, напомните... Если бы, вспомнив то, что надо изменить, изменить и рассуждения со страницы такой-то по странице такую-то выкинуть, Вы бы очень, очень обязали меня».

Страхов бережно относился к творениям Толстого. Он не разрушал ни строя, ни стиля. Его правки ограничивались рамками грамматических искажений.

В этом же году (в ноябре 1873) Толстой еще раз подтверждает свое доверие и предрасположенность к критику: «В ваших... критических трудах я нахожу... опыт силы выразить ясно, кратко, точно самые сложные выводы и сочетания мысли. И в этом вы такой мастер, какого я никогда не видел...», – пишет Толстой.

Сближал этих людей и глубокий интерес к этическим проблемам. Об этом они много пишут друг другу. И эта общность ясно видна в статьях критика. Одно из главных достоинств в творчестве Толстого Страхов видит в устремленности ко всему «простому и доброму», в умении видеть жизнь «во всей ее полноте и цельности», в упорном поиске истинной жизни «среди всякого рода фальшивых явлений» (5, с.89).

Доверие и взаимопонимание сквозит во всех моментах отношений критика и писателя. Известен факт – Толстой послал в «Отечественные записки» статью «О народном образовании», он в письме-сопровождении к Н.А. Некрасову (30 августа 1874 г.) обращается с просьбой: «... очень прошу Вас корректуры ее приказать пересылать Николаю Николаевичу Страхову, (Публичная библиотека) и всякое изменение, сделанное им, принимать как бы мое».

В статьях Страхова о Толстом явно просматривается его учение «об идейно-нравственных потенциях искусства», его вера в огромную возможность влияния его на общество. С этой точки зрения Толстой, в понимании Страхова, был учителем «практического христианства, нравственности». Страхов отмечает самобытность «проповедей христианства» Толстого, «об-

личение всякой фальши, всякой душевной нечистоты, постоянное поклонение перед простотой, добром и правдой» (5, с.90). Сам Страхов жил по этим принципам, и они ему были особо дороги и понятны. Страхов видит в Толстом выразителя социально-этических устремлений патриархального крестьянства. На этой почве у писателя и критика имелись и разногласия. Они были связаны с консервативными взглядами Страхова на данную проблему, желанием незыблемости патриархальных устоев, в то время как Толстой выступал против казенной церкви, против старых форм и распорядков землевладения. Между ними вспыхивали споры, довольно резкие выпады, свидетельствующие о демократических тенденциях в поведении и образе мыслей Толстого. Переписка к середине 90-х годов стала реже, но продолжалась до 1896 года, когда Страхов умер.

Толстой понимал ценность статей Страхова по его творчеству. Мы видим, что критик установил прямую связь между творчеством Пушкина и Толстого («Капитанская дочка» – «Война и мир»), определил различие между творчеством писателя до романа «Война и мир» и романом; он первый раскрыл смысл романа как русской героической эпопеи (см., Н. Скатов, И, с.37). Он писал, что Толстой дал новую «формулу героической эпопеи», в ней – уяснение русского идеала – духа простоты, добра и правды, которые наблюдались только у Пушкина. С этих позиций он оценивает Платона Каратаева. Именно с ним связаны размышления о духе добра и простоты, представление Пьера о народном характере войны вообще и о русском солдате в частности: «В лице Каратаева Пьер видел то, что русский народ мыслит и чувствует при самых крайних бедствиях, какая великая вера живет в его простых сердцах». «Смирный героизм», как называл его Страхов, свойственен не только Каратаеву, но и Кутузову, и Коновницину, и Тушину, и Дохтурову. К «дейтельному» героизму он причисляет поведение Ермолова, Милорадовича, Долохова, он видит его и во французах. Страхов пишет: «Вообще говоря, невозможно отрицать, чтобы... русский народ не порождал людей, дающих простор своим личным взглядам и силам...» (11, с.330).

По мнению Страхова, Толстой выразил мысль о народной ценности - духе его: «Мы сильны всем народом, сильны тою силою, которая живет в самых простых и смиренных личностях, – вот что хотел сказать гр. Л.Н. Толстой, и он совершенно прав... Если вопрос идет о силе, то он решается тем, на какой стороне победа, но простота, добро и правда нам милы и дороги сами по себе, все равно, победят они или нет... Огромная картина гр. Л.Н. Толстого есть достойное изображение русского народа. Это – действительно неслыханное явление - эпопея в современных формах искусства» (11, с.274).

В статьях Страхова нет пессимистических настроений, свойственных другим статьям, где рефреном была мысль о бедности русской литературы. Он пишет с гордостью и убеждением, что литература наша не бедна: «Если теперь иностранцы спросят о нашей литературе... мы прямо укажем на «Войну и мир», как на зрелый плод нашего литературного движения, как на произведение, перед которым мы сами преклоняемся, которое для нас дорого и важно не за неимением лучших, а потому что оно принадлежит к самым великим, самым лучшим созданиям поэзии, какие мы только и можем вообразить... Западные литераторы в настоящее время не представляют ничего равного и даже ничего близко подходящего к тому, чем мы теперь обладаем» (11, с.351).

Еще когда Страхов прочитал роман, он пророчески сказал, что он станет «настойной книгой каждого образованного русского, классическим чтением наших детей» (11, с.352). Спустя семнадцать лет он пишет Толстому, что его роман давно живет самостоятельной, отстраненной от автора жизнью, он – явление, общение с которым может быть поучительно и самому автору: «Если Вы давно не читали «Войны и мира», – говорит Страхов, – то убедительно прошу и советую Вам – перечтите внимательно... Несравненная книга! До сих пор я не умел ценить ее как следует, да и Вы не умеете – так мне кажется».

Соединение двух сторон, притягивающих Страхова к Толстому – гениальность творчества со всеми особенностями, о которых мы сказали, и могу-

чая цельная личность самого писателя – сохранили их отношения до конца дней Страхова. Он признавался: «Я давно называл Вас самым цельным и последовательным писателем, но Вы сверх того самый цельный и последовательный человек... Вы растянулись умом и сердцем во всю ширину земной жизни». – И ответные признания Толстого: «Я так дорожу вами»...; «... Я вас очень люблю...», «... давно скучаю по известиям о вас...».

Как мы видим, жизнь и деятельность Н.Н. Страхова «вместила в себя дела и события имевшие непреходящее значение для всех, кому дороги русская культура и русская классическая литература». Его судьба не менее интересно переплелась с еще одним великим русским писателем – Федором Михайловичем Достоевским. Знакомство состоялось, когда Достоевские, как уже упоминалось, начали издавать в начале 60-х годов журнал «Время». Имя Страхова было известно в интеллигентных кругах, его публикации имели успех, что и привлекло Достоевских к нему. Позднее они сблизились, сдружились. Периодами их отношения приобретали неровный характер. И все же хотелось бы выделить главное в этих отношениях, что являлось цементирующим началом в их взаимоуважении. Оно отразилось в письме Ф.М. Достоевского к Страхову: «Вы один из людей, наисильнейше отразившийся в моей жизни, и я вас искренне люблю и вам сочувствую» (1, с.336). Н. Страхов в свою очередь отмечает: «Разговоры наши были бесконечны, и это были лучшие разговоры, какие мне доставались на долю в жизни. Самое главное, что меня пленяло и даже поражало в нем, был его необыкновенный ум, быстрота, с которой он схватывал всякую мысль по одному слову и намеку. В этой легкости понимания заключается великая прелесть разговора, когда можно вольно отдаваться течению мыслей, когда нет нужды настаивать и объяснять, когда на вопрос сейчас получается ответ, выражения делаются прямо против центральной мысли, согласие дается на то, что его просишь, и нет никаких недоумений и неясностей. Так мне представляются тогдашние бесконечные разговоры, составившие для меня и большую радость и гордость» (5, с.83). Известен факт, что Достоевский при-

гласил Страхова на свою свадьбу с Анной Гавриловной Сниткиной в качестве свидетеля со стороны жениха. Это было 15 февраля 1867 года. И еще один показательный факт особой приязни Достоевского к Страхову: после изнуряющих припадков Достоевский впадал в состояние глубокой и тяжелой депрессии, он не мог общаться с близкими людьми, родными – они его тяготили. Более спокойно он чувствовал себя в обществе Страхова. Биографы Достоевского, да и сам он, сообщают, что они часто совершали совместные прогулки, проводя их в интересных беседах. Они вместе провели время во Флоренции, куда Страхов был приглашен Достоевским. Они не наскучивали друг другу. Страхов вспоминает о восприятии Достоевским зарубежной жизни: «Все его внимание было устремлено на людей, он охватывал их природу и характеры, как они проявляются в уличной жизни и в общественных местах...» (5, с.84). Скатов, говоря об отношении Страхова и Достоевского, которые сложились задолго до знакомства критика с Л.Толстым, предполагает, что Толстой невольно «определил дополнительную сложность отношений Страхова с Достоевским». Объясняет он это тем, что Страхов «со всем энтузиазмом воспринял позднейшие религиозные искания Толстого» и душой тянулся больше к Толстому (Речь идет о 80-90-х годах). Страхову было проще с Толстым, что нельзя было сказать о дружбе с Достоевским. Есть разные предположения на этот счет. Одни говорят, что это объясняется ревностью Достоевского к дружбе Страхова с Толстым, другие объясняют отсутствием между ними предельной доверительности, хотя они дружили не только на почве общего дела, но и семейно. Несмотря на шероховатости и недоразумения, в основном многолетняя дружба была основана на взаимопонимании и взаимоуважении. Они дорожили друг другом, умея возвыситься над минутными слабостями и мелочами жизни: «... чувство ужасной... пустоты не оставляет меня с той минуты, как я узнал о смерти Достоевского. Как будто провалились пол-Петербурга или вымерло пол-литературы. Хоть мы не ладили все последнее время, но я почувствовал, какое значение он для меня имел», – признается Страхов (10, с. 310). Не ладили они по многим причинам. Страхов

не принимал некоторые стороны самого образа жизни Достоевского. Об этом есть свидетельства – письма Толстому. Но это интимное признание не было опубликовано. Хотя, по словам исследователей, обвинения в адрес писателя были «очень злые... и несправедливые, даже страшные». Как указывает Скатов, письмо увидели в печати уже после смерти Страхова (он умер в 1896 году) в 1913 году. Анна Григорьевна, сопоставив «Воспоминания» критика о Достоевском и письмо, назвала его лицемером. Биографы Страхова предполагают, что если бы Достоевская знала, что и ее муж в свое время обвинял Страхова в тех же грехах, то «была бы сдержаннее». Скатов, видимо, не без основания, предполагает более сложные обстоятельства в этом деле, а обвинения в адрес Страхова не совсем справедливыми. Он считает, что Страхов, высказываясь о Достоевском публично, оценивал в его фигуре главное, чем он дорог людям, его заслуги. Он старался «повернуть» писателя лучшей стороной и к себе, и к читателю, тем более, что Достоевский сделал для самоутверждения критика немало, особенно в начале его деятельности в роли критика. Страхов это всегда помнил. Он писал Толстому: «Достоевский был мой усердный читатель, очень тонко все понимал» (10, с.273). Да и Анна Григорьевна Достоевская, свидетельствовала, как дорожил ее муж беседами со Страховым (3, с. 319). Но в частном письме Достоевский пишет: «Это скверный семинарист и больше ничего», а в «тетради для себя» записывает: «Н.Н. в статьях своих говорил обиняком, по поводу, кружил кругом, не касаясь сердцевины. Литературная карьера дала ему 4-х читателей, я думаю, не больше, и жажду славы». А к Страхову – «В конце концов, я считаю Вас за единственного представителя нашей теперешней критики, которому принадлежит будущее» (2, т. 3, с. 166-167).

Как справедливо заметил Скатов, в «Воспоминаниях» Страхов не лгал, а возобновил «некоторые из лучших чувств», «намекал на литературную сторону...». В письме к Толстому он говорил: «Лично о Достоевском, я старался только выставить его достоинства, но качеств, которых у него не было, я ему не приписывал» (10, с. 310). В письме он называет Достоевского злым,

завистливым, развратным, однако тут же замечает: «Но пусть эта правда погибнет. И добавляет: «Я прибрал Достоевского, а сам, верно, хуже». В то же время и в «Воспоминаниях», и в письмах он подчеркивает невосполнимость утраты после смерти друга.

Исследователь А.С. Долинин пишет: «Взгляды Достоевского – действительно «наполовину взгляды», высказанные ранним Страховым... Все эти мысли, если взять их изолированно, конечно, в высшей степени не оригинальны: любой «батюшка» произносил подобные речи с церковного амвона не один раз... В «Дневнике писателя», в особенности в «Поучении старца Зосимы», он повторяет их почти дословно» (11, с. 41).

Гуральник оспаривает Долинина, утверждая, что «великий художник-гуманист в тех же «Записках из подполья» ведет внутреннюю полемику и со страховской «рецептурой» переустройства мира на «идеалистических» началах. Страхову, напротив, все ясно, трудных проблем для него в сущности, не существует, ему как бы заранее известны все возможные решения» (1, с. 142). Позиция Достоевского, особенно в «Братьях Карамазовых», ему кажется неопределенной. Сам же Достоевский объяснял это тем, что он, по его словам, проходил через испытания, через сомнения и к принципу религии, и к Богу, в то время как ни Толстой, ни Страхов этого принципа под сомнение не ставили. Это и отталкивало, по мнению Н. Скатова, Страхова и Достоевского друг от друга. Страхов, говорит Скатов, спорил и с Толстым, но это был спор единомышленников (11, с. 41).

Следует сказать, что Толстой не всегда соглашался с оценками Страхова по отношению к творчеству Достоевского. Он, как и Страхов, признавал огромный талант Достоевского, но считал, что критик преувеличивает роль его как пророка. Скатов, размышляя над этими фактами, приводит письмо Толстого Страхову: «Мне кажется, вы были жертвою ложного, фальшивого отношения к Достоевскому, не вами, но всеми – преувеличения его значения и преувеличения по шаблону, возведения в пророки и святого, – человека, умершего в самом горячем процессе внутренней борьбы добра и зла. Он тро-

гателен, интересен, но поставить на памятник в поучение потомству нельзя человека, который был борьба» (11, с.41-42).

Достоевский, при всем сказанном о нем, был более великодушен к талантам, его окружающим. Он писал Страхову: «Кстати, заметили Вы один факт в нашей русской критике? Каждый замечательный критик наш (Белинский, Григорьев) выходил на поприще непременно как бы опираясь на какого-нибудь передового писателя, т.е. как бы посвящал всю свою карьеру разъяснению этого писателя ... Белинский заявил себя ведь не пересмотром литературы и имен, даже не статью о Пушкине, а именно опираясь на Гоголя, которому он поклонялся еще в юности».

Григорьев вышел, разъясняя Островского и сражаясь за него. У вас бесконечная непосредственная симпатия ко Льву Толстому с тех самых пор, как я вас знаю. Правда, прочтя статью Вашу в «Заре», я первым впечатлением моим ощутил, что она необходима и Вам, чтоб по возможности высказаться, иначе и нельзя было начать как с Льва Толстого, т.е. его последнего сочинения» (2, т.2, с. 166-167). Но Страхов оставил немалый след в критике и воспоминаниях и о Достоевском: опубликована переписка критика и писателя; написаны «Воспоминания», которые являются ценным документом и по сей день; он дал комментарий к биографии; оставил статьи-исследования по произведениям великого писателя.

Статья Страхова о романе Достоевского «Преступление и наказание», вышедшая в 1867 году в журнале «Отечественные записки», признана была одной из лучших. Она носила полемический характер, так как роман вызвал бурю разноречивых и очень эмоциональных статей представителей разных школ и воззрений. Демократическая критика обвиняла Достоевского в клевете на передовую молодежь, в непонимании ситуации, в реакционности и т.п. Страхов пишет: «... г. Достоевский написал нам историю некоторого сумасшествия. ... Нельзя думать, что он хотел опозорить молодое поколение своим Роскольниковым... автор взял натуру более глубокую, приписал ей более глубокое уклонение от жизни, чем другие писатели, касавшиеся ниги-

лизма. Цель его была – изобразить страдания, которые терпит живой человек, дойдя до такого разрыва с жизнью. Совершенно ясно, что автор изображает своего героя с полным состраданием к нему. Это не смех над молодым поколением, не укоры и обвинения, это – плач над ним» (11, с. 101).

Понимание героя и оценка его поступка у Страхова в главном – Раскольников личность трагическая, он – жертва обстоятельств, которые способствовали развитию в его сознании страшной по своей сути теории. Критик пишет: «Несчастный убийца-теоретик, этот честный убийца, если можно только сопоставить эти два слова, выходит тысячекратно несчастнее простых убийц. Ему было бы несравненно легче, если бы он совершил убийство из гнева, из мщения, из ревности, из корысти, из каких хотите житейских побуждений, но не из теории» (там же).

Страхову импонировала идея развенчивания нигилизма, разрушающего, по его мнению, явления русской действительности, калечащего сознание и души. Страхов пишет: «Он (Достоевский – авт.) изобразил нам нигилизм не как жалкое и дикое явление, а в трагическом виде, как искажение души, сопровождаемое жестоким страданием. По своему всегдашнему обычаю, он представил нам человека в самом убийце, как умел отыскать людей и во всех блудницах, пьяницах и других жалких лицах, которыми обставил своего героя» (11, с.102).

Эта мысль Страхова найдет подтверждение позднее в суждении самого писателя, который видел свою задачу в том, чтобы «при полном реализме найти в человеке человека. Это русская черта, по преимуществу...» (11, с.413).

Страхов заступает за Достоевского, обвиняемого в клевете на все молодое поколение нигилистов. Он пишет: «... черта, которую взял г. Достоевский, изображена им вполне верно. Читая роман, вы чувствуете, что преступление Раскольникова есть явление необычайно редкое, есть случай в высокой степени характеристический, но исключительный, совершенно выходящий из ряду вон» (11, с. 104). Страхов считает, что Раскольников - это видоизменившийся тип тургеневского Базарова. «Раскольников... не на-

столько своеобразен... это не есть тип нигилистический, но видоизменение того типа настоящего нигилиста, который всем более или менее знаком и который всех раньше и всех легче был угадан Тургеневым в его Базарове» (11, с. 10). По мнению критика, главная часть романа – это те мотивы «особенной тоски», «от нее веяло чем-то постоянным, вечным, предчувствовались безысходные годы этой холодной, мертвящей тоски, предчувствовалась какая-то вечность на «аршине пространства», – цитирует он роман. Главное – не преступление, а память о нем и чувства. Центральная часть романа, по мнению критика, – это изображение страха, душевной боли, пробуждение совести. Сцена сознания – это лучшая сцена романа.

По толкованию Страхова, заслуга писателя в том, что он изобразил в Раскольникове истинно русского человека. «Раскольников, – пишет Страхов, – есть истинно русский человек именно в том, что дошел до конца, до края дороги, на которую его завел заблудший ум. Эта черта русских людей, черта чрезвычайной серьезности, как бы религиозности, с которою они предаются своим идеям, есть причина многих наших бед. Мы любим отдаваться целно, без уступок, без остановок на полдороге; мы не хитрим и не лукавим сами с собою, а потому и не терпим мировых сделок между своею мыслью и действительностью. Можно надеяться, что это драгоценное, великое свойство русской души когда-нибудь проявится в истинно прекрасных делах и характерах. Теперь же, при нравственной смуте, господствующей в одних частях нашего общества, при пустоте, господствующей в других, наше свойство доходить во всем до краю – или иначе портит жизнь и даже губит людей», – пророчески завершает Страхов статью о романе. Достоевский, по его мысли, показал нам «одно из самых печальных и характеристических явлений такой гибели. Это роман-исследование, роман-предупреждение, роман-сострадание.

Все сказанное о Страхове даже в таком общем обзорном варианте свидетельствует о том, что он занял значительное и достаточно прочное и заслуженное место в развитии русской литературы и культуры в целом.

Материал, предложенный в данном разделе, может быть использован учителем словесником при изучении многих тем, связанных с творческой судьбой

русских писателей – А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого – в уроке, во внеклассных беседах, на факультативе по литературному краеведению. Он дает возможность сопоставить оценки одних и тех явлений с разных литературно-критических позиций. Например, в разговоре о романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» есть возможность увидеть его глазами Белинского, Писарева, Достоевского, Страхова и др. Рассматривая историю создания и проблематику романа Л. Толстого «Война и мир», использовать «связь времен» и тенденций в развитии искусства, данную Страховым («Капитанская дочка» – «Война и мир»). Немало места может занять личность Страхова на уроках по биографии Л.Толстого, но и: Пушкин в оценке Страхова; Страхов и Достоевский; Тургенев и его роман «Отцы и дети» в оценках русских критиков (Писарев, Страхов) и т.д.

Литература

1. Гуральник У. Н.Н. Страхов – литературный критик. – Вопросы литературы, 1972, № 7.
2. Достоевский Ф.М. Письма. – М.; Л., 1928-1959.
3. Достоевская А.Г. Воспоминания. – М., 1971.
4. Литературное наследство. – М, 1971.
5. Литературная Белгородчина. – Воронеж, 1979.
6. Некрасов Н.А. Поли. Собр. Соч. и писем: В 12 т. – М., 1952.
7. Некрасов в воспоминаниях современников. – М., 1971.
8. Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М.Достоевских «Эпоха», 1864-1865. – М., 1975.
9. Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1976. М., 1977, с.134-141.
10. Переписка Л.Н.Толстого с Н.Н. Страховым. – СПб, 1914.
11. Страхов Н.Н. Литературная критика. – М., 1984.
12. Толстой Л.Н. Собр. Соч. В 20-ти т. – М., 1965.
13. Толстая С.А. Дневники: В 2-х т. – Т.2.– М., 1976.
14. Тургенев И.С. Полное Собр. Соч. и писем: В 28 т. Письма. – М.; Л., 1962, т. 4.
15. Чернышевский Н.Г. Письма без адреса. – М., 1979.
16. Краткая литературная энциклопедия. – М. – 1972. – Т.7. – С.213-214.

ПРИЛОЖЕНИЕ
ОТРЫВКИ ИЗ СТАТЕЙ Н.Н. СТРАХОВА

Заметки о Пушкине и других поэтах

«С именем Пушкина неразлучно связано какое-то очарование. Есть такие чарующие имена в истории человечества, имена, о которых можно повторить выражение «Песня песней»:

Скажу имя твое – пролитой аромат!¹

«Каждое слово Пушкина есть слово очарованное уже потому, что оно - Пушкина».

«Пушкин был поэт, поэт в самом высоком значении, какое может иметь это слово. Вот та точка зрения, с которой одной можно понять его и с которой ... объясняются все ... обиды, которых он столько перенес при жизни...»

Таинственный певец, как называет, очевидно, самого себя Пушкин в стихотворении «Арион», очень живо чувствовал свою загадочную судьбу; в своих произведениях он оставил нам множество указаний, из которых видно, как тяжела была его судьба».

«... сознание своего важного значения не покидало Пушкина до конца...»

«Пушкин ... умер рано, умер жертвою **своих** отношений к окружавшим его людям; но он успел сохранить нам в себе великого поэта».

«Имя Пушкина растет. Уже при **самом своем** появлении оно производило на людей какое-то магическое действие...» «... всякий, желающий говорить о Пушкине, должен, нам кажется, начать с извинения перед читателями, что он берется в том или в другом отношении измерять эту неисчерпаемую глубину».

¹ Из стихотворения Л.А. Мея «Поцелуй же меня, выпей душу до дна...».

«У нас нет писателя такого обильного словами и оборотами, как Пушкин. В этом и заключается истинное мастерство языка».

«Дух и склад народной поэзии уловлен так, что сомневаешься, действительно ли это сочинено Пушкиным, а не подслушано у народа».

«Если сравнить Пушкина с современными ему поэтами Баратынским, Дельвигом, Языковым и т.д., то при всем внешнем сходстве окажется та разница, что у Пушкина форма была лишь орудием для выражения чувства и мысли, а у них наоборот, форма часто занимает первое место, беспрестанно слышится, что забота о красоте стиха и выражения перевешивает заботу о содержании».

«Поэтическая сила Пушкина была так велика, так истинна, что прямота и правдивость была для него самым естественным делом».

«... с такой душой, какая была у Пушкина, он должен был много страдать».

«Дорого поплатился Пушкин за тонкость своих чувств, за бесподобную красоту своих душевных движений. Истинной чувствительности в нем было во сто раз больше, чем в Карамзине и Жуковском...».

И.С. Тургенев. **Отцы и дети**

«... роман Тургенева повергает читателей в недоумение, ... это происходит по очень простой причине: он приводит к сознанию то, что еще не было замечено».

«Он (Тургенев – *авт.*) представляет образец писателя, одаренного совершенной подвижностью и вместе чуткостью, глубокою любовью к современной ему жизни».

«Тургенев остался верен своему художественному дару: он не выдумывает, а создает, не искажает, а только освещает свои фигуры».

«Базаров прямо отрицает искусство, ... потому что глубже (чем Писарев – *авт.*) понимает его ... читать Пушкина не все равно, что пить водку».

«Живой цельный человек схвачен автором в каждом действии, в каждом движении Базарова».

«Он (Тургенев – *авт.*) изобразил жизнь под мертвящим влиянием теории; он дал нам живого человека, хотя этот человек, по-видимому, сам себя без остатка воплотил в отвлеченную формулу».

«... мы легко заметили, что хотя Базаров головою выше других лиц, хотя он величественно проходит по сцене, торжественный, поклоняемый, уважаемый, любимый и оплакиваемый, есть, однако же, что-то, что в целом стоит выше Базарова ... та жизнь, которая ... воодушевляет. Выше Базарова – тот страх, та любовь, те слезы, которые он внушает. Выше Базарова – та сцена, по которой он проходит. Обаяние природы, прелесть искусства, женская любовь, любовь семейная, любовь родительская, даже религия, все это – живое, полное, могущественное – составляет фон, на котором рисуется Базаров. Этот фон так ярк, так сверкает, что огромная фигура Базарова вырезывается на нем отчетливо, но, вместе с тем, мрачно».

«Гоголь о своем «Ревизоре» говорил, что в нем есть одно честное лицо – смех; так точно об «Отцах и детях» можно сказать, что в них есть лицо, стоящее выше всех лиц и даже Базарова – жизнь».

Л.Н. Толстой. Сочинения гр. Л.Н. Толстого

«... у гр. Толстого задача ... поставлена прямо, то есть прямо рисуются люди, у которых идеал оскудел...»

«... у гр. Л.Н.Толстого, как и у других наших писатели, очень тонкое понимание простого народа».

Война и мир. Сочинение гр. Л.Н. Толстого

«Новое произведение гр. Л.Н. Толстого, одно из прекраснейших произведений русской литературы составляет, во-первых, плод движения этой литературы ...; во-вторых, оно есть результат развития самого художника, его долгой и совестливой работы над своим талантом».

«Давно уже ни одна книга не читалась с такой жадностью».

«Война и мир» представляет истинные чудеса искусства. Схвачены не отдельные черты, а целиком та жизненная атмосфера, которая бывает различна около различных лиц и в разных слоях общества».

«...особенная, ярко выступающая черта таланта гр. Л.Н. Толстого... в необыкновенно тонком и верном изображении душевных движений. Гр. Л.Н. Толстого можно назвать по преимуществу реалистом-психологом».

«Перед нами картина той России, которая выдержала нашествие Наполеона и нанесла смертельный удар его могуществу. Картина нарисована не только без прикрас, но и с резкими тенями всех недостатков – всех уродливых и жалких сторон, которыми страдало тогдашнее общество в умственном, нравственном и правительственном отношении. Но вместе с тем, воочию показана та сила, которая спасла Россию».

«Главная мысль, которою он руководствуется при изображении героических явлений, состоит в том, чтобы открыть их человеческую основу, показать в героях – людей».

«Душа человеческая изображается в «Войне и мире» с реальностью, еще небывалою в нашей литературе».

«Есть в русской литературе классическое произведение, с которым «Война и мир» имеет больше сходства, чем с каким бы то ни было другим произведением. Это – «Капитанская дочка» Пушкина».

«Все предыдущие произведения гр. Л.Н. Толстого суть не более как этюды, наброски и попытки, в которых художник не имел в виду какого-нибудь цельного создания, полного выражения своей мысли, законченной картины жизни, как он ее понимал...»

«...самый интересный, самый оригинальный и мастерской тип, созданный гр. Л.Н. Толстым, есть лицо Пьера Безухова».

«Война и мир», есть произведение направленное, составляет один из величайших и своеобразнейших памятников нашего искусства».

«...художник дал нам новую, русскую формулу героической жизни, ту формулу, под которую подходит Кутузов и под которую никак не может подойти Наполеон».

Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание

«... в первый раз перед нами изображен нигилист несчастный, нигилист глубоко человечески страдающий».

«Цель его была – изобразить страдания, которые терпит живой человек, дойдя до такого разрыва с жизнью. Совершенно ясно, что автор изображает своего героя с полным состраданием в нем».

«С невыразимым мучением он (Раскольников – авт.) чувствует, что насилие, совершенное им над своею нравственною природою, составляет больший грех, чем самый акт убийства. Оно – то и есть настоящее преступление».

«Глубочайшее извращение нравственного понимания и затем возвращение души к истинно человеческим чувствам и понятиям – вот общая тема, на которую написан роман г. Достоевского».

С.Т. СЛАВУТИНСКИЙ – ПИСАТЕЛЬ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ

О Славутинском Степане Тимофеевиче литературоведение долго умалчивало и его имя упоминалось редко. В активный оборот оно вошло благодаря статье З.Т. Прокопенко в 1970 году (4, 55), а годом позже мы смогли прочитать о нем информацию в «Краткой литературной энциклопедии» (3, т.6, 910). А тем не менее, Славутинский С.Т. – русский писатель – являлся активным сотрудником журнала «Современник» времени его наибольшей оппозиционности по отношению к правительству. Творчество писателя было высоко оценено современниками Славутинского, в частности А.Н. Плещеевым («Повести и рассказы С.Т. Славутинского», «Московский вестник», 1860, №3) Н.А. Добролюбовым («Повести и рассказы С.Т. Славутинского» Соб. Соч., т.6).

Творчество Славутинского Добролюбов ценил за «...мужественное, прямое и строгое воззрение на простой народ...» (2, 53). Выходец из дворян, писатель полностью перешел на позиции передового демократического движения. Уже само сотрудничество в таком «крамольном», не раз закрывавшемся журнале как «Современник» говорит само за себя. Активное сотрудничество Славутинского в этом журнале совпало с расколом внутри его, когда из него ушли И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой и другие талантливые писатели по причине крайней его революционности. Этот факт дополняет наше представление об общественной и эстетической позиции Славутинского. На Славутинского оказал огромное влияние Н.А. Добролюбов. Как указывает З.Т. Прокопенко (4, 57-58), эти два талантливых человека познакомились заочно благодаря А.П. Златовратскому (имя достаточно известное в русской литературе). Сохранилась их переписка, которая отражает желание Славутинского стать настоящим писателем, сделать это главным делом своей жизни и искреннее стремление Добролюбова помочь ему на этом поприще. Письма последнего наполнены теплотой и приветливо-

стью. А.П. Златовратский в разговоре с Добролюбовым о Славутинском относил его к людям, «не только следящим за современными вопросами, но и... посильными трудами старающимся об уяснении их» (4, 58).

Чтобы понять позицию Славутинского в литературе и журналистике, следует обратиться к некоторым фактам его жизни. Славутинский Степан Тимофеевич родился в дворянской семье, но его путь жизни напоминает во многом путь разночинцев, пробивавших себе дорогу собственными усилиями. Семья Славутинских к моменту рождения Степана разорилась. Отец, бывший военный, умер рано. У них было небольшое имение в Рязанской губернии (село Михеева), где проживало около сорока душ крепостных крестьян. Мать определила сына в Рязанскую гимназию, где он учился в одно время с будущим поэтом Я.П. Полонским. Уже в этот период Славутинский не только увлекается поэзией, много читает, тянется к культуре, пытается развиваться через самообразование дополнительно к тому, что давала гимназия, но и пытается писать стихи.

Однако окончательно разорившееся хозяйство не давало дохода, бедственное положение семьи вынудило Славутинского бросить гимназию и поступить на службу писцом.

Вначале он служил в этом качестве в рязанской палате гражданского суда. Материалы, которые он переписывал дали ему «первые впечатления об окружающей действительности, об отношениях людей, о добре и зле» (4 с. 56). Впечатления были тяжелыми.

Благодаря усердию, трудолюбию и аккуратности он постепенно продвигался по службе и с 1855 года, как он сам свидетельствовал, был назначен старшим чиновником особых поручений при рязанском губернаторе. Ему доверяют ревизию губернии, позднее он становится мировым посредником и мировым судьей. Бесправное положение народа, его нищета и трагизм жизни открываются ему во всей неприглядности и обнаженности.

Больше всего, указывает З.Т. Прокопенко, его потрясли «неопровержимые доказательства злоупотреблений со стороны богатых помещиков».

В рязанской губернии жил генерал Измайлов, которого он потом подробно изобразит в «Генерале и его дворне» (1). Он имел более 10 тысяч душ крепостных, над которыми издевался, особенно над своими дворовыми. Славутинский был потрясен, что в середине XIX века в центре России помещик, дворянин, забивает до смерти крестьян, держит их в колодках, гноит в 4 ямах, пытается, имеет гарем из крепостных девушек и считается уважаемым человеком в глазах правительства.

Как писатель С.Т. Славутинский вошел в литературу в 1857 году, публикуя свои поэтические опыты. В 1860 году (вышли его «Повести и рассказы»). Их отличали пронзительная правда о жизни, судьбе простого народа-труженика. Они заняли достойное место в ряду произведений о народе, созданных Н.Успенским, Ф. Решетниковым, которые стремились передать «трезвую правду», раскрыть внутренний мир героев, нарисовать сложные обстоятельства жизни в ее повседневности и будничности. По поводу «Правого дела», которое начало публиковаться в «Современнике», Славутинский пишет Добролюбову, что он стремится к критическому воссозданию не частных, а «некоторых общественных понятий и явлений...», представив «в живой их действительности» (5, 58). В свою очередь, Добролюбов отзывается с похвалой о начале романа с которым познакомился, и говорит о положительном мнении о нем редактора журнала.

Помимо этого Славутинский создает повесть «Жизнь и похождения Трифона Афанасьева» (1859), где показал пагубное влияние Петербурга на честного трудолюбивого крестьянина, волею судьбы попавшего в город и ставшего извозчиком. Написана повесть в духе эстетики Чернышевского. К этому же ряду можно отнести и его роман «Беглянка» (1861). В этот период Славутинскому предлагают в журнале «Современник» рубрику «Заметки провинциала», в которой давались материалы из глубинки о литературе, общественной жизни, о провинциальном обществе и т.п.

По замыслу Добролюбова, эта рубрика должна была не только отражать жизнь провинции, но и влиять на ее развитие, в первую очередь на распро-

странение революционно-демократических идей. Кроме того, Славутинскому доверили в этом же журнале раздел «Внутреннее обозрение».

Многочисленные свидетельства все же говорят о том, что Славутинский не совсем и не до конца разделял экстремистские, как сейчас сказали бы взгляды Добролюбова и Чернышевского. Он тяготел больше к просветительской деятельности, нежели к революционной. Его умеренные по идее письма из провинции, заметки и очерки не удовлетворяли Добролюбова. Он предлагает Славутинскому усилить революционную направленность материалов, просит согласия на личное вмешательство в текст с собственными добавлениями, на что Славутинский не соглашается. Добролюбов пишет для Славутинского программу раздела «Обозрение»: «... надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху, – до того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи, и чтобы он, задетый, наконец, за живое, вскочил с азартом и вымолвил: «да что же, дескать, это наконец за каторга! Лучше уже пропадай моя душонка, а жить в этом омуте не хочу больше!» Вот чего надобно добиться, и вот чем объясняется и тон критик моих, и политические статьи «Современника», и «Свисток» (Цит. по 5, 61).

О том, что Славутинский душой не принимал идеи кровавого метода переустройства жизни, свидетельствует такой жизненный факт: в Рязань был назначен на службу Салтыков-Щедрин, уже имеющий славу автора «Губернских очерков». Добролюбов возлагал на этот случай большие пропагандистские надежды – оживить провинцию демократическими идеалами. Но Славутинский, проживающий там, не пошел на сближение с сатириком, а даже наоборот, неодобрительно отзывался о его произведениях. «...Одна только статья мне не по сердцу, это – щедринское красноречие, потраченное на осуду красноречия других борзописцев... Не люблю я глумлений, - оно невесело, непросто, правды в нем нет ни на грош» (5, 62).

Славутинским написаны повесть «Своя рубашка», роман «Капитон Перелетов», историко-бытовые очерки и мемуары («История моего дяди»). В произведениях отразился крестьянский быт Рязанщины, где писатель провел

большую часть своей жизни, но этот быт мало чем отличался от того, который был присущ и крестьянству Белгородского края.

Творчество С.Т. Славутинского, по справедливому замечанию проф. З.Т. Прокопенко, не изучено и сегодня, оно ждет своего глубокого, основательного изучения. Но уже то, что нам известно, свидетельствует о значительном его месте в истории русской литературы прошлого века.

Материал о Славутинском в большей или меньшей степени может быть использован в обзорном уроке о тенденциях развития русской литературы во второй половине XIX века в разделе о журнале «Современник» и его роли в судьбах писателей; в особом разговоре о Добролюбове, его эстетических воззрениях, его связях с писателями России; в тему «Некрасов» возможно включить имя Славутинского в список художников из провинции, привлеченных в журнал и одобренных редактором журнала Некрасовым, которым он особенно доверял.

Как самостоятельный материал он может быть в основе содержания занятия на факультативе по литературе второй половины прошлого столетия, о писателях, в творчестве которых правдиво и ярко отразилась тема крестьянской судьбы.

Имя столь самобытного писателя может быть предметом более подробного рассмотрения на факультативных занятиях по литературному краеведению.

Литература

1. Славутинский С.Т. Генерал и его дворня. Отрывки из воспоминаний, М. – Л., 1937.
2. Добролюбов Н.А. Повести и рассказы С.Т. Славутинского, Собр. Соч., М. – Л. – Т.6. – 1963.
3. Краткая литературная энциклопедия. – Т.6. с.909.
4. Прокопенко З.Т. Писатель из круга «Современника». – В кн.: Литературная Белгородчина, - Воронеж, 1979, с.5. Литературный Белгород. – Белгород, 1970.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Больше всего Славутинского потрясли неопровержимые доказательства злоупотреблений своей властью со стороны крупных помещиков. В Рязанской губернии жил генерал-лейтенант Измайлов, владелец более чем 10 тысяч крепостных душ, который по зверствам не уступал известной Салтычихе.

Молодой чиновник был потрясен тем, что в середине XIX века, в центре России дворянин забивает крестьян в колодки, гноит в ямах, применяет пытки, держит огромный гарем из крепостных женщин и остается уважаемым в светском обществе человеком, «слугою царю и отечеству».

(Прокопенко З.Т. Писатель круга «Современника»).

«Крестьяне Славутинского живые люди. Одни из них трудолюбивы и честны, другие... поражены пьянством и тунеядством, способны совершить уголовное преступление...»

(Прокопенко З.Т. там же).

«...роман мой («Правое дело» – *авт.*) направлен не против частных злоупотреблений, – мне хотелось бы затронуть в нем существенные черты некоторых учреждений, некоторых общественных понятий и явлений, вызванных этими учреждениями, представив эти черты в живом их действии». (Славутинский – Добролюбову, осень 1858).

СЛАВУТИНСКИЙ СТЕПАН ТИМОФЕЕВИЧ

ЧИТАЛЬЩИЦА

(Отрывок)

Чрезвычайно тяжки были для всех почти губерний России, в том числе и для Рязанской, где я жил тогда, 1839, 1840 и 1841 годы, оставшиеся в памяти под общим названием «голодных годов». По многим обстоятельствам живо помню и я это трудное время.

В 1839 году озимый и яровой хлеба, особенно первый, весьма дурно уродились. А с самого начала осени установилась погода чрезвычайно холодная и с сильными ветрами; всходы ржи, посеянной к будущему году, были везде крайне плохи, – еще тою же осенью начали довольно сильно возвышаться цены на всякий хлеб. Настала зима совершенно бесснежная и с необыкновенно сильными морозами, от которых, как основательно стали опасаться, должны были вымерзнуть не покрытые снегом слабые озими. От всех этих ближайших причин цены на хлеб росли в зимнее время с каждым базарным днем. К тому же дурное состояние путей сообщения препятствовало делать вовремя и по сходным ценам подвозы хлеба из мест, не подвергнувшихся неурожаю, как, например, из Вятской губернии.

Весна 1840 года оправдала опасение насчет озимых посевов: во многих местах они совсем пропали. Настало лето; с половины апреля и по конец августа ни капли дождя не упало на землю. Еще с начала лета поля покрывались мутносероватым, пыльным цветом. Все растения поблекли, помертвели от чрезмерного жара и недостатка питающей влаги. Это было лето необычайно жаркое и душное, несмотря на то, что солнце, постоянно застилаемое мглой, светило вовсе не ярко. Где-то, в отдаленных местах России, горели тогда леса и торфяные болота¹; красноватая мгла, застилавшая свет солнечный, скоплялась на краях горизонта темными, грозными тучами; удушливый смрад наполнял воздух, проникая всюду, даже в те дома, где не растворяли окон. В самом сильном ветре не было ничего освежающего. По ночам сухой туман висел над окрестностью, над водами и над землей, и росы не было для освежения полей.

С наступлением уже осени открылась вся обширность бедствия. Озимый хлеб совсем не родился, яровой во многих местах принес только тощие семена, ненадежные к будущему посеву. За немногими исключениями, даже и у богатых скопидомов-помещиков, запасов хлеба от прежних годов уже не существовало, и потому цены на всякий хлеб достигли громадных и незапамятных цифр.

¹ Пожары эти начались еще с 1839 года. (Прим. автора).

Народ с сентября месяца нищенствовал целыми толпами, испрашивая милостыню уже не копеечками, а куском хлеба для утоления голода.

В некоторых уездах народ не только ел разные корни и древесную кору, но даже какую-то мягкую глину, из которой с малой примесью муки пекли хлебы. Конечно, такая пища должна была производить болезни. После всех трех голодных годов многие деревни потеряли немалую часть народонаселения. Этим временем судьба, видимо, хотела дать некоторым тяжелый, многозначительный урок.

ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНИЯ ТРИФОНА АФАНАСЬЕВА

(Отрывок)

В первые годы своей жизни в Петербурге Трифон не очень много нужды вытерпел. Дядя не выпускал его из глаз своих, берег и всегда отстаивал, был к нему добр и ласков. Учил усердно уму-разуму. Правда, не вся его наука могла быть кстати малому. Дядя – хоть и отличный извозчик – был охотник большой своровать все, что попадет под руку, отчего нигде не уживался, и племянника, пока тот совсем в возраст не вошел, перетаскивал за собой с места на место. Однако Трифон не пошел по его следам, дурной и столь близкий пример не испортил его, – он, напротив, спозаранку отличался удивительной честностью. Во все жите свое в Питере не взял он на душу греха ни воровства, ни обмана. Может быть, от природы были живучи и сильны в душе его семена правды; может быть, поддерживало его воспоминание об отце, старике добром и честном, с которым он прожил дома все почти годы детства, а может быть, и жалкая доля дяди вселяла в Трифона отвращение к мошенническим проделкам.

Пантелею – так звали дядю – в частую доставалось за плутни. Не раз и в полицию его забирали, что недешево ему стоило; не раз и у хозяев подвергался он домашней тяжкой расправе; все это постоянно бывало на глазах Трифона. А когда было ему уже лет за двадцать, он увидел и бедственный конец дяди. За какую-то довольно неважную плутню строгий хозяин с работ-

никами своими так избил провинившегося, что тот недель шесть вылежал в больнице. И жаловался он полицейским властям, только бокам его стало не легче оттого, что его обидчику пришлось поплатиться за самосуд.

Трифон сначала во всем обвинял одного дядю и даже сильно серчал на него.

«Вот, впервой, что ли, так-то? – думал он. – А все нейметя!.. Раззарили, вишь, на чужое добро, а можно бы жить и без этого. И мне с ним какое житье!.. Упрекают тоже из-за него!.. Эх! Кабы воля была!..»

Но Пантелей совсем зачах с этого разу. Скоро хворость его усилилась до крайней степени, и видно было, что уж не жилец он на свете. Жалеючи его, загоревал тогда Трифон, а вместе с тем он почувствовал сильную вражду к тем людям, которые так бесчеловечно поступили с его дядею.

В.Я. ЕРОШЕНКО – ПИСАТЕЛЬ И ПЕРЕВОДЧИК

Василий Яковлевич Ерошенко родом из с. Обуховка, Белгородской области. Родился он 31 декабря 1889 года (12 декабря 1940 г.). В «Краткой литературной энциклопедии» о нем сказано, что он русский писатель, и писал на языках японском и эсперанто.

Известно, что он ослеп еще в детстве и учился в Москве в специальной школе для слепых. Чтобы прожить как-то, он подрабатывал, играя в оркестре слепых в московских ресторанах.

С детства Ерошенко был любознательным, его физический недостаток не развил в нем комплексов. Обладая исключительным слухом, повышенной восприимчивостью и феноменальной памятью, он достаточно успешно изучил язык эсперанто. Он поражал окружающих своим упорством и трудолюбием, способностью «все ловить на лету». Общество европейских эсперантистов помогло Ерошенко переехать в Лондон и поступить в Королевский колледж для слепых, где он обучался наукам и музыке.

В 1914 году Ерошенко уезжает в Токио. За два года он так освоил японский язык, что уже в 1916 году создает свои рассказы и сказки на японском языке, причем настолько добротны были его произведения, что удостоились публикации.

После революции и в годы Гражданской войны отношения Японии и России осложнились. Ерошенко выслали из страны как «большевистского агента». Он некоторое время живет во Владивостоке. Все эти годы Ерошенко упорно занимается самообразованием. Из Владивостока он уезжает в Пекин, где судьба свела его с известным китайским писателем Лу Синем. Знакомство перерастает в тесную дружбу. И не удивительно. Никто почти не замечал слепоты Ерошенко, так он был естественен, так широко образован, уверен в себе и раскован. Лу Синь посвятил русскому собрату по перу свою одну из лучших новелл «Утиная заводь».

В Пекине оценили широкие литературные научные познания Ерошенко и пригласили в Пекинский университет читать лекции по русской литературе.

В 1923 году Ерошенко вернулся в Россию. Он занимается переводами с русского на японский, создает свои произведения в основном на эсперанто, но пишет и на русском. В основу его произведений положена его собственная жизнь и судьба. К ним относятся «Страничка из моей школьной жизни», «Стон одинокой души», написанных в 1923 году. В них отразилась трудная жизнь человека, лишенного возможности видеть божий мир и не желающего сдаваться. Стремление к полноценной жизни чревато лишениями многих радостей, где больше непонимания и одиночества.

Произведения Ерошенко пронизаны гуманными идеями дружбы и взаимопомощи (рассказы 1923-27 годов – «День всемирного умиротворения», «Человек», «Страна радуги», «Дождь идет» и др.). Он осуждает стяжательство, эгоизм и жадность («Башня, обреченная на обвал», «Клетка тигра», «Отчаянное сердце», «Вблизи болота» и др.). Протестом против колониализма пронизаны его пьесы, стихи («Облако персикового цвета», «Колыбельная песня»).

В сказках тоже звучат эти же идеи, но завуалированные в аллегорические образы («Рассказы бумажного фонаря», «Горе рыбы», «Сердце орла», «Сон в весеннюю ночь», «Рассказ увядшего листа» и др.). Все названные произведения написаны, в основном, на эсперанто или японском языках.

В 1962 году в Белгороде вышла книга Ерошенко «Сердце орла». В основном же его книги выходили в Китае (в переводе Лу Синя) и Японии.

Публикации о самом Ерошенко и его творчестве выходили в Японии, Китае, России, но мало, их всего несколько, в основном, кроме одной (Такасуги Ичиро) – статьи в журналах и газетах.

За рубежом он, пожалуй, печатался больше, чем в России.

В 1959 году вышло в Токио собрание сочинений Ерошенко в трех томах.

Многие моменты его жизни мы узнаем из его автобиографии, которая сама по себе может быть поучительна для многих. В ней – портрет человека, стремившегося найти свое место в жизни и полнокровно жить. Помимо уже

названных мест, он был в Варшаве, Берлине, Хельсинки, Вене, Париже, жил в Бирме и Индии. Бывал на Чукотке и Крайнем Севере, в Каракумах и горах.

Изъездив весь мир, он вернулся в свое село, о котором помнил всегда.

Прослеживая его путь, с трудом можно представить, что Ерошенко – выходец из крестьянской семьи. Первое его самое сильное потрясение, которое он испытал в жизни, была болезнь и слепота. Он, будучи уже взрослым, с болью вспоминает момент, когда свет для него померк: «Я слепой. Слеп я четырех лет от роду, С мольбой, весь в слезах покинул я красочный мир солнца. К чему это, к добру или злу, я еще не знал. Ночь моя продолжается и не кончится до последнего моего вдоха. Но разве я проклинаяю ее? Нет, вовсе нет...»

Судьба, действительно, при всей безжалостности была и благосклонна: отец через знакомых устроил сына в Москву в школу слепых; как мы уже упоминали, его приняли в оркестр слепых; благодаря участию в оркестре и хоре он побывал на Кавказе, где провел все лето; благодаря обществу эсперантистов он изучил не только эсперанто, но и английский язык, о нем писала газета: «Слепый московский эсперантист господин Ерошенко, предпринявший в прошлом году поездку в Англию, отправляется теперь в Токио (Япония). Господин Ерошенко путешествует без поводыря. Он хорошо говорит на языке эсперанто...»; в Японии к нему относились доброжелательно: Ерошенко вспоминает, что для него специально читались лекции по японской литературе профессором, знавшим русский язык, ему дали отдельную комнату, к нему приходил специально приглашенный преподаватель массажа. Удачно складывалась его судьба и в других странах. Несмотря на то, что Россия была в разрухе после гражданской войны, он имел возможность выезжать за границу. Этот перечень далеко не полный. Он – свидетельство того, что многое в жизни зависит от собственного упорства, что и случилось с нашим земляком.

Ерошенко жил не только для себя. В трудную минуту он легко поднимался и отправлялся в путь. Например, он вспоминает, что когда от брата не было вестей, а он жил на Чукотке, Ерошенко поехал к нему. Пока там жил, выучил чукотский язык. Когда брат перебрался в Туркмению, он поехал к не-

му. В Ашхабаде, собрав слепых детей, открыл спецшколу для них, разработал алфавит.

Есть свидетельство, что Ерошенко был талантливым шахматистом, победителем Всероссийских соревнований.

Умер писатель в родном селе, там и похоронен. В Обуховке, что под Старым Осколом, – его могила и музей.

Жизнь Ерошенко, его сказки, рассказы могут быть использованы учителями словесности на уроках внеклассного чтения. Они наполнены человеческим теплом и мудростью.

Литература

1. Краткая литературная энциклопедия. – М., 1964, - Т.2, с.890.
2. Осыков Б. Василий Яковлевич Ерошенко. – В кн.: Родное Белогорье. – Белгород, 1997, с.80-85.
3. Ерошенко В.Я. Сердце орла. – Белгород, 1962.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КУВШИН МУДРОСТИ

(Сказка Василия Ерошенко)

Давным-давно правил в Индии великий государь-падишах. Министром у него был мудрец по имени Билкул. Ни в этой стране, ни в соседних не было человека, который не слышал бы о нем. Пока Билкул оставался министром, враги и не помышляли о том, чтобы затеять ссору с падишахом и начать войну.

Мудрость Билкула не однажды сослужила добрую службу его стране, но ему самому она приносила лишь неприятности. Так случилось и на этот раз.

Как-то утром падишах, умываясь, пролил на пол каплю дорогой питьевой воды. Это его очень огорчило. Он наклонился, достал платок и принялся подбирать пролитую каплю. Билкул, стоявший поблизости и видевший все это, рассмеялся.

Падишах заметил, что Билкул, смеется над его скупостью, и ему стало стыдно. Однако он не хотел, чтобы Билкул считал его скрягой, и вот, по-прежнему жалея о пролитой капле, он приказал построить на городской площади фонтан с питьевой водой. Билкул догадался, почему падишах отдал такой приказ, и вновь посмеялся. Рассердившись, падишах, спросил его, над чем он смеется.

– О государь, – ответил Билкул, – тот, кто пролил каплю воды, не вернет ее, даже если построит фонтан.

Услышав это, падишах разгневался. И пришлось Билкулу, оставив службу при дворе, отправиться жить в деревню.

Падишах, конечно, тут же забыл о нем. Но мудрые люди этой страны были опечалены и встревожены. «Раз нет во дворце Билкула, – поговаривали они, – не миновать какого-нибудь несчастья!» Но делать было нечего...

А тут и правители соседних стран проведали, что Билкул, которого они пуще всего боялись, удален из дворца. Стали они тогда выискивать предлог, чтобы объявить войну падишаху.

И вот правитель одного сильного государства отправил ко двору падишаха послов с таким письмом: «Немедленно пришлите мне полный кувшин мудрости!» Если же не выполните мое требование, присылайте тысячу мер золота. Если и это откажетесь выполнить – пойдем на вас войной!».

Крепко призадумался падишах, получив такое наглое послание. Созвал он своих советников, рассказал им, в чем дело. Советники тоже были озадачены таким требованием и не смогли ничего придумать. «Где это видано, чтобы мудрость можно было поместить в кувшине! Ведь мудрость даже на поднос из головы не выжмешь! Кто же сможет наполнить мудростью целый кувшин?» Так они судили-рядили, да толку было мало.

Лишь один Билкул мог бы сообразить, как наполнить мудростью кувшин. Поэтому падишаху оставалось или стерпеть обиду и отослать правителю соседней страны тысячу мер золота, или начать с ним войну, или разыскать Билкула.

Но как найти мудреца, неизвестно где скрывающегося от гнева падишаха? Опять собрались советники, долго думали-гадали, наконец, придумали, как узнать, где живет Билкул.

На следующее утро по деревням были разсланы гонцы падишаха с приказом всем старостам в такой-то день, в такой-то час прибыть ко двору. Старосты, решив что стряслась беда, перепугались и полуживые от страха явились к падишаху. Распростершись перед дворцом и лобзая землю, они принялись восхвалять добродетели падишаха. Наконец вышел к ним падишах и огласил такой приказ:

– О, мои верные слуги! Сейчас каждый из вас получит по одному козлу. Затем отправляйтесь по домам и целый месяц давайте ему вволю лучшего корма, пусть каждый день ест досыта. Но запомните хорошенько: за месяц он не должен ни разжиреть, ни отощать. Смотрите, чтобы вес его оставался точно таким же, как сейчас. Того, кто выполнит это условие, щедро награжу, а кто не выполнит, того ждет бесславная смерть.

Обескураженные старосты еще раз воздали хвалу падишаху и отправились по домам со злополучными козлами.

Староста той деревни, где скрывался Билкул, тоже привел с собой козла, но никак не мог придумать, как выполнить государев приказ. Наконец позвал мудреца.

Билкул, выслушав старосту, тут же смекнул, что он, наверно, понадобился при дворе. Тогда он дал незадачливому старосте такой совет: «Корми козла вволю, но только привяжи его возле клетки с голодным тигром». Староста так и сделал. Козла кормили до отвала, но он совсем не жирел, потому что постоянно видел перед собой страшного голодного тигра.

Через месяц старосты вновь прибыли ко двору, и оказалось, что у всех козлы либо разжирели, либо отощали, и лишь у одного козел остался точно таким же, каким был месяц назад.

Падишах призвал к себе обрадованного старосту, расспросил его обо всем и тотчас отправил гонца к Билкулу с предложением вновь занять пост министра. Билкул согласился и вернулся во дворец.

Что же он сделал, узнав о наглом требовании правителя соседней страны? Прежде всего Билкул пообещал отправить ему полный кувшин мудрости. Затем, взяв кувшин, он пошел на бахчу, выбрал там маленькую дыньку, которую можно было бы просунуть в кувшин, вложил ее туда и оставил на бахче. Дыня вскоре выросла и заполнила весь кувшин. Тогда Билкул перерезал стебель и отправил дыню в кувшине в соседнюю страну с таким письмом: «Посылаем вам полный кувшин мудрости. Постарайтесь вынуть, не разбив, то, что в нем находится, и возвратите кувшин. Не сможете этого сделать - пришлите две тысячи мер золота. Если же откажетесь выполнить наши условия - мы объявляем вам войну».

Правитель соседней страны сразу понял, что Билкул возвратился во дворец и что теперь лучше не затевать ссоры с падишахом. Так и пришлось ему отослать падишаху две тысячи мер золота и тем самым признать, что он не смог извлечь из кувшина «мудрость» Билкула.

В.И. ФЕДОРОВ – ПЕВЕЦ БЕЛОГОРЬЯ

Владимир Иванович Федоров принадлежит к писателям, судьба которых вобрала в себя все перипетии жизни нашего и недавно прошедшего времени. Его жизнь богата трагическими и радостными событиями, взлетами и разочарованиями. Он был знаком со многими яркими людьми нашего столетия, оставившими след в истории русской культуры и во многом определившими его собственный путь. Федоров – автор поэтических сборников, песен, поэм, рассказов, романов. По его произведениям поставлены спектакли, сняты фильмы, на его стихи написаны песни. Его творчество многогранно, многозвучно. Но объединено оно единым целым – оно о судьбе человека, о его предназначении на этой земле. Герои его разные по возрасту, социальному статусу, национальности, мироощущению. В художественном мире Федорова жизнь и судьба человека и народа в целом осмысляются в разных обстоятельствах: на полях сражений, в тылу и оккупации, в послевоенные не менее тяжкие годы. Действие происходит тоже в разных регионах России. И все же большую часть творчества писатель земли белгородской посвятил своим землякам. «... в его поэзии, прозе и драматургии светится вечная любовь к милой его сердцу белгородской земле... Поэт... с раннего детства влюбился в белгородский край, где народные легенды и сказания сплетаются с былью и делами талантливых его земляков», – пишет о нем Алексей Мигунов(1,с.3).

Родился В.И.Федоров 15 мая 1925 года в Белгороде. В биографическом очерке сам писатель отмечает: «Хорошо помню наш дом на Сергиевской улице. Так она, очевидно, была названа в честь храма Сергия Радонежского. И часть других улиц называлась в честь святых, которым были на них построены храмы. Но часть храмов снесли в 30-х годах, остальные в Белгороде яростно рушили фашисты.

Моя улица несколько раз меняла название и облик; в семидесятые годы белгородский краевед Иван Орел еще успел сфотографировать меня на фоне

старого родного дома. Нынче на том месте – зубная поликлиника, да шумит несколько оставшихся деревьев Селивановского сада...» (1, с. 167).

Сын рабочего, Федоров прошел трудовой путь, учился в электромеханическом и строительном техникумах. Подростком, в начале войны, как большинство мальчишек, работал на заводе, спал и ел мало, а работал по двенадцать часов.

Писатель признается, что стихи писать он начал во втором классе. В связи с тем, что семья часто переезжала, он учился в разных местах, в том числе и в елецкой первой школе, где, как известно, в свое время учились Иван Бунин, Михаил Пришвин, а музыке его старший брат Борис учился у внучатой племянницы Михаила Глинки.

В 1942 году Федоров пошел добровольцем на фронт, но попал вначале в артиллерийское училище, откуда потом – в парашютно-десантную бригаду. Войну будущий писатель испытал на себе, пройдя ее вдоль и поперек. (О своих друзьях он написал быль «Жаворонок в зените», роман в повестях «Сказ про Студеный Ключ»). Он воевал под Москвой и Ельней, в Карелии и на Дунае, прошел Венгрию, Австрию, Чехословакию, воевал в Альпах.

В этот период Федоров пишет статьи о подвигах своих друзей в «Красной Звезде», публикует стихи в десантной газете, в журнале «Красноармеец».

Через двадцать лет чехи издали произведения Федорова, по его сказке-поэме «Радуга» изучают русский язык (она включена в антологию русских сказок).

Его книги вышли в Софии, а болгарское радио неделю передавало повесть в новеллах «Сумка, полная сердец».

В Бухаре вышла диалогия «Чистый Колодезь».

Его книги переведены на украинский, испанский, французский, финский, английский, немецкий языки.

Но это было позже, когда произошло возвращение в новом качестве воина-писателя Федорова, освобождавшего эти земли.

После Победы Федоров еще продолжал служить в армии и писать стихи. Некоторые из них он отослал Михаилу Исаковскому, которому они по-

нравились. Исаковский отметил в них простоту, искренность, самобытность, индивидуальный стиль, неизбитый подход к изображению действительности, отдав их А.Твардовскому в «Литературную газету», где они и были напечатаны. Это было в дни работы первого совещания молодых писателей. Стихи сопровождало предисловие Исаковского.

Появляются публицистические статьи Федорова о друзьях в книгах «Со всех концов России» и «Бойцы моей земли».

После демобилизации Федоров приезжает в Белгород, бродит по руинам, беседует с жителями города, друзьями, едет на место Прохоровского сражения. Свои впечатления он отразил в хронике, которую назвал «Белгород». Она была опубликована в журнале «Новый мир».

Будучи студентом литературного института, куда его рекомендовал Твардовский, Федоров пишет песни, которые прочитал Исаковский и благословил автора на дальнейшее творчество (1, с. 171).

Уже много лет спустя Федоров вместе с украинским композитором Александром Билашом написал две песни к кинофильму «Сумка, полная сердец», который был поставлен режиссером Анатолием Буковским по повести из дилогии «Чистый Колодезь», опубликованной в «Роман-газете». Песню «Калина во ржи» за кадром поет Людмила Зыкина, а песню «Подснежник» – украинская певица Лариса Остапенко.

Вместе с Билашом Федоров написал 14 песен к телесказке «Лада из страны берендеев». Песня Лады вошла в репертуар Евгении Мирошниченко, знаменитой оперной певицы киевского оперного театра, а песня «Есть вечная любовь» на музыку Евгения Ширяева – в репертуар Софии Ротару.

С уже названным режиссером Анатолием Буковским Федоров поставил упомянутую телесказку, написал киноповесть «Солнечные Воды», киносценарий «Визит в Ковылевку» и роман «Вся Володькина жизнь». По роману поставлен двухсерийный телефильм, не раз показанный по телевидению.

В литературном институте Федоров участвовал в семинаре Сергея Смирнова. В нем работали такие известные сегодня художники слова как

Сергей Орлов, Егор Исаев, Виталий Буханов и другие. Позже, когда Федоров сам уже руководил семинаром, его слушателями были Камил Ходов, Валентин Коростылев, белгородцы Виктор Бекетов и Игорь Чернухин.

«Белгородская правда» постоянно публиковала и перепечатывала произведения нашего талантливого земляка: киносценарий «Сумка, полная сердец», юмористическую повесть «Белая невеста», роман в былях «Жаворонок в зените», главу из повести «Лета и страсти», главы солдатского декамерона «Праведницы и грешницы», фрагмент драматической поэмы «Дума про Кобзаря».

В театре им. М. Щепкина режиссер Леонид Моисеев поставил в свое время пьесу «Белгородские кручи» (по повести «Марс над Казачьим бером»), ее же поставило и Ленинградское телевидение. Северокавказское телевидение поставило комедию в стихах «Ливень». Совсем недавно за границей поставлен фильм по балладе Федорова «Сердце Ивана».

Федоров был хорошо знаком с Василием Шукшиным, который с восторгом отозвался о фильме «Сумка, полная сердец» и особенно о песне «Калина во ржи». Его принимал у себя Шолохов и подарил ему свою «Поднятую целину» с надписью.

Съемка фильма «Сумка, полная сердец» проходила в Маломихайловке Шебекинского района Белгородской области. Здесь когда-то воевал известный русский писатель и друг Федорова Михаил Алексеев (сегодня он почетный гражданин города Шебекина). В фильме снимались девять народных артистов СССР, России, Украины и Белоруссии: Лилия Дроздова, Софья Гиацинтова, Ольга Кусенко, Михаил Пуговкин, Юрий Каюров, Наталья Наум, Нина Антонова и др. В массовых сценах участвовали жители села. Оператор – талантливый мастер Валентин Тышковец.

Федоров часто встречается с однополчанами, оставшимися в живых, пишет о них очерки в «Красной Заре», «Ветеране», «Патриоте», «Правде», «Литературной газете», «Учительской газете», «Сельской жизни», в книгах «Со всех концов России» и «Бойцы моей земли». Они же - герои его романов «Веч-

ный огонь», «Мы были счастливы», «Люди с улицы Ясной», «Жаворонок в зените», «Сказ про Студеный Ключ», «Праведницы и грешницы».

В повести, в новеллах «Аисты над Белгородчиной» и «Годы Петуха», в романе в новеллах «Звездный час Светки-Светлячка», в драматической поэме «Любушка-голубушка» тоже много места отведено судьбам фронтовиков.

В застойное время Федоров печатался нечасто. Чаще книги отклонялись за их критичность и правду жизни. Это баллада «Могучий голос» (о Шаляпине), поэма «Девушка из Софии», сатира «Звезды и гнилушки». Анатолий Калинин, – вспоминает Федоров, – писал мне: «Начали с вас, а кончили Шолоховым». Таких историй писатель вспоминает много.

О себе Федоров пишет: «От своих первых поэтических книг «Семья родная» и «На пороге» до итоговых «Сердце Ивана», «Баллада о солдате», «Совесть века или Пушкин у декабристов» и, наконец, до тоненьких нынешних книжек «Маршал Победы», «Радуга над бездной» и старался быть певцом дружбы народов, мира и добра.

И где бы я ни был, о чем я ни писал – Белгород, родина моя, в сердце моем» (1, с. 174).

Сейчас Владимир Иванович Федоров живет в Москве. Он полон сил, энергии и желания писать. Это желание успешно реализуется.

«В «Краткой литературной энциклопедии», куда вошло имя нашего талантливое земляка, кроме его произведений названы статьи и литературоведческие исследования о нем, авторы которых сами по себе являются известными людьми в мире искусства и науки (Исаковский, Серебренников, Алексеев, Мигунов и др.).

Творчество и судьба В.И. Федорова являются для учителя-словесника благодатным материалом не только в развитии познаний о родном крае и его людях. Насыщенное глубокой нравственной идеей, самобытное по форме, оно способно влиять на формирование нравственности школьника и его эстетического вкуса. Художественный мир Федорова столь многообразен, широк и глубок, что его хватит на всех.

Знакомство с ним может состояться уже в пятом классе. Боль Прохоровского поля, отраженная в стихотворении с таким же названием, не может не дойти до сердца подростка:

Седая вдова возле танка застыла.
Он грозно на глыбе стоит.
Тюльпаны, как свечи,
Горят над могилой.
Что тело танкиста таит.

Для многих тем, связанных с судьбами нашего народа, в любом классе найдется место для творчества Федорова, ибо в нем заложен глубинный смысл вечных мотивов русского искусства, которыми волнуется и живет и наше поколение. Публицистическая поэма «Маршал Победы» (М., 1992), посвященная маршалу Жукову, поднимает острые вопросы нашего времени:

Не лезьте ко мне с вопросами,
Справимся мы с отбросами,
В духовности наша сила.
Пушкиных и Ломоносовых,
Жуковых и Матросовых
В муках рождает Россия.

В выпускном классе есть возможность подробнее остановиться на творчестве Федорова в разделах: «Поэзия Великой Отечественной войны», «Современные писатели о Великой Отечественной», «Судьба человека в годы войны на полях сражений и в тылу»; «Белгородский край в художественном мире писателей-земляков».

Произведения В.Федорова могут быть увлекательным материалом в так называемых уроках-беседах по современной русской литературе, которые введены с 9 по 11 классы.

На материале творчества Федорова можно провести «Неделю Федорова», вечер его творчества, викторину, наконец, провести киноурок по фильму и повести «Сумка, полная сердец».

Богата наша земля белгородская талантами, но В.И.Федоров – наиболее яркий среди них, и он стоит того, чтобы о нем говорить. В.Федоров – интересная и самобытная личность, Художник Слова, он – заметное явление в русской литературе нашего времени.

Литература

1. Писатель, рожденный Великой Отечественной. – Белгород, 1995.
2. Краткая литературная энциклопедия. – Т.7, с.913.
3. Мигунов А. Поющее сердце. – Белгород, 1964.
4. Серебренников А. Читатель вопрошающий. – «Новый мир», 1972, № 4.
5. Исаковский М. О поэтическом мастерстве, 3-е изд. – М., 1960.
6. Кондратович А. Две повести (ред.). – «Новый мир», 1963.
7. Алексеев М., Владимир Федоров, в его кн.: Односельчане. – М., 1964.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Писатель, рожденный Великой Отечественной». – Белгород, 1995 (Сборник статей).

«Сумка, полная сердец» – это не повесть в привычном понимании этого слова. Каждая из двадцати ее глав могла бы жить вполне самостоятельно как новелла. И только главная героиня книги тетка Арина с широким ремнем на плече и с кирзовой сумкой на боку благодаря искусству автора счастливо соединяет рассказы о судьбах многих очень разных людей в своеобразную повесть о большой судьбе, которой живет современная деревня».

(М. Алексеев, с. 14)

«Та же взволнованность, поэтичность, то же умение одним-двумя штрихами обрисовать героя.

Прочтешь две-три страницы, и перед тобой витают, как живые, герои повести. Тут и стриженная под мальчишку отчаянная Ленка Корнеева, тут и ее подруга тихая Поля, с ее «удивленно-синими глазами», тут и романтик Генка, мечтающий о полете на Марс».

(О повести «Марс над Казачьим Бором» М. Алексеев, там же)

«Жанр баллады сопряжен творчеству поэта белгородской земли...

Однако есть и индивидуальные черты, которые придают общим признакам уникальность и выразительность...».

(Арефьев А., с. 16)

«Владимира Федорова, поэта со своим почерком, своим голосом, лирически задушевным и гражданственно-патриотическим одновременно, влечет русская классика «золотого века» – времени Пушкина, его друзей-декабристов».

(О сб. В.Федорова «Совесть века» Пушкин у декабристов. – М., 1990 г. – В. Аношкина, с.18).

«Оба писателя (Бунин и Федоров – *авт.*) принадлежали черноземной... России... годами своего рождения и годами последующего возмужания...

Первые жизненные впечатления обоих писателей связаны с картинами народного быта, колоритными русскими характерами, с многоцветным благоуханием, многозвучьем родной природы».

(Г. Благасова, с.21)

«С точки зрения новизны писательских находок эта повесть кажется пока что единственной в своем роде. Ее можно назвать диагностикой «сердечных заболеваний» в добром и худом смысле. Сердца: Материнское, Манящее, Гремящее, Нестареющее, Каменное, наконец, Ненасытное, Косматое. Какая в этом социально-психологическая чуткость! Сколько здесь писательской зоркости!

(О «Сумке, полной сердец» А.Блинов, с.26)

Творческая деятельность В.Федорова представляет собой глубинный синтез равнодействующих по силе внутренних и внешних побудительных мотивов, синтез исповеди и проповеди. В данном синтезе рождается новое качество: цельность личности творца и его глубокой связи с жизнью, цельность его большого таланта и высшего взлета одухотворенности».

(Н. Венгеренко, с.29)

«Героическое содержание жизни трудового человека и воина, его богатое мироощущение – главная тема поэзии В.Федорова.

(А.Власенко, с.31)

Много песен у поэта. Но, просматривая все, что он написал, перечитывая поэтические, прозаические, публицистические, литературоведческие книги Федорова, знакомясь с его пьесами и киносценариями, все больше чувствуешь одну мелодию: в каждом образе, в каждом абзаце звучит песня о Белгородчине, песня о вековых родинках дружбы двух братских народов, песня про их общий Чистый Колодезь...

(Ю. Герасименко, перевод с украинского Г. Денисюк, с.37)

«Владимир Федоров чутко слушает и остро видит окружающий мир. Полюбившиеся ему края он рисует рукой щедрого художника – свежо, красочно, с цветами и запахами земли, сокровенными приметам. В лирике поэта слышен родной русский говор, шелест «лучистых берез», шум и лепет великих и малых рек – от Донца до Енисея»...

(Н. Гончаров, с.39)

«Владимиру Федорову нет нужды называть себя русскоязычным. Он русский. Истинно русский поэт и прозаик... темой для Владимира Федорова всегда была жизнь русской деревни и великая русская идея защиты своего Отечества...».

(И. Дынин, с.41)

«Писателя Федорова – *авт.*) интересует не собственно важные события, а их преломление в жизни и судьбах людей в настоящее время».

(Е. Евглевский, с.44)

«Во всех произведениях (Федорова – *авт.*) живет поэт народной жизни, органической частью которой является он сам».

(А.Журавлева, с.45)

«О чем бы ни писал мой друг (Федоров – *авт.*), он остается и лириком, и эпиком. Плодотворно учась у Шолохова и Твардовского, он давно выработал свой самобытный стиль».

(Ег. Исаев, с.54)

«В федоровских книгах люди говорят на живом, выразительном языке... Федоров бережет великий, могучий и прекрасный язык, черпает из речи народа, из его поэтического языка слово простое, меткое, живописующее и звенящее, как струна».

(П. Мезенцев, с.68)

«С Украиной В.Федорова связывает длительная и большая творческая дружба с поэтами, режиссерами и композиторами. Свою лирическую хронику «Белгород», созданную в Харькове, он посвящает украинскому писателю Анатолию Хорунженко, который сражался в годы войны под Белгородом - за родной город поэта».

(М. Набока, с.72)

«Мы с Владимиром одногодки. Но я с первой нашей встречи ощутил огромную меру его эрудиции, неистовость его трудолюбия, упорство в достижении цели. Работал он поистине на износ».

(И. Родичев, с.78)

«Жанровое своеобразие творчества В.И.Федорова обусловлено весомостью и своеобразием содержания».

(О. Ситникова, с.81)

«В творчестве Владимира Федорова особое место занимает есенинская тема. Поэма «Щедрое сердце Есенина, или наследник Пушкина» – красноречивое тому свидетельство».

(В. Сухов, с.89)

Художественный интерес писателя к своей «малой родине» не означает стремление В.Федорова к локальности тем и конфликтов... Соотношение судьбы с целыми историческими эпохами, выражение в человеческой судьбе вечных проблем – жизни и смерти, личности и общества, добра и зла – таковы содержательные и художественные компоненты произведений В.Федорова.

(Ю. Филиппов, с.91)

«В стихах Вл. Федорова воплотился героический характер «лирического героя», который настолько автобиографичен, что этот литературоведческий термин кажется искусственно привнесенным».

(А. Фиронов, с.92)

«Обаяние представителей молодого поколения федоровской драмы («Белгородские ключи» – *авт.*) усиливается, озаряется еще и ореолом их первой чистой любви. Светлая любовь Геннадия и Лены освещена высокой мечтой».

(И. Чернухин, с.94)

«Если бы я был художником-живописцем, то воплотил бы друга своего Владимира Федорова в образе большого подсолнуха, маленьким солнцем на белгородской земле, на фоне белых меловых круч, на зеленом берегу неказистой речушки Нежеголи, что вьется вокруг села Маломихайловки, где мы снимали фильм «Сумка, полная сердец».

(А.Буковский, с. 106)

«По многочисленным произведениям Владимира Федорова щедро рассыпаны страницы, целые стихотворения, согретые трепетной сыновней любовью к родной белгородской земле, строки, открывающие нам, живущим в этом крае, глаза на него...».

(Б. Осыков, с.126)

«Очень ярким пятном в палитре советского кинематографа был фильм «Сумка, полная сердец». С любовью снят фильм. К человеку, его судьбе, судьбе страны, Родины. В этом огромная заслуга прежде всего автора сценария и повести, настоящего бойца своей земли, талантливого русского писателя Владимира Федорова. Он выстрадал, выпестовал эту тему...».

(И. Лушкарев, с. 131 -132)

«Над каждой книгой он работает не один год, обдумывая каждое слово. Например, роман «Сказ про студеный Ключ» автор писал 20 лет. Многие главы его переделывал много раз. Я читал этот роман в рукописи трижды и всегда обнаруживал в нем значительные изменения».

(А. Слукин, с.136)

«В отличие от меня Володя не просто сочинял – он действовал. Давал свои сочинения на школьную сцену, писал в детские издания и не особенно огорчался, когда его вещи присылали обратно, не печатали. Однажды его стихи напечатали в «Пионерской правде», сколько было торжества».

(Б. Федоров, брат писателя, с. 143)

«Произведения Владимира Федорова можно назвать истинно народными, потому что они отражают народную жизнь в ее повседневности, обыденности. Его новая повесть «Праведницы и грешницы» не является исключением. Она рассказывает о судьбах женщин русского села. Повесть отличается особым стилем, отмеченным влиянием народного сказа и народной песни. Сам по себе этот стилистический прием не нов. Им широко пользовались Гоголь, Некрасов, Платонов, Шолохов и другие писатели прошлого и настоящего времени. В.Федоров – достойный продолжатель этих традиций. С одной стороны, он потребовался писателю, чтобы глубже раскрыть духовный мир своих героев из народа, как бы приподнять над обыденностью душу русскую, необыкновенную в своей объективности. С другой стороны он помогает читателю проникнуть в свое собственное сердце, в сердце автора, переполнен-

ное гражданским беспокойством, заботой, любовью по поводу судеб своих бесконечно дорогих земляков».

(С.Гринева, с. 149)

«Публицистическая поэма В. Федорова «Маршал Победы» посвящена великому воину нашей страны Георгию Константиновичу Жукову... Однако... автор делает читателя как бы свидетелем того, о чем говорит автор сейчас, но это «сейчас» оказывается идущим из прошлого, а в этом прошлом – на каждом этапе – мы опять оказываемся современниками событий».

(М.Федорова, с.164)

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВ

БРАТЯ-СЛАВЯНЕ

Музыка Александра Билаша

Батяка мой, русский, плавил металл он.

Мать-белоруска – рожь убирала.

С белой березой дуб на поляне.

Кто мы такие? Братя-славяне.

Кончится лес, а за лесом равнина.

Как неоглядна твоя Украина!

Солнце встречал я с тобой на кургане.

Кто мы такие? Братя-славяне.

Стежки степные, травы лесные,

Карие очи и голубые.

Днепр мы покажем дочке Оксане.

Кто мы такие? Братя-славяне.

Он не садился. Стоял перед нею.
– Ты мой любовник
И старший в бараке.
Он головой покачал, бледнея:
– Нет уж!
– Так сдохнешь хуже собаки!..
Воют сирены, воют сирены.
Выгнали всех. Палачи в карауле.
Не в крематория смрадные стены -
В темную яму Ивана толкнули.
Что-то косматое, страшное что-то
Там зарычало. Медведь черно-бурый
Дышит в лицо. Растерзает в два счета.
Свежею кровью забрызгана шкура.
Ярая сила в Ивана вселилась:
– Нет я не дамся тебе, людоеду...
Пальцы в косматую глотку вцепились.
Он – весь в крови –
Задушил он медведя.
Взглядом студеным, слегка удивленным,
Смотрит на русского женщина в форме.
Черные трубы над рощей зеленой.
– Будет награда тебе, непокорный,
Ты заслужил ту награду по праву!.. –
Выстрел в упор. Он упал бездыханный.
И на столе в ясной банке у фрау
Сердце Ивана, сердце Ивана.
Сердце, влюбленное в ветлы России,
Сердце, которому ужас неведом.
Ярая сила, ты задушила,

Ты задушила фашизм, как медведя.
Сгинул он жутким кровавым туманом,
Выброшен в яму с колючкою ржавой.
Сердце Ивана, сердце Ивана.
Сердце, влюбленное в ветлы России,
Сердце, которому ужас неведом.
Ярая сила, ты задушила,
Ты задушила фашизм, как медведя.
Сгинул он жутким кровавым туманом,
Выброшен в яму с колючкою ржавой.
Сердце Ивана, сердце Ивана,
Ты пережило зловещую фразу.

КАЛИНА ВО РЖИ

Музыка Александра Билаша

Стоит, пригорюнясь, калина во ржи.
Калина, где юность, где цвет твой, скажи?
Свистели, хлестали шальные пески.
Калина, скажи, где твои лепестки?
Спят крутые белые отроги.
Не грусти, калина, у дороги,
Не грусти!..
Над белою кручей поют соловьи.
Что ж ты невезуча, калина, в любви?
Весеннею ночью и ей не до сна,
Весеннею ночью калина одна.
Спят крутые белые отроги.
Не грусти, калина, у дороги,
Не грусти!..

Упорный, с открытой душой.
Ой, дети мои!.. –
Но молчит каждый стебель,
Не помнит о жгучей золе.
Плывут облака по огромному небу
Да тени бегут по земле.

.....

3

Мы стали бронзой, мы, живые,
Вся боль земли вселилась в нас.
Глаза, что щели смотровые,
Нам не зажмурить строгих глаз.
Пахать не могут наши руки
Не год, не пять – полсотни лет.
Скажи мне, мать, скажите, внуки,
Не стал он черным, белый свет?
Скажи мне: снова к нам не лезут?
Скажи: он спал, гремучий зной?
Поля, где плавилось железо,
Зовут Железною землей?

4

У вдовы печальной чуть дрожали
руки.
Как ему с сынами рассказать
про то,
Что цветут тюльпаны,
что женились внуки
И что в пушке танка
птица вьет гнездо
И вдова седая сгорбилась от боли.

Разве он увидит ширь и высоту?
Огненное поле, огненное поле...
То не бой - подсолнухи в цвету. –
Милый, упокойся! Мы турнули
беса,

В Прохоровском поле
спал гремучий зной.
Только землю эту, что таит железо,
Все зовут Железною землей.

ШЕБЕКИНСКИЕ СОЛОВЬИ

(из драмы «Белгородские кручи»)

Музыка народная

Плещет в речке Нежеголь
Лунная вода.
Раньше я в Шебекине
Не был никогда.
Говорят, что в юности
Тут бывал отец,
Говорят, что в лунности
Тут свистел свинец.
Я иду по берегу,
Где отца окоп?
Соловьи в Шебекине
Щелкают взхлеб.
Под луной несмелою
Все белым-белы
Эти кручи белые,
Белые стволы.
Шел отец мой рощею,

Шел через поля.
Край мой, Белгородчина,
Родина моя!
За тебя, певучую,
За твои ключи
Тут, под этой кручею
Все белым-белы
Эти кручи белые,
Белые стволы.
Шел отец мой рощею,
Шел через поля.
Край мой, Белгородчина,
Родина моя!
За тебя, певучую,
За твои ключи
Тут, под этой кручею
Бился он в ночи.
Соловьи, вы щелкали
И под свист свинца.
Я нашел в Шебекине
Молодость отца.

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛГОРОДЧИНЫ

ФЕДОР ПЕВНЕВ

Певнев Федор Павлович (1912-1979) родился в Чернянском районе в семье кузнеца. Окончил рабфак в городе Моршанске, учился в Воронежском зооветинституте.

До войны работал на Курской магнитной аномалии, был первым ее летописцем. В годы войны и после нее был корреспондентом различных газет.

Первая книга-очерк «Покорение бассейна» вышла в Воронеже в 1934 году. Автор написал более пятнадцати книг, в том числе: «Зоренские дворы» (Курск, 1984), «Во глубине России» (Белгород, 1961, Воронеж, 1977), «Галя и Тимка» (Воронеж, 1966), «Осенние костры» (Москва, 1967 и 1972, Воронеж, 1970), «Два лета в Ясных зорях» (Москва, 1975).

ВЛАДИМИР ЖУКОВСКИЙ

Жуковский Владимир Степанович родился в 1921 г. в Пермской области. Воспитывался в детских домах. В 1840 году пошел в армию. Воевал. Был ранен.

После войны закончил Душанбинский пединститут. Работал хлебопеком, журналистом, редактором журнала и издательства. В Белгороде живет с 1964 года. Был первым секретарем областной писательской организации.

Стихи и проза, переводы с таджикского публиковались во многих газетах, альманахах, сборниках.

Автор более десяти книг: «Радуга-дуга» (Душанбе, 1958), «Ночной поиск» (Куйбышев, 1964), «Черные дни Хайяма», «Начни жизнь сначала», «Песня, спетая один раз» (Воронеж, 1969, 1975, 1983) и других.

НАТАЛЬЯ ОВЧАРОВА

Овчарова Наталья Глебовна родилась в Вологде. После окончания школы учительствовала, работала в газете. В 1942 году добровольно ушла на фронт.

В 1953 году заочно закончила Курский учительский институт. Работала в издательстве, в газете.

Автор более десяти книг стихов, прозы, публицистики, в том числе «Первая завязь», «Не просто любить» (Белгород 1959, 1963), «Сгореть на ветру», «Товарищ по фронту», «Кукушкин лен», «Женщина – имя твое», «Яблоко в листве» (Воронеж, 1971, 1976, 1978, 1983, 1987).

ИВАН ОВЧИННИКОВ

Овчинников Иван Егорович родился в 1924 году в Валуйском районе. Воевал. Был тяжело ранен.

Работал в колхозе счетоводом, главным бухгалтером. После окончания Белгородского пединститута преподавал в школе, работал в районной газете.

Публиковался в центральных и областных газетах, во многих сборниках, в том числе: «Начало», «Первый взгляд», «Слово бойца».

ЕЛИЗАВЕТА РОМАНОВА

Романова Елизавета Сергеевна родилась в Краснодарском крае. Училась в Смоленском пединституте, а в июне 1941 года со студенческой скамьи пошла на фронт. Была медсестрой, переводчицей.

Много лет преподавала в Белгородском пединституте.

Проза и публицистика публиковались в областной печати, в журнале «Подъем».

МАРИНА ФЕДОРОВА

Федорова Марина Васильевна родилась в Чувашии, до войны жила в Казани.

Фронтовичка. Закончила войну в Берлине.

После демобилизации училась в Казанском, а затем в Воронежском университетах. С 1950 года – на преподавательской работе. Доктор филологических наук, профессор Белгородского университета.

Публиковалась в периодической печати, во многих коллективных сборниках. Автор сборника стихотворений «Тихие слова» (Белгород, 1992).

ГАЛИНА ХОДЫРЕВА

Ходырева Галина Васильевна – коренная белгородка. Закончила факультет редактирования Полиграфического института в Москве. Работала в издательстве, в редакции газеты «Белгородская правда».

Стихи и рассказы печатались в газетах, журнале «Подъем»; сборниках «Начало пути», «Наше время», «Новый дом», «Рукопожатие».

Автор сборников стихотворений для детей: «Белочка» (Курск, 1955), «Весенний денек» (Белгород, 1961), «Лесные малыши» (Воронеж, 1965).

ВЛАДИСЛАВ ШАПОВАЛОВ

Владислав Мефодьевич Шаповалов родился в 1925 г. Семнадцатилетним добровольно ушел на фронт. Был тяжело ранен. После войны окончил университет, учительствовал.

Автор более двадцати книг прозы: «Зачарованный бор» (Воронеж, 1979), «Старый букварь» (Москва, 1980), «Медвяный звон» (Москва, 1982, 1988), «Дедушкины вечера» (Москва, 1988), «Серые великаны» (Воронеж, 1988), роман «Белые берега» (Воронеж, Москва, 1989, 1990) и других.

В.М. Шаповалов – лауреат трех журнальных премий, а также лауреат Всероссийского конкурса на лучшее художественное произведение для детей и юношества. Его книги переведены на ряд западно-европейских языков.

ВИТАЛИЙ БУХАНОВ

Буханов Виталий Степанович (1926-1965) родился в селе Беловское. Работал в колхозе. Воевал. Первое стихотворение напечатал во фронтовой газете в 1944 г. После войны закончил Литературный институт.

Печатался во многих газетах и журналах, в коллективных сборниках. Автор более десяти поэтических книг, в том числе: «Северный Донец» (Харьков, 1957), «Крутые берега» (Курск, 1958), «Степные цветы» (Белгород, 1960), «Земляки» (Москва, 1964), «Зеленые паруса» (Воронеж, 1966), «История России» (Москва, 1967).

НИКОЛАЙ ГРИБАНОВ

Грибанов Николай Иванович (1927–1983) родился в Воронежской области. Закончил Воронежский университет. После его окончания преподавал в Белгородском пединституте.

Печатался в областной печати, в журнале «Подъем», в коллективных сборниках «Начало» и «Голоса пяти городов». Автор сборников стихотворений «Песнь о моем селе» и «Донские окоемы» (Воронеж, 1974, 1982).

ВЛАДИМИР БРАГИН

Брагин Владимир Антонович родился в 1928 г. в Волоконовском районе. Работал на строительстве Волго-Донского и Волго-Балтийского каналов, на целине в Казахстане. Сменил много рабочих профессий, учительствовал. Окончил Литературный институт.

Автор пяти сборников и рассказов для детей: «Степная музыка» (Белгород, 1963), «Синь-синица», «Эхо весны», «Капелька солнца» (Воронеж, 1974, 1979, 1989), «Зимняя травка» (Белгород, 1993).

ВЛАДИМИР МИХАЛЕВ

Михалев Владимир Васильевич родился в 1928 г. в селе Терехово Старооскольского района Белгородчины. Большую часть жизни проработал пастухом в родном хозяйстве. Закончил Высшие литературные курсы в Москве. Много публиковался в центральной и областной печати.

Автор семи сборников стихотворений, в том числе: «Земля моя» (Белгород, 1962), «Оклик» (Москва, 1970), «Радость» (Москва, 1976), «Поклон» (Воронеж, 1988) и других.

ЛЕОНИД КУЗУБОВ

Кузубов Леонид Трифионович родился в 1929 г. в Шебекино. Двенадцатилетним подростком бежал на фронт. Участвовал в боях, в том числе на Курской дуге и за освобождение Белгорода.

Публиковался во многих журналах, альманахах, сборниках, вышедших в Москве, Минске, Воронеже и других городах. Стихи переводились на болгарский, венгерский, немецкий, белорусский и другие языки.

Лауреат нескольких литературных конкурсов, в том числе им. А. Фадеева.

Автор девяти стихотворных сборников: «Капля росы», «Соловьиная россыпь» (Белгород, 1961 и 1963), «Подвиг», «Автограф» (Москва, 1974, 1978), «Ночь перед атакой», «Мужество», «Суровая юность» (Воронеж, 1974, 1978 и 1989), «Вечный огонь» (Берлин, 1976), «Талисман» (Белгород, 1993).

ПЕТР РОЩУПКИН

Рощупкин Петр Яковлевич родился в 1929 г. Коренной белгородец. Работал в колхозе, затем на заводе. Последние годы - на Оскольском металлургическом комбинате. Закончил техникум и институт.

Публиковался в областной и центральной печати, в ряде коллективных сборников, в том числе «Первый взгляд», «Свидание», «Оскольская лира».

Автор книги стихотворений «Похеренный век» (Белгород, 1993).

ИГОРЬ ЧЕРНУХИН

Чернухин Игорь Андреевич родился в 1930 г. в Томаровке. После окончания школы поступил в Харьковский юридический институт. Был незаконно арестован. В 1956 году освобожден и полностью реабилитирован.

Работал на стройках, в газете, редактором издательства. Более пятнадцати лет руководил литературной студией «Современник». Заочно закончил Литературный институт.

Публиковался во многих газетах, журналах, альманахах, сборниках. Автор десяти стихотворных книг, в том числе: «Лицом к свету» (Белгород, 1960), «Горизонт», «Поющая ветка», «Трава под снегом» (Воронеж, 1965, 1987, 1990), «Дни», «Теплый снег» (Москва, 1978, 1982), «Бел-город», «Поздний дождь», (Белгород, 1992, 1994).

ДМИТРИЙ МАМАТОВ

Маматов Дмитрий Акимович родился в 1931 г. в селе Призначном в крестьянской семье. После службы в армии работал художником-оформителем в областных газетах, затем в хозяйствах Белгородского района.

Печатался в областных газетах, в журнале «Подъем», в сборниках «Рукопожатие», «Слово» и других изданиях. Автор сборников стихотворений «Вечерний разговор», «Добро», «Раздолье» (Белгород, 1958, 1992, 1993).

ЛЕВ КОНОРЕВ

Конорев Лев Федорович родился в 1933 году в Курской области. Окончил МГУ. Работал в журналистике.

В 1982 году приехал в Белгород.

Повести, рассказы, очерки печатались во многих газетах и журналах, в том числе в «Литературной России» и «Нашем современнике», в различных сборниках.

Автор сборников прозы: «Солнце играет» (Воронеж, 1968), «Деревенские вечера» и «Шмелиный мед» (Москва, 1972, 1977), «Ранние холода» (Йошкар-Ола, 1982), «Росные травы» (Воронеж, 1989).

БОРИС ОСЫКОВ

Осыков Борис Иванович родился в 1937 г. Среднюю школу окончил в Старом Осколе, с 1957 года живет в Белгороде. Журналист.

Автор книг о нашем крае: «Здесь рождались «Синие звезды» (Воронеж, 1968), «Белогорье, синие дали» (Воронеж, 1977, Москва, 1984), «Я родился в селе Красном» (Воронеж, 1981), «Озаренный первым салютом» (Москва, 1985), «Время было необыкновенное» (Воронеж, 1984), повести «Вдали, за Северским Донцом» (Белгород, 1986) и других.

В 1992 году в Белгороде издана книга для детей «Плыл по морю чемо-дан».

ПАВЕЛ МЕЛЕХИН

Мелехин Павел Леонидович (1940-1983) родился в Липецкой области. В молодые годы жил на Белгородчине. Здесь же опубликовал свои первые стихи. Закончил Литературный институт.

Автор сборников стихотворений «Моими глазами», «Кануны», «Дневник души» (Москва, 1966, 1978 и 1982), «Эхо» (Воронеж, 1967).

ЕВГЕНИЙ ДУБРАВНЫЙ

Дубравный Евгений Федорович родился в 1942 г. на Кубани. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета. Работал в областных и районных газетах.

Рассказы и стихи публиковались в газетах, журналах, сборниках. Автор книг «Анютины встречи», «Смерть шампиньона» (Белгород, 1991, 1992).

АЛЕКСАНДР ФИЛАТОВ

Филатов Александр Константинович (1943-1988) родился в селе Топлинка Белгородского района, где прожил многие годы. Последнее время жил в Белгороде. Закончил Белгородский пединститут. Учительствовал.

Автор сборников стихотворений: «Цветы и осень», «Огни зовущие», «Окно» (Воронеж, 1976, 1980, 1985), «Я воскресну в травах спелых» (Белгород, 1998).

АЛЕКСАНДР МАШКАРА

Машкара Александр Вениаминович родился в 1947 г. Детство и юность прошли в Новом Осколе. Работал на стройке, в газете. Живет в Старом Осколе.

Заочно окончил Литературный институт. Участник IX Совещания молодых писателей в Москве. Стихи печатались во многих журналах и сборниках, вышедших в Москве и Воронеже.

Автор сборника стихотворений «Год беспокойного сердца» (Старый Оскол, 1992).

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ

Молчанов Владимир Ефимович родился в 1947 г. Детство и школьные годы прошли в селе Новотаволжанка. Закончил Белгородское музыкальное училище и Воронежский государственный университет.

Работал в газете. Был редактором издательства.

Публиковался во многих журналах, в том числе, «Новый мир» и «Юность», в сборниках. Стихи переводились на другие языки.

Автор сборников стихотворений: «Сирень», «Родство», «Минута тишины» (Воронеж, 1980, 1984 и 1988), «Подснежники» (Белгород, 1992), «Посвящение» (Белгород, 1995).

ВЛАДИМИР ЧЕРКЕСОВ

Черкесов Владимир Николаевич родился в 1947 г. в городе Благовещенске. Работал в газетах Дальнего Востока.

С 1982 года живет в Белгороде. Печатался в журналах, альманахах, сборниках, изданных в Москве, Белгороде, Благовещенске, Владивостоке, Воронеже, Хабаровске.

Автор стихотворных сборников: «Вечные родники» (Хабаровск, 1977), «Небо и поле» (Благовещенск, 1982), «Заповедь» (Воронеж, 1989), «Люблю!» (Белгород, 1993), книги документальной прозы «Минерам было по шестнадцать» (Белгород, 1993).

ТАТЬЯНА ОЛЕЙНИКОВА

Олейникова Татьяна Ивановна родилась в поселке Томаровка. Работала воспитателем в детском саду, преподавала в школе. Заочно закончила Литературный институт. Сейчас живет в Старом Осколе.

Печататься начала с шестнадцати лет. Стихи публиковались во многих газетах, журналах, альманахах, сборниках, вышедших в Москве, Воронеже, Хабаровске.

Автор сборников стихотворений «Ухожу за тобой», «Глоток воды», «Полдень» (Воронеж, 1968, 1978, 1984), «Спаси себя, человеке...» (Белгород, 1992).

НИКОЛАЙ ГРИЩЕНКО

Грищенко Николай Николаевич родился в 1949 г. в Валуйском районе. После восьмилетки работал в колхозе, учился в вечерней школе.

Служил в армии. Окончил военное училище связи и заочно Литературный институт.

Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Подъем», «Неман», в литературных сборниках, вышедших в Москве и Воронеже. Автор сборника стихотворений «Опять звонят колокола» (Белгород, 1991).

ГЕННАДИЙ ОСТРОВСКИЙ

Островский Геннадий Владимирович родился в 1950г. После школы служил на флоте, работал на Белгородском витаминном комбинате. Учился заочно в Литературном институте.

Участник VII совещания молодых писателей в Москве. Публиковался в журналах «Октябрь», «Огонек», «Костер», «Подъем» и других, в областной печати.

Автор сборников стихотворений: «Возвращение» (Воронеж, 1979), «За весенними птицами» (Москва, 1981), «Белый холм» (Воронеж, 1989).

ЛЮДМИЛА БРАГИНА

Людмила Братина – член Союза писателей России, лауреат премии «Молодость Белгородчины» (1995), автор двух сборников стихотворений: «Чистый звук» (Белгород, 1993) и «Дождь снов» (Москва, 1995), «Белый налив» (Белгород, 1997).

ПО ВОЛНАМ МОЕЙ ПАМЯТИ

Стылым мартовским вечером, возвратясь домой, нашла записку сына: «Мама, позвони Оле Истоминой, нее для тебя есть очень хорошая новость». И я, еще не набрав знакомый номер, сразу же поняла, что единственной радостной за многие месяцы вестью для меня может бы только выход долгожданной книги поэта Александра Филатова, моего любимого учителя.

И вот передо мной эта книга: Издательский дом «Ш повалов», А.Филатов. «Я воскресну в травах слепых». И бранное. Первое, что бросается в глаза - это удивительно простое и емкое художественное решение юной художницы Юли Алутиной: белый переплет, в тонких черных линиях - прозрачные рисунки. И я ловлю себя на мысли: «Да, все точно, ведь сам Филатов, обращаясь к художнику С.Косенкову, писал: «Живописуя свет и тень... Не доверяй обилью красок. Тут два начала: ночь и день. Все остальное - бремя масок».

С волнением открываю первую страницу и встреч; до боли знакомый, добрый и мудрый, чуть ироничный взгляд Александра Константиновича Филатова, такого я живого и близкого, как будто и не было этих долгих десяти лет разлуки:

Я воскресну в травах слепых,
В каждой нитке повилики,
На снегах иссиня-белых
Неземным и сердоликим...

Я начинаю читать и... не могу – глаза застилают слезы. Ведь все, о чем так пронзительно писал Филатов, так дорого и близко мне, одной из сотен его учениц той далекой, теперь уже «бездетной» Топлинской школы, где преподавал литературу и русский язык Александр Константинович.

Всего короткий срок вписан в биографию Александра Филатова – пе-

риод учительства в Топлинке. Но для многих из нас, его учеников, годы учебы у него стали главными в жизни. Именно встреча с Филатовым, неординарной личностью, человеком высочайшего интеллекта и большой души, стала определяющей для нашего становления. Его вдохновенные, наполненные радостью творчества уроки литературы были для нас уроками жизни, добра и любви. Любви к прекрасному, к людям, родной земле...

Я перелистываю страницу за страницей новой книги и вместе с поэтом как бы плыву по волнам своей памяти. Вот я, совсем юная деревенская девочка, слушаю его завораживающий голос на уроке литературы или иду через лес с полной сумкой книг из его домашней библиотеки, или с трепетом несу ему свои первые неумелые стихи. И слышу его голос:

– Милая, хорошая, смотри

Не разбейся только

ненароком...

Я помнила эти слова всю жизнь: когда уходила за порог школы, когда рожала детей, когда собирала осколки разбитого счастья, когда...

Открываю следующую страницу, и мой Учитель вновь, как тогда ведет меня по знакомым тропинкам детства и отрочества, и вместе с ним:

Я читаю раскрытую

книгу осеннего леса

И ответы ищу на мучительный,

долгий вопрос...

Эти мучительные вопросы он задавал себе всю жизнь и учил нас не уходить от них, искать свои ответы.

Поэзия Александра Филатова не может оставить равнодушным, как был неравнодушным человек он сам. Если определить главную тему его творчества, то, наверное, такой связующей нитью будет Любовь: к природе, родному селу, к сыну, жене, к жизни... Филатов знал и понимал, как надо любить Родину, потому что сам любил ее до боли, до слез. Для него Родина – это прежде всего его

Наверное, только так можно научить детей любви к Родине, ее истории и настоящему.

Любовь к народу для учителя и поэта Филатова лишена ложно-патетической окраски, в ней нет никакой фальши. Он любит своих земляков-односельчан:

В моей деревне – так легко,
В моей деревне – все по-русски...

Любовью пронизаны строки, воспевающие «нелегкий труд людей, прекрасный - столь же и не новый». Сам поэт говорит о своем древнем родстве с ними: «Закваска древняя во мне и столяра, и стогомета...»

Особой нитью вплетена в творчество Филатова тема войны. Рожденный в грозном сорок третьем, он с молоком матери впитал и боль утрат, и ненависть к врагу. Об этом его строки «Я видел уходящего врага...» Потрясают своей пронзительностью стихи «Слышал на братской...», «Говорят тюльпаны из Европы». Здесь нет ни ложного пафоса, ни гневно-обличительного тона, а лишь:

Засажу тюльпанами окопы,
Укрощу зловещую войну,
Расцветут –
я срежу осторожно
Красную слезиночку войны...

Удивительно добрые и мудрые строки Александр Константинович посвящает сыну Саше: «Прочитай, мой малыш, эту книгу Добра и Печали...», без назидания, терпеливо, с любовью он учит сына читать Книгу Жизни, распознавать Добро и Зло, Свет и Тьму:

Бери не бойся:
вот книга, а вот
Живая струя ускользающих вод.
Вот горстка земли:
перегной и зола
Всеплодность добра
и бесплодие зла

.....
Но сам выбирай по душе и уму –
Хоть свет на свету,
хоть ползучую тьму.

Страница следует за страницей, и как будто вместе с ними я перелистываю годы... Стихи знакомые и незнакомые, время далекое и близкое... И вот передо мной последняя поэтическая глава книги – «Поле мое», где собраны неизданные при жизни поэта стихи. Я читаю их и не могу понять, почему же так становится больно, почему не проходит мучительный ком в горле? Оттого ли, что на всех этих строках такая печать утраты, такое предчувствие беды, такая неизбывная печаль?

Не стало Топлинки, ушли на гнилое дно «рукотворного» моря тропинки к родной школе, погибла криница... Последний угол старины,

Последний дом
в глубинах сада...
Легко на все со стороны
Глядеть. Когда рыдать не надо.
Но если в крик душа болит,
Но если в сердце зреют слезы,
Как мне глядеть на груды плит,
И в землю втоптаные розы...?

Мы не виделись долгих семь лет. Но для меня они были целую вечностью, безвременьем. Я работала, растила детей, училась в аспирантуре, но, как мне казалось, вовсе не жила, верней, не так жила. Временами мне казалось, что я потеряла ту единственную, самую дорогую мою дорогу – дорогу к Филатову, моему Учителю, по которой я могла прийти к нему через пургу и весеннее половодье в надежде на встречу, поддержку, сопереживание...

Но нет, не потерялась эта дорога. Она привела меня к Филатову спустя годы, правда, уже в городскую квартиру, как он говорил, «коммуналку», где так было тесно и неуютно ему, «рыбаку и сельскому поэту». И я не могу себе простить, что пришла к нему слишком поздно! Жить ему оставалось не многим больше года.

Последняя наша встреча состоялась за месяц до его смерти. Мы, несколько одноклассников, пришли к Александру Константиновичу, когда смертельный недуг уже сковал его тело. Но как светились его глаза, как радовался он вместе с нами, как смеялся, когда вспоминали мы Топлинку, наши школьные шалости, рыбалку, Полтаву, ... и лишь иногда легкой грустной дымкой подергивались его глаза...

Я читаю филатовскую «Дорогу к Толстому» (лучшее его прозаическое произведение), и для меня вдруг так ясно видится, что это я – та девочка-девятиклассница за второй партой, и это мне мой Учитель говорит:

– Толстой мешает быть уверенным, самоуспокоенным... Не быть уверенным, «быть вполне хорошим» – значит поискать, помучиться, найти...

И для меня так естественно выстраивается ряд: Толстой – мой Учитель – я. Он понял, мой Учитель, понял главное и сумел передать мне: «Объединить всех в одном чувстве: с собою, друг с другом, потом с целым миром. Объединить в осмыслении «фальши – нефальши», «можно – нельзя».

Я закрываю последнюю страницу, но наш разговор продолжается...

Знаю, что уйду наверняка
В те миры,
 где все подвластно свету,
Где совсем другие облака
Освежают знойную планету,
Где звезда вечерняя горит
В глубине вселенского тумана
И с Землей спокойно говорит
Языком, не ведавшим обмана...

В. Цоллер (Белецкая)
доцент БГУ, выпускница Топлинской средней школы 1973 г. («Белгородские известия», 25 марта 1998г.)

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Наша белгородская земля взрастила немало талантливых людей, внесших вклад не только в историю русской литературы, но и историю культуры в целом.

В истории культуры России известны имена М.С. Щепкина (Белгородский театр носит его имя; в с. Красном – мемориальный музей знаменитого актера из крепостных);

П.Я. Барвинского (его имя вошло в историю украинского театрального искусства; родился он в Борисовке и в конце жизни, поселившись в Белгороде, занимался просветительством – создал театр-студию на общественных началах, имел переписку с Чеховым, делал попытку писать и даже был опубликован один из его рассказов).

В Грайвороне, хотя и недолго, жил С.Г.Скиталец (его первая часть биографической повести «Этапы» написана о грайворонском периоде жизни, подробнее об этом можно прочитать в «Литературной белгородчине», Белгород, 1979, с. 106-119).

С Белгородчиной связана в какой-то мере творческая судьба писателя – выходца из крестьянской среды – И.Е.Вольнова (там же, с. 120-127).

Ранний этап жизни известного писателя Д.И. Крутикова связан со Старым Осколом, где он учился в реальном училище, там сделал первые неопытные еще шаги в творчестве (в рукописном журнале «Экспресс». В годы гражданской войны его жизнь вновь переплетается с судьбиной Староосколя, с рождением Первой конной армии. Творчество писателя отразило события и судьбы, которые развивались на земле белгородской).

В наших краях родилась знаменитая песня «Там вдали за рекой» Н.М. Кооля.

Недолго жил в наших краях А.П. Гайдар (там же с 141-150).

Через Белгород, находившийся на пути из Москвы на юг, проезжали Белинский, Гоголь, Бунин, Островский, Станюкович и многие другие.

И сегодня белгородская земля достаточно богата талантами. Книги, сборники-антологии, альманахи и другие виды творческой продукции выходят в издательствах регулярно. Они стали доступны каждому учителю. В этом признак нового, хотя и трудного времени.

Нужно возродить незаслуженно забытые имена, смести пыль с затуманенной памяти современников, восстановить все звенья в цепи истории развития литературы и культуры, помочь увидеть в ней хоть и не очень большой, но достаточно отчетливый «белгородский след».

Для заметок

Учебное издание

Светлана Петровна Гринева

**ЛИТЕРАТУРНАЯ БЕЛГОРОДЧИНА
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Учебное пособие

В авторской редакции
Компьютерная верстка *И.В. Берлина*

Подписано в печать 13.09.2006. Формат 60×84/16.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 10,93. Тираж 150 экз. Заказ № 260.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в издательстве
Белгородского государственного университета
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85